

Международный научно-практический
правовой журнал

„ЗАКОН И ЖИЗНЬ”

Издание аккредитовано Высшим советом
по науке и технологическому развитию
АН Молдовы.

Решение №61 от 30.04.09

Категория «С»

ISSN 1810-3081

Учредитель: Министерство
юстиции Республики Молдова

Соучредители:

Конституционный суд, Высшая судебная палата,
Министерство внутренних дел, Институт юриди-
ческих и политехнических исследований АН РМ,
Академия МВД «Штефан чел Маре», Славянский
университет, Институт прикладной криминологии
и уголовного права, Балтийская Международная
Академия, НИИ прав человека НАН Азербайджана,
Запорожский национальный университет.

Издается с января 1991 г.

№ 6 (269) 2014 г.

Главный редактор

Л. АРСЕНЕ

Редакционная коллегия

Намик Гасан оглу Алиев, доктор хабилитат
права, профессор (Баку), В. Бужор, доктор права,
А. Буриан, доктор хабилитат права, М. Георгицэ,
доктор хабилитат права, профессор, В. Гуцуляк,
доктор права, профессор, Е. Ищенко, доктор
юридических наук, профессор (Москва), И. Кайряк,
доктор права, Н. Карпов, доктор юридических наук,
профессор (Киев), Г. Костаки, доктор хабилитат
права, профессор, Т. Коломоец, доктор юридических
наук, профессор, заслуженный юрист Украины,
(Запорожье), А. Лончаков, доктор юридических
наук, профессор (Хабаровск), В. Наумов, зам.
главного редактора, Б. Сосна, доктор права, и.о.
профессора, В. Флоря, доктор права, Е. Харитонов,
доктор юридических наук, профессор, член кор.
НАПрН Украины, Заслуженный деятель науки и
техники Украины (Одесса), В. Шепитько, доктор
юридических наук, профессор, академик НАПН
Украины (Харьков).

Адрес редакции:

2012. Кишинев, ул. Пушкина, 22

Дом печати,

телефон для справок: 373 22 23 37 90.

© Перепечатка материалов только с разрешения
издателя

E-mail: legea_zakon@mail.ru

web страницы: www.legeazakon.md

www.legeasiviata.in.ua

СОДЕРЖАНИЕ

Г.ФЕДОРОВ, В.ТРАВИН. Понятие, структу-
ра и содержание правоприменительного акта. 4

Б.СОСНА, И.АРСЕНИ, И. ТЕРЗИ. Право-
вое регулирование арбитражного процесса в
Республике Молдова 13

А. СОСНА, Д. ФАКИРОВ. Применение ад-
министративной ответственности за наруше-
ние налогового законодательства. 18

В. КУЧУК. Влияние кризиса в Украине
на экономическую безопасность Республики
Молдова 22

Гумбатов Эльнур Акиф Оглы. Социально-
юридические основания прав и свобод лично-
сти: вопросы теории 32

Т. ПЫНЗАРУ, Р. СУЛТАНОВ. «Электронное
правительство» как часть «электронной демо-
кратии» 38

В. САНДУ. О некоторых проблемах увольне-
ния в связи с сокращением численности или
штата предприятия 43

А. КОВАЛЬСКИЙ, В. ФЛОРЯ. Как надо за-
щищать свои права 48

Marian OCTAVIAN. Fundamente și principii
ale statutului juridic al persoanei 49

В. ФЛОРЯ. РЕЦЕНЗИЯ на монографию Мо-
скаленко Виталия Федоровича, ректора На-
ционального медицинского университета им.
А.А. Богомольца (Киев), вице-президента,
академика НАМН Украины, профессора, уче-
ного с мировым именем «Концептуальные
подходы к формированию современной про-
филактической стратегии в здравоохранении:
от профилактики медицинской к профилак-
тике социальной» Москва, Издательская группа
«ГЭОТАР-Медиа» 2011 г., 240 с. 57

Компьютерный набор. Формат 60x84 1/8. Печать офсетная

Усл. п.л. 11,75. Тираж 350.

Подписано в печать 3.06.2014.

Отпечатано SRL „Cetatea de Sus”, г. Кишинэу

ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОГО АКТА

Г. ФЕДОРОВ,

доктор права, и.о. профессора кафедры теории и истории права

Молдавского государственного университета

В. ТРАВИН,

юрист

SUMMARY

The published material has the theoretical and practical value for everyone who is interested in actual problems of the state and the right.

The stated ideas and reasons can be the basis for legislative and law-enforcement activity that will promote protection of the rights and freedom of citizens and interests of the state strengthening of legality and law and order strengthening.

Публикуемый материал представляет большую теоретическую и практическую ценность для всех, кто интересуется актуальными проблемами государства и права.

Высказанные идеи и соображения могут быть положены в основу законотворческой и правоприменительной деятельности, что будет способствовать защите прав и свобод граждан и интересов государства, укреплению законности и правопорядка.

Ключевые слова: правотворчество, правоприменение, нормативный, правоприменительный и интерпретационный акт; понятие правоприменительного акта, его структура и содержание; реквизиты правоприменительного акта; законность, обоснованность, целесообразность и справедливость применения права.

Постановка проблемы.

Правоприменение является одной из форм реализации права наряду с исполнением, соблюдением и использованием. На стадии применения права реализуется воля определенных социально-экономических и политических сил, стоящих у власти, закрепленная в соответствующих нормативных актах (в нормах права). Политическая воля, прежде всего, детерминирована экономической основой государства, выражающейся в формах собственности и господствующем типе производственных отношений.

Право никогда и ни в одном государстве не выражало и не выражает волю всего народа. Оно выражало, как правило, интересы либо одного лица (при абсолютной монархии), либо немногих (олигархов), либо многих (в реально демократическом государстве), но не всех членов (граждан) государства. Даже в так называемом «государстве всеобщего благоденствия» люди делятся на две категории – властвующих и подвластных. Кто экономически властвует, тот властвует и политически, - т.е. миром правит капитал.

Властвующие силы для защиты и претворения в жизнь своих интересов используют различные формы, методы, способы, приёмы и средства, такие как: государственный аппарат (в лице законодательных и исполнительных органов), воору-

женные силы (армию, полицию, жандармерию, органы государственной безопасности); суд, прокуратуру; фискальные органы (налоговую и другие инспекции); пограничные и таможенные органы), а также всякого другого рода службы, департаменты,

агентства, бюро, контрольно-ревизионные органы; средства массовой информации – телевидение, радио, печатные органы и многие-много другие инструменты. Известный итальянский политик, мыслитель и писатель Никколо Макиавелли (1469-1527 г.г.) такую политику, такой набор средств в концентрированном виде сформулировал словами: «Цель оправдывает средства», т.е. все средства и приёмы хороши, если ими достигается цель.

В процессе властвования государство издает бесчисленное множество как нормативных, так и правоприменительных актов, призванных, прежде всего, выражать и защищать интересы властвующих. Видный государственный деятель мирового, планетарного масштаба и превосходный юрист В.И. Ленин писал: «Воля, если она государственная, должна быть выражена как закон, установленный властью. В противном случае слово «воля» - это пустые сотрясения воздуха пустым звуком... В нормативных актах воля господствующих сил в виде правовых норм носит

как бы абстрактный характер, а в процессе их применения она приобретает конкретный, адресный, индивидуализированный, персонафицированный характер.

Цель данной статьи – раскрыть понятие правоприменительного акта, его структуру и содержание, что крайне важно для полного и эффективного его воздействия на регулирование общественных отношений и решения различного рода юридических вопросов (казусов).

Изложение основного материала.

Итак, что собой представляет правоприменительный акт, чем он отличается от нормативного и интерпретационного актов и какова его роль в общем механизме правового регулирования общественных отношений?

В соответствии с законом каждый правоприменительный орган наделён определенной компетенцией, и его деятельность по применению права завершается и оформляется соответствующим актом, который фиксирует принятое решение, придаёт ему официальный характер. **Такого рода юридические акты принято называть правоприменительными актами.**

Акты применения права – это конкретное воплощение действий правовой нормы, результат его осуществления, связующее звено между нормой права и реальным отношением.

Акт применения права представляет собой определенного рода веление, требование соответствующего поведения, приказ, адресованный конкретным участникам общественных отношений, в котором выражается авторитет и сила государства. Эти акты, изданные властными органами (или должностными лицами), в результате которых возникают, изменяются или прекращаются правоотношения.

Акты применения права служат непосредственным основанием, юридическим фактом

или главным элементом фактического юридического состава для возникновения, изменения или прекращения правоотношения или целой серии отношений (например, судебное решение о признании гражданина умершим порождает целый ряд новых отношений – наследования, исполнения или неисполнения ранее взятых им обязательств и т.д.). Иногда он не порождает правоотношение, а лишь констатирует его наличие одновременно с соответствующей проверкой (акт о признании). Но такой акт неизменно связан с правоотношением, является его внешней формой выражения. Именно потому не будут актами применения права те официальные документы, которые имеют юридическое значение, создают определенное состояние, но непосредственно не порождают правоотношений между конкретными субъектами (например, официальная справка, диплом об окончании вуза и т.д.)

Для точного понимания правоприменительного акта необходимо учитывать смысловую многозначность термина «**акт**». Прежде всего, правоприменительным актом вполне обоснованно считается сама деятельность или сами действия по применению права (**акт – действие**). Данный термин может быть использован и для обозначения содержания принятой в результате применения права решения (**акт – приказ, приговор**).

В юридической науке термин «акты» используется также для того, чтобы отразить документальное закрепление содержания принятого решения, т.е. в качестве акта – документа. Посредством «**акта-документа**» оформляется принятое решение, его содержание получает чёткое выражение и становится доступным для исполнения, а также для контроля за его исполнением.

Главное же состоит в том, что в таком акте (документе) получают официальное закрепление

юридические права и обязанности субъектов, в отношении которых совершено применение права. Правоприменительный акт (документ) имеет доказательное значение, служит юридическим основанием конкретных прав и обязанностей персонально определенных лиц.

В указанном смысле правоприменительными актами должны признаваться только акты, имеющие документальную форму. Устные акты (хотя и такие имеют место в правоприменительной деятельности), не приданы принятым решениям соответствующей стабильной оформленности.

Документальная форма правоприменительного акта весьма многообразна: это и **простые** решения типа «**оплатить**», «**разрешить**», и **сложные акты** с развернутой мотивировкой принятого решения. Но во всех случаях данная форма должна отражать **содержание** правоприменительного акта.

В юридической литературе мы встречаем различные определения правоприменительного акта. Наиболее ёмкое определение правоприменительного акта выглядит так: «**правоприменительный акт – это государственно-властный индивидуально-применительный акт, совершенный компетентным субъектом права по конкретному юридическому делу с целью определения наличия или отсутствия субъективных прав и обязанностей и определения их меры на основе соответствующих правовых норм и в интересах их нормального осуществления**». [1]

Имеются и более краткие определения: «Акт применения права – это официальный правовой документ, содержащий индивидуальное государственно-властное предписание компетентного органа, которое выносится им в результате рассмотрения конкретного юридического дела». [2]

Следует знать, что к юридическим актам в широком смысле относятся не только правоприменительные акты, но также (и в первую очередь) нормативно-правовые акты и интерпретационные (толкования) акты.

Нормативно-правовыми актами являются акты творческой деятельности уполномоченных на то органов, в которых содержатся правовые нормы, обладающие общеобязательной юридической силой, несоблюдение которых влечёт за собой юридическую ответственность (такими являются законы, кодексы, уставы, положения, инструкции и т.д.).

Интерпретационными актами являются акты, дающие разъяснение смысла, содержания нормативно-правовых актов в целях правильного и единообразного их понимания, точного и неуклонного их исполнения, соблюдения, использования и применения субъектами права (примером таких актов могут быть соответствующие Постановления Парламента, Пленума Высшей судебной палаты, Конституционного суда и др.).

Правоприменительными актами являются акты, издаваемые в процессе реализации права, претворения норм права в жизнь уполномоченными на то государственными (и негосударственными) органами и должностными лицами (приказы, Постановления, Распоряжения; приговоры, решения, определения судебных органов и др.).

Безусловно, изначально являются нормативно-правовые акты; появление последних двух разновидностей актов (акты толкования правоприменительные акты) связано с претворением в жизнь первой разновидности (нормативно-правовых актов). Таким образом, все эти три разновидности актов находятся в теснейшей взаимосвязи. Знание их, правильное их понимание и при-

менение способствует укреплению законности и правопорядка в стране, решению социально-экономических, политических и иных задач.

Акты применения права представляют собой разновидность индивидуальных юридических актов.

Понятие «индивидуальный акт» имеет значительно более широкий смысл и включает в себя все акты правомерного поведения, специально направленные на возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Наряду с актами применения права индивидуальными актами являются юридически значимые построения волеизъявления (заявления, жалобы), а также те акты, где стороны выступают как равноправные контрагенты (сделки, договоры).

Акты применения права являются официальной формой выражения правоприменительной деятельности. В них закрепляются решения компетентных органов государственной власти или должностных лиц по конкретным юридическим делам. Они характеризуются (обладают) специфическими особенностями, отличающими их от других юридических актов (в частности, нормативно-правовых и интерпретационных актов) [3]:

1. Поскольку акты применения права исходят от органов государственной власти или должностных лиц, постольку они носят государственный характер, охраняются и обеспечиваются государственным принуждением в процессе их реализации; на страже правоприменительных актов стоят авторитет и сила государства.

2. Акты применения права направлены на реализацию требований юридических норм, так как конкретизируют общие предписания норм права, применительно к определенным ситуациям и лицам.

3. Акты применения права

должны быть законными, т.е. выносятся только уполномоченными на то органами, должностными лицами с соблюдением установленной законом процедуры. Несоблюдение установленной законом процедуры является одним из существенных оснований для признания правоприменительного акта недействительным со всеми вытекающими отсюда юридическими последствиями.

4. Правоприменительный акт может издаваться только в пределах полномочий государственного (негосударственного) органа или должностного лица.

5. Акт применения права является разновидностью понятия «**акт управления**» и используется как для характеристики действия соответствующего органа или должностного лица, так и формой выражения этого действия. Причём в сфере управления такой формой могут быть как письменные, так и устные индивидуально-конкретные веления». [4]

6. Правоприменительный акт имеет индивидуальный характер и направлен на регулирование конкретных общественных отношений. В нем субъективные права и обязанности конкретно индивидуализированы, т.е. носят персонифицированный характер.

7. Акт применения правовых норм должен иметь внешние атрибуты (реквизиты), придающие ему официальный характер (наименование акта и органа (должностного лица, его издавшего), дату, номер, место принятия акта, соответствующие подписи и др.).

8. Правоприменительные акты определенным образом должны быть структурированы. При этом в ряде случаев та или иная структура в императивной форме является обязательной (например, решение суда по гражданскому делу должно содержать 4 части – вводную, описательную, мотивировочную, резолю-

тивную), о чём речь подробнее пойдет ниже. [5]

9. В отличие от нормативно-правовых актов правоприменительные акты рассчитаны не на многократное, а на однократное применение. Например, приговор суда по уголовному делу, приказ о приёме на работу или увольнении, указ президента о награждении человека имеют не многократное, а однократное значение, рассчитаны на однократное применение.

10. Правоприменительный акт в качестве юридического факта служит основанием для возникновения, изменения или прекращения конкретного правоотношения, т.е. переводит предписания нормативно-правового акта в сферу конкретной жизненной ситуации и применительно к конкретным субъектам правоотношений (например, закрепленное в Конституции РМ и Трудовом кодексе РМ право граждан на труд превращается в реальное право только после издания приказа руководителем организации (предприятия, учреждения) о назначении данного гражданина на конкретную работу (должность)).

11. Правоприменительный акт в отличие от нормативного акта не является источником права. Он не содержит в себе каких-либо общих правил поведения, а лишь применяет соответствующую правовую норму к конкретному случаю, событию или лицу.

12. Для актов применения права характерен деловой стиль, ясность, доходчивость, краткость, чёткость изложения. Специальные и юридические термины одновременно должны же разъясняться. Следует употреблять только те термины, которые применены в соответствующих нормативно-правовых актах; недопустима в таких случаях всякого рода «отсебятина» (см. ст. 6 УПК РМ). Аналогичные же требования закреплены и в других нормативно-правовых актах. Например, в приказе об увольнении

работника должны употребляться только те основания, которые изложены в Трудовом кодексе РМ, или должна делаться ссылка на его статьи и пункты (части). А ещё лучше надо ссылаться на конкретную статью (часть, пункт, подпункт) ТК с дословным воспроизведением словесной формулировки законодателя.

Каждый акт применения права является официальным документом. В нём есть текст, который составляется в соответствии с требованиями пользования соответствующей юридической терминологией, чёткими юридическими конструкциями. Со временем вырабатываются и получают закрепление в нормативных актах и обычновенных практики **типизированные, стандартные формуляры** актов – документов, которые упорядочивают юридическую работу, вносят в неё необходимую определенность, юридическую и документальную строгость. **Составление правоприменительных актов, как и составление нормативно-правовых актов, - это своеобразное юридическое искусство.**

13. Наконец, укажем и на то, что правоприменительные акты, как и нормативно-правовые акты, обладают определенной **юридической силой**. Главное здесь – их свойство действовать, порождать определенные юридические последствия путем властного распоряжения государственного органа.

Именно в действии проявляется и соотношение правовых актов, их большая или меньшая юридическая сила. В законодательстве и в юридической практике вступление в силу нормативных и правоприменительных актов понимается как вступление их в действие, как начало возникновения определенных юридических последствий. **Поэтому под юридической силой правоприменительных актов следует понимать свойство данных актов, выражающее их организующее**

действие и значение в соотношении между собой и с иными нормативными актами.

Юридическая сила правоприменительных актов обеспечивается обязательствами, т.е. требованиями обязательного соблюдения и исполнения его теми или иными лицами, в отношении которых они приняты или деятельность которых они так или иначе связана с данными актами. [6]

Юридическая сила правоприменительных актов характеризуется их поднормативностью (подзаконностью) по отношению к нормативно-правовым актам. Необходимость соответствия актов применения права нормативно-правовым актам – важнейший политико-правовой принцип правопорядка.

Юридическая сила правоприменительных актов основывается не только на силе применяемых правовых норм, но и на властной компетентности правоприменительных субъектов. Недоучёт последнего момента невольно может привести к отождествлению юридической силы правоприменительных актов с юридическим значением индивидуальных актов соблюдения, исполнения и использования права (которые тоже осуществляются в соответствии с требованиями правовых норм); это нивелирует характерные особенности правоприменительных актов, направленных на упорядочение конкретных общественных отношений.

По сравнению с иными индивидуальными актами правоприменительные акты обладают более высокой юридической силой. Они играют особую роль в механизме правового регулирования и, как правило, дополняют, конкретизируют властные распоряжения нормативно-правовых актов.

Юридическая сила придает правоприменительным актам способность властно порождать определенные правовые последствия, вызывать возникновение, изменение или прекращение

правоотношений. В связи с этим особое значение приобретает вопрос обеспечения их законности и обоснованности.

Поднормативным характером и конкретным содержанием правоприменительные акты отличаются от нормативно-правовых актов, а по своей юридической силе – и от интерпретационных и иных актов индивидуального значения.

Интерпретационные акты (акты толкования) наряду с нормативными актами (Закон, Кодекс, Устав, Положение и др.) и **индивидуальными** (приговор, приказ, решение суда и др.) образуют особую группу юридических актов. Характерная особенность интерпретационных актов заключается в том, что они действуют в единстве с теми нормативно-правовыми актами, в которых содержатся толкуемые юридические нормы, находят от них в зависимости и, в принципе, разделяют их судьбу (т.е. с прекращением действия нормативно-правового акта прекращает своё действие и интерпретационный акт, толкующий его). Интерпретационные акты играют существенную роль в правоприменительной деятельности, а также в самом правотворческом процессе, в результате которого появляются новые нормы, новые нормативно-правовые акты.

Таким образом, каждый из рассмотренных выше видов юридических актов (нормативно-правовой, правоприменительный, интерпретационный) занимает особое место в правовой системе государства, в механизме правового регулирования общественных отношений и представляет собой определенную ценность.

Правоприменительные акты представляют самостоятельную ценность по причине их особой роли и полезности в механизме правового воздействия на общественные отношения.

Ценность правоприменительных актов состоит также в том,

что они реализуют определенные социальные цели вместе (одновременно) с нормативно-правовыми актами. **Результативность** в достижении стоящих перед правоприменительными актами целей (мера этой результативности) свидетельствует об их эффективности. Она может быть **высокой, значительной, средней степени, недостаточной, низкой**. Выявление эффективности правоприменительного акта связано со сложным делом определения всех целей акта, результатов его действия, соизмерения результатов с целями, учетом неизбежных издержек.[7]

Результативность правоприменительных актов проявляется в том, что они приносят определенный результат совместно с другими средствами (в том числе правового воздействия). Но эффективность правоприменительных актов следует, прежде всего, видеть в достижении своих собственных целей, своей роли в общей системе средств воздействия на поведение людей.

Полная эффективность правоприменительных актов достигается тогда, **когда все его цели - и ближайшие, и отдаленные, и конечные, - достигнуты с наименьшими экономическими затратами, в наиболее короткие сроки**.

А сейчас после того, как мы дали общее понятие правоприменительному акту, определили его место в общей системе юридических актов, выявили его основные особенности, а также определили его роль в механизме правового регулирования общественных отношений, **перейдем к рассмотрению его структуры и содержания**.

Прежде всего, следует отметить, что форма, структура и содержание правоприменительного акта теснейшим образом взаимосвязаны между собой. Их нельзя ни отрывать друг от друга, ни противопоставлять, ни недооценивать. Каждый из указанных

элементов существенен, поэтому их надо брать в единстве. **Форма** правоприменительного акта – это внешнее его проявление («одежда»); **структура** – это внутреннее построение правоприменительного акта; **содержание** – это та правовая ценность (юридическое «вещество»), которой наполняется эта форма. Иначе говоря, **форма – содержательна и структурирована, а структура – формализована и содержательна**. Виды правоприменительных актов отличаются друг от друга и формой, и структурой, и содержанием.

Учитывая, что акт применения права носит официальный, государственно-властный характер, он должен быть оформлен в надлежащей, специально предусмотренной законом форме, иметь определенные внешние атрибуты (реквизиты) и внутреннюю структуру. Несоблюдение формы издания и структуры такого акта может повлечь его отмену или необходимость изменения (дооформления). В большинстве случаев это надлежаще оформленный письменный документ (хотя могут быть и устные формы правоприменения в виде замечания (предупреждения)). Как указывалось выше, в любом государстве формируется и функционирует бесчисленное множество как нормативно-правовых, так и правоприменительных актов.

В одной отдельно взятой научной публикации (статье) невозможно объять необъятное. Поэтому более конкретно форму, структуру правоприменительных актов и их содержание проанализируем на примере некоторых актов, которые выносятся судебными органами по тем или иным гражданским или уголовным делам.

Итак, структура правоприменительного акта отличается от структуры нормативно-правового акта. Текст закона в редких случаях сводится к одному простому нормативному положению. Таковы, как правило, законы, вно-

сящие изменения и дополнения в другой закон (статью кодекса) или распространяющий действие другого закона на новые отношения, иные подобные законоположения.

В большинстве случаев текст закона более или менее обширен. Надо отметить, что для **права характерна специализация юридических норм**; между ними существует и «разделение труда», и поэтому каждая норма действует в сочетании с другими (системность права). Да и каждая в отдельности **юридическая норма** по своей структуре – сложное явление и **состоит из гипотезы, диспозиции и санкции**. Плюс к этому в нормативном акте нередко оказывается нужным предусмотреть разного рода **правовые институты**, варианты той или иной нормы, особые случаи и т.д., вплоть до того, чтобы дать дефиницию (определение) отношениям, регулируемым данным законом, определить круг законов и других нормативных актов, которые их регулируют, и др.

Исходя из того обстоятельства, что законы (иные нормативные акты), как правило, представляют собой весьма обширные документы (например, **ГК РМ** включает 1624 статьи), вытекает необходимость **структурирования** текста закона, распределение нормативного материала по соответствующим подразделениям (книгам, частям, разделам, главам, статьям, пунктам, подпунктам и т.д.). Такое структурирование позволяет правоприменителю легче и быстрее находить подходящую норму и применить закон к конкретному жизненному случаю.

Структура же правоприменительных актов, издаваемых различными органами и должностными лицами, **отличается от структуры нормативных актов**; структура вторых актов сводится к конструированию нормативного материала, а структура первых актов – это структуризация применения права. При

этом структура отдельных правоприменительных актов прямо закреплена в тех или иных нормативных актах (в **ГПК РМ, УПК РМ** и др.) и носит императивный (обязательный) характер. Так, **решение суда** по гражданскому конкретному делу должно состоять из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей. [8] **Приговор суда** по уголовному делу должен содержать **вводную, описательную, резолютивную части** (хотя, на наш взгляд, должен иметь и мотивировочную часть). [9]

И далее, в указанных законах (кодексах) сказано, что должно быть отражено в каждой из названных частей. Так, **во вводной части решения по гражданскому делу** указывается место и дата вынесения решения; наименование судебной инстанции, вынесшей решение; фамилии, имена, отчества членов суда, секретаря судебного заседания, сторон, других участников процесса, их представителей; предмет спора и заявленные требования, а также отметка об открытом или закрытом характере судебного заседания.

В описательной части решения кратко указываются требования истца, возражения ответчика и объяснения других участников процесса.

В мотивировочной части решения указываются обстоятельства дела, установленные судебной инстанцией; доказательства, на которых основаны выводы судебной инстанции об этих обстоятельствах; доказательства, на которых основаны выводы судебной инстанции об этих обстоятельствах; доводы, по которым судебная инстанция отвергает те или иные доказательства; нормативные акты, которыми руководствовалась судебная инстанция.

Резолютивная часть содержит выводы судебной инстанции об удовлетворении иска или об отклонении иска полностью или частично; указание на распреде-

ление судебных расходов; о порядке и сроке обжалования решения по гражданскому делу.

Решение выносится немедленно после разбирательства дела.

Составление мотивированной части решения может быть отложено на срок не более 15 дней, но вводную и резолютивную части решения судебная инстанция должна объявить в том же судебном заседании, в котором закончилось разбирательство дела.

Оглашенная резолютивная часть решения должна быть подписана всеми судьями, входящими в состав суда, рассматривающего гражданское дело. Решение должно быть приобщено к делу.

Если один из судей, входящих в состав суда, не может подписать (например, по причине внезапной болезни) составленное решение, вместо него подписывает председательствующий, а если и он не может подписать решение, его подписывает председатель судебной инстанции, в которой рассматривалось дело. Во всех случаях на решении делается отметка о причине невозможности его подписания. [10]

После оглашения решения судебная инстанция, вынесшая его, не вправе отменить или изменить его.

Судебная инстанция может по своей инициативе или по заявлению участников процесса исправить допущенные в решении опiski или пропуски, касающиеся имени, процессуального положения сторон, любые другие опiski или иные арифметические ошибки.

Вопрос о внесении исправлений рассматривается в судебном заседании. Участники процесса извещаются о месте, дате и времени проведения судебного заседания, однако их неявка не препятствует разрешению вопроса об исправлении ошибок. Определение судебной инстанции по данному заявлению может быть обжаловано в кассационном порядке. [11]

Судебная инстанция, вынесшая решение, может по своей инициативе или по заявлению участников процесса вынести дополнительное решение в случаях:

а) если по какому-либо требованию, по которому участники процесса представляли доказательства и давали объяснения, судебная инстанция не вынесла решение;

б) если судебная инстанция, разрешив вопрос о праве в споре, не указала в решении размер присужденной суммы, имущество, подлежащее передаче, или действия, которые должен совершить ответчик по данному делу;

в) если судебная инстанция не разрешила вопрос о распределении судебных расходов между сторонами, а также, если судебная инстанция не вынесла решения по заявлениям свидетелей, экспертов, специалистов, переводчиков или представителей о причитающихся им возмещениях судебных расходов.

Вопрос о вынесении дополнительного решения может быть поставлен в пределах срока принудительного исполнения решения. Дополнительное решение выносится судебной инстанцией после рассмотрения вопроса в судебном заседании и может быть обжаловано в порядке, предусмотренном законом. Заявление о вынесении дополнительного решения государственной пошлиной не облагается и не оплачивается. Определение судебной инстанции об отклонении заявления о вынесении дополнительного решения может быть обжаловано в кассационном порядке.[12]

Если необходимы разъяснения о смысле, пределах или применении резолютивной части решения, а также, если решение содержит противоречивые положения, судебная инстанция, вынесшая решение может по заявлению участников процесса или судебного исполнителя дать разъяснения по резолютивной части или

устранить противоречивые положения без изменения содержания решения. Определение судебной инстанции по вопросу разъяснения решения может быть также обжаловано в кассационном порядке.[13]

В соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РМ структура судебного приговора по уголовному делу не содержит в качестве самостоятельной мотивировочную часть (как это предусмотрено ГПК РМ для решения по гражданскому делу). Ст. 392 УПК РМ называет только три части обвинительного приговора: **вводную, описательную и резолютивную.** [14]

Во водной части приговора указывается следующее: 1) что приговор вынесен именем закона; 2) дата и место постановления приговора; 3) наименование судебной инстанции, постановившей приговор, фамилия и имя судьи или, в зависимости от обстоятельств, судей, входящих в состав суда, секретаря судебного заседания, переводчика, прокурора, защитника; 4) открытое или закрытое судебное заседание проводилось; 5) сведения о личности подсудимого; 6) уголовный закон, предусматривающий преступление, в совершении которого обвиняется подсудимый. [15]

В описательной части обвинительного приговора должно содержаться следующее: 1) описание преступного деяния, признанного доказанным, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины (например, умысел или по неосторожности и др.) и степени виновности, мотивов и последствий преступления;

2) доказательства, на которых основаны выводы судебной инстанции, и мотивы, по которым судебная инстанция отвергла другие доказательства;

3) указание на обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность;

4) в случае признания части обвинения необоснованной – основания к этому;

5) юридическая квалификация действий подсудимого, мотивы изменения обвинения, если таковое было произведено в суде и др.

Мотивировочную часть обвинительного приговора в качестве самостоятельной части, как мы указывали немного выше, **УПК РМ отдельно не предусматривает.** Однако отдельные мотивировочные моменты включены в «описательную часть» приговора. В частности, в ст. 394 УПК РМ сказано, что судебная инстанция, рассматривающая уголовное дело, обязана в обвинительном приговоре мотивировать: 1) чем вызвано назначение наказания в виде лишения свободы, если санкция уголовного закона предусматривает и другие виды наказаний (например, штраф); 2) применение более мягкого наказания, чем предусмотренное законом; 3) применение условного наказания и др.[16]

В резолютивной части обвинительного приговора должны содержаться:

1) фамилия, имя и отчество подсудимого; 2) признание подсудимого виновным в совершении преступления, предусмотренного уголовным законом; 3) вид и размер наказания, назначенного подсудимому за каждое преступление, которое признано доказанным, окончательная мера наказания, подлежащая отбыванию; вид пенитенциарного учреждения, в котором должен отбывать наказание осужденный к лишению свободы; дата начала срока отбывания наказания; длительность испытательного срока в случае условного осуждения, и на кого возлагается обязанность наблюдения за осужденным к условному осуждению. В случае признания подсудимого виновным, но с освобождением от наказания по основаниям, предусмотренным Уголовным кодексом, судебная

инстанция обязана указать это в резолютивной части приговора; 4) решение о зачете задержания, предварительного ареста или домашнего ареста, если подсудимый до постановления приговора содержался под стражей; 5) решение о мере пресечения в отношении подсудимого до признания приговора окончательным; 6) обязанности, возложенные на осужденного с условным осуждением. Если подсудимому предъявлено обвинение по нескольким статьям уголовного закона, **в резолютивной части** приговора должно быть точно указано, по каким именно статьям подсудимый был оправдан и по каким осужден.

Во всех случаях наказание должно быть обозначено таким образом, чтобы при исполнении приговора не возникало никаких сомнений относительно вида и размера наказания, назначенного судебной инстанцией.

В случаях, предусмотренных ст. 65 УК РМ (лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью) необходимо конкретно указать, какие должности ему запрещено занимать или какими видами деятельности заниматься и в течение какого срока.

В случаях, предусмотренных ст. 66 УК РМ (лишение воинского или специального звания, классного чина и государственных наград), в обвинительном приговоре должно содержаться указание на то, какого именно воинского звания или специального звания, классного чина и государственных наград лишен осужденный.

Наконец, отметим и то, что в резолютивной части обвинительного приговора должно быть решение по предъявленному гражданскому иску или решение о возмещении ущерба, принятое судебной инстанцией по своей инициативе; решение по вопросу о вещественных доказательствах; решение по вопросу о мерах защиты; указание о распределении судебных издержек; указание по-

рядка и срока обжалования приговора в апелляционном или, в зависимости от обстоятельств, в кассационном порядке.[17]

Одновременно отметим, что свои особенности (содержание) будет иметь оправдательный приговор или приговор о прекращении производства по делу.

Так, в резолютивной части такого вида приговора должны содержаться: фамилия, имя и отчество подсудимого; решение об оправдании подсудимого или о прекращении производства по делу и мотив, на котором основывается оправдание или прекращение производства; решение об отмене меры пресечения, если такая мера пресечения была избрана; решение об отмене мер по обеспечению гражданского иска и возможной специальной конфискации, если такие меры были приняты[18] и т.д.

Как видим, структура и содержание судебного приговора или судебного решения довольно сложная и своеобразная. С другой стороны, несомненно и то, что не всем правоприменительным актам присуща столь сложная и обязательная структурированность, т.е. структура может быть более сложной (решение или приговор суда) или менее сложной (приказ о приеме на работу или о премировании рабочих и служащих).

Структура правоприменительных актов зависит от сферы правоприменительной деятельности (управленческой, экономической, финансовой, социальной, правоохранительной и т.д.). Иначе говоря, структура и содержание правоприменительного акта обусловлена, прежде всего, сущностью и содержанием самого права, его отраслей. А сущность и содержание права детерминированы, в свою очередь, характером объективно складывающихся общественных отношений. **Сущность всегда содержательна, а содержание может быть как сущностным, так и несущностным.** Например, правила техни-

ки безопасности всегда содержательны, но не сущностны. А вот нормы, регулирующие властные правоотношения, всегда и сущностны, и содержательны. Поэтому издаваемые правоприменительные акты должны соответствовать этим требованиям, не противоречить им. В частности, приказы о приеме на работу, о направлении в командировку, о наложении дисциплинарного наказания, об увольнении будут иметь одну структуру и содержание, а акты, связанные с применением норм уголовного и уголовно-процессуального права (в частности, постановления о возбуждении уголовного дела, производстве обыска и изъятия имущества; о задержании, протокол допроса подозреваемого, потерпевшего, свидетелей, проведение очных ставок; приговоры обвинительные и оправдательные и т.д.) будут иметь и другую форму, и другую структуру, и другое содержание.

Следовательно, правоприменительный акт – это одна из форм выражения в одних случаях и сущности, и содержания, а в других случаях – только содержания права. Отсюда вытекает, что акты применения права и формализованы и определенным образом структурированы. Они придают конкретность, как бы «осязаемость» сущности и содержанию права.

Структурированность правоприменительного акта – это своеобразный прием изложения и расположения, содержащегося в нем юридического материала. Каждая последующая его часть должна логически вытекать из предыдущей и одновременно являться ее продолжением.

В заключение остановимся еще раз на одной немаловажной особенности правоприменения. Кроме формы, структуры, содержания правоприменительному акту присущи и определенные внешние атрибуты (реквизиты), которые свидетельствуют о над-

лежащем оформлении правоприменительного акта и его официальном характере. В начале правоприменительного акта даётся точное его наименование (постановление, приказ, распоряжение, решение, приговор и т.д.), а в необходимых случаях и самостоятельный заголовок (например, решение суда о восстановлении на работу, приказ о предоставлении отпуска). Другие атрибуты (реквизиты) акта – наименование органа, издавшего акт применения, № (номер) акта, дата издания, место издания, подпись (подписи) лица, официально принявшего акт, также являются обязательными. Некоторые акты применения права должны издаваться на фирменных бланках с указанием адреса правоприменительного органа, расчётно-текущего счёта в соответствующем государственном (или частном) банке. Более того, финансово-расчётного (банковского) характера акты должны иметь не только подписи распорядителей кредитов, но и скреплены **гербовой** (а не простой) **печатью**. По большинству вопросов «образцы» типовых правоприменительных актов должны разрабатываться Министерством юстиции и другими центральными исполнительно-распорядительными органами.

Исключительное значение в правоприменительном процессе, как уже ранее мы указывали, имеют язык, юридическая терминология, используемая правоприменителем при подготовке и изданию правоприменительных актов. Юридический язык основан на общих началах филологического языка. Однако они не тождественны, ибо юридический смысл того или иного юридического термина не всегда совпадает с общефилологическим смыслом. Например, смысл слов «систематический», «повторно», «рецидивист» имеют специальный юридический смысл, о чём должно быть известно любому юристу. Язык правоприменительного акта должен быть «юри-

дизированным», т.е. он должен составляться и основываться на терминологии законодателя.

Юридический язык – это язык, на котором законодатель разговаривает со всеми субъектами права. Через нормативно-правовые и правоприменительные акты государство проводит свою политику в жизнь. Поэтому он **должен быть максимально точным, ясным и простым, ярким и динамичным**. Всякое недопонимание, искажение, незнание языково-правовых требований отрицательно влияет на механизм реализации права, в том числе и на стадии правоприменения, и на эффективность правового регулирования общественных отношений в целом.[19]

Выводы и предложения.

1. Юридическая деятельность любого характера сопровождается подготовкой и изданием различного рода актов (документов) как нормативно-правового (Законы, Кодексы, Уставы, Регламенты, Положения, Инструкции и др.), так и правоприменительного (приказы, распоряжения, решения, приговоры и т.д.) характера.

2. Правоприменительный акт – это разновидность юридических актов, подготавливаемых и издаваемых на стадии реализации права. Их следует отличать от нормативно-правовых и интерпретационных актов.

3. Субъектами применения права являются только государственные органы (а по их уполномочию – и негосударственные объединения), а также должностные лица. Граждане применять норму права не вправе.

4. Правоприменительные акты должны издаваться только в пределах предоставленных законом полномочий и в строгом соответствии с требованиями закона.

5. Правоприменительные акты имеют надлежащую форму, структуру и содержание. «Образцы – Стандарты» таких актов разрабатываются Центральными (республиканскими) органами при руководящей и координирующей

роли Министерства юстиции; МЮ обязано оказывать им необходимую помощь при разработке этих формуляров, периодически проводить научно-практические конференции (семинары) по их составлению; издавать «Сборники – Справочники» этих документов в организованном порядке.

6. Правоприменительные акты должны составляться с использованием юридической терминологии, разработанной государством в процессе законотворческой деятельности.

7. Несоблюдение вышеназванных и других законных требований приводит к появлению недоброкачественных правоприменительных актов со всеми вытекающими отсюда юридическими последствиями.

Список использованных источников:

1. Г.Федоров. Актуальные проблемы теории государства и права., К., 2010 г., стр. 338
2. В.Н.Хропанюк. Теория государства и права, М., 1999 г., стр. 263-264
3. А.В.Малько. Теория государства и права, М., 1999 г., стр. 179
4. Административное право (под ред. Л.Л.Попова), М., 2002 г., стр. 415-419; В.Гуцуляк. К вопросу о механизме применения отдельных административно-правовых актов, - «Закон и жизнь», К., 2010 г., № 1, стр. 6-13; С.Армашу, Б.Сосна. О некоторых проблемах применения административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения., «Закон и жизнь», К., 2012 г., № 10, стр. 22-26
5. См. ст. 392 УПК РМ; ст. 241 ГПК РМ
6. См. ст. 16 ГПК РМ
7. См. Общая теория государства и права (под ред. В.В.Лазарева), М., 1996 г., стр. 214
8. См. ст. 241 ГПК РМ.
9. См. ст. 392 УПК РМ.
10. См. ст. 242 ГПК РМ.
11. См. ст. 249 ГПК РМ.
12. См. ст. 250 ГПК РМ.
13. См. ст. 251 ГПК РМ.
14. См. ст. 392 УПК РМ.
15. См. ст. 393 УПК РМ.
16. См. ст. 394 УПК РМ.
17. См. ст. 397 УПК РМ.
18. См. ст. 396 УПК РМ.
19. См. «Язык закона» (Под ред. А.С.Пиголкина), М., Юридическая литература., 1990 г., - 192 стр.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Б.СОСНА,

доктор права, ст. научный сотрудник Института юридических и политических исследований АНМ

И.АРСЕНИ,

магистр права, преподаватель Комратского госуниверситета

И. ТЕРЗИ,

магистр права

SUMMARY

In this article the authors revealed the basic features of current legal regulation of arbitration, as well as determined by its place in the system of alternative dispute resolution in the Republic of Moldova.

Keywords: arbitration, the arbitration agreement, the parties, dispute, arbitration process, an alternative method, the judicial system, organ, judicial protection violated or disputed civil rights, justice.

В настоящей статье авторами раскрываются основные актуальные особенности правового регулирования деятельности арбитража, а так же определяется его место в системе альтернативных способов разрешения споров в Республике Молдова.

Ключевые слова: арбитраж, арбитражное соглашение, стороны, спор, арбитражный процесс, альтернативный способ, судебная система, орган, судебная защита нарушенных или оспоренных гражданских прав, правосудие.

Целью данной статьи является всесторонний комплексный анализ правового регулирования деятельности арбитражей и определение места арбитража в системе альтернативных способов разрешения споров.

Актуальность темы. Изменения социально-политического и экономического характера, произошедшие в Республике Молдова за последнее двадцатилетие, внедрение рыночных отношений в экономику, отказ от административно-плановых методов управления экономическими процессами, конституционное закрепление права каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности обусловили формирование арбитражного суда. И, как следствие, его деятельность требовала правового закрепления. 22.02.2008 года Парламентом Республики Молдова был принят Закон «Об арбитраже», который вступил в силу 20.05.2008 года [3].

Действующая наука арби-

тражного процесса Республики Молдова практически не исследована и вопросы, связанные с деятельностью арбитражей не изучены. Таким образом, важное практическое значение института арбитража и несовершенство отдельных процессуальных норм предопределили выбор данной темы, ее практическую и научную актуальность.

Изложение основного материала.

Арбитражный процесс можно определить как форму деятельности арбитражей, определяемую нормами арбитражного права, по рассмотрению и разрешению споров, отнесенных законом к их компетенции. Предметом арбитражного процесса как формы деятельности суда являются споры, подведомственные арбитражу дела. Конечной целью процесса выступает восстановление нару-

шенного или оспоренного права в реальности [11, с.8]

Установленный нормами арбитражного права порядок возбуждения процесса, подготовки дела к разбирательству, рассмотрения и разрешения дела, а также исполнение решений арбитражного суда называется арбитражной процессуальной формой. Процессуальная форма выступает в качестве инструмента достижения законности в правоприменительной деятельности арбитража [6, с.259]. Основной функцией арбитражного процесса является - защита нарушенных или оспоренных гражданских прав путем разрешения передаваемых на их рассмотрение споров [15, с. 34].

Согласно ст. 2 Закона РМ «Об арбитраже», арбитраж – это альтернативный путь разрешения споров как арбитрами, назначаемыми отдельно для каждого случая (арбитраж ad hoc), так и постоянно действующими арбитражными учреждениями; Так же в части (1) ст.6 вышеуказанного закона, арбитраж определяется как учреждение, наделенное функцией разрешения споров,

возникающих между физическими и/или юридическими лицами [3]. Из вышеуказанных норм следует, что, законодательство РМ признает арбитраж в качестве альтернативной формы защиты гражданских прав и ставит их практически на один уровень с судами общей юрисдикции. Альтернативность арбитража заключается в том, что деятельность по их созданию и разрешению ими споров в соответствии с подведомственностью есть частная практика применения закона. То есть для создания арбитража не требуется разрешения или какого-либо решения государственного органа, а достаточно волеизъявления частных субъектов: граждан или организаций. Участники спора, вытекающего из гражданских правоотношений, вправе передать его не в государственный суд (суд общей юрисдикции), а на разрешение арбитража. [7]. В действующем законодательстве РМ термин «арбитраж» употребляется в двух основных значениях. Во-первых, как общее наименование института арбитража, и, во-вторых, как состав арбитража, избираемый (назначаемый) сторонами для разрешения конкретного спора между ними в арбитраже любого из двух видов. Что касается первого из названных понятий (арбитраж как институт), то в настоящее время законодательством Республики Молдова предусмотрено два вида арбитражей: арбитражи, создаваемые для разрешения конкретного спора (так называемые «разовые», или «ad hoc»), а также постоянно действующие арбитражи (называемые иногда институциональными). Что касается разницы между постоянно действующими арбитражами и судами для решения конкретного спора, то отличаются они продолжительностью существования, порядком создания и процедурой разбирательства подведомственных им споров, а также местом хранения решений

и дел. Так, при передаче спора на рассмотрение в арбитраж, создаваемого для рассмотрения конкретного спора, стороны должны сами подробно определить порядок его формирования и процедуру рассмотрения спора. При этом законом в отношении «разовых» арбитражей установлен в основном диспозитивные нормы, которые применяются для восполнения возможных пробелов, в случае, если сторонами не будут согласованы какие-либо условия, необходимые для арбитражного разбирательства. После вынесения решения по делу такой суд прекращает свое существование. Заключение же сторонами соглашения о передаче спора в постоянно действующий арбитраж подразумевает, что стороны соглашаются с правилами рассмотрения споров избранного ими арбитража, которые устанавливаются его положениями (уставами, регламентами или иными документами, регулирующими процедуру рассмотрения споров), утвержденными организацией, создавшей арбитраж.

Кроме того, каждый арбитраж указанного типа имеет свой список арбитров, с которыми стороны могут ознакомиться. Если правилами постоянно действующего арбитража не определен иной срок, то рассмотренное в постоянно действующем арбитраже дело хранится в данном арбитраже в течение пяти лет с даты принятия по нему решения [13, с.60].

При разрешении спора арбитраж руководствуется теми же нормативными актами, что и другие суды, с учетом их иерархического порядка и правового статуса, в том числе учитываются обычаи делового оборота. Приоритет над национальным законодательством имеют нормы международного права. Особенностью здесь является то, что суд обязан руководствоваться условиями договора, а так как большинство норм гражданского права имеют диспо-

зитивный характер, то положения договора и соглашение сторон о правилах разбирательства приобретают первостепенное значение, разумеется, если они не противостоят императивным указаниям закона [8, с.94].

Раскрывая понятие и сущность арбитражей, необходимо определить, какое место занимают они в судебной системе Республики Молдова, каково их соотношение с государственными судами, и можно ли назвать их деятельность правосудием. Возникает вопрос, насколько легитимен такой орган как арбитраж осуществлять защиту гражданских прав, каково его место в ряду правозащитных органов и не является ли само его существование нарушением права граждан на обращение к правосудию, закрепленного в ст. 20 Конституции РМ. Ответить на эти вопросы можно, обратившись к ст. 115 Конституции РМ, в соответствии с которой правосудие в Республике Молдова осуществляется только судами [1]. При этом Конституция РМ и предусмотренный ею конституционный Закон РМ «О судеустройстве» предусматривают включение в судебную систему Высшей судебной палаты РМ, Апелляционных палат, судов общей юрисдикции и специализированных судов [4]. Таким образом, законодательство однозначно определяет состав субъектов, в чьи полномочия входит отправление правосудия: рассмотрение споров и вынесение в связи с этим обязательных для сторон государственно-властных предписаний. Отсюда следует **вывод**, что арбитражи не входят в судебную систему РМ и, являясь самостоятельным институтом, не вправе вторгаться в область исключительной компетенции государственных судов, соответственно, их деятельность нельзя назвать правосудием. Исходя из сказанного, арбитраж следует считать особым судебным

органом, разрешающим спор между сторонами и выносящим свое заключение по спору в виде решения, которое влечет установленные законом последствия: Так, на арбитров арбитража не распространяются гарантии и правомочия, которые гарантируются государственным судьям (несменяемость, неприкосновенность, материальные гарантии деятельности). Арбитраж также не вправе требовать от организаций и граждан исполнения его поручений и запросов, например, по предоставлению сведений, составляющих коммерческую тайну или информации, которую государственные органы и организации не вправе сообщать кому-либо без согласия лиц, которых эта информация касается [5, с.187].

Вывод. Таким образом, «являясь органом, осуществляющим судебную защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав, арбитраж не осуществляет правосудие и не входит в судебную систему Республики Молдова».

В юридической науке ставится вопрос о правовом статусе арбитражей и их организационно-правовой форме. Определение статуса арбитража необходимо для того, чтобы лучше понять его правовое положение. Вопрос о правовом статусе арбитража заключается, прежде всего, в том, может ли постоянно действующий арбитраж по законодательству Республики Молдова быть самостоятельной организацией, пользующейся правами юридического лица, или он всегда должен существовать при ком-то.

Ныне действующее законодательство не устанавливает четкого правового статуса арбитража, однако трактовка закона РМ «Об арбитраже» дает основания полагать, что его существование в качестве самостоятельного юридического лица невозможно. Согласно части (2) ст.6 вышеука-

занного закона Арбитраж может создаваться на постоянно действующей основе при торговых палатах, биржах, союзах, объединениях или иных организациях, где он функционирует на основе утвержденных таковыми положений, с извещением о его создании Высшей судебной палаты. Арбитраж не может создаваться при органах центрального и местного публичного управления [3].

Вывод. Следует отметить также, что арбитраж организуется и действует в соответствии с арбитражным соглашением. Таким образом, в настоящее время закон не допускает возможности самостоятельного участия арбитража в гражданском обороте, в связи с чем арбитражи существуют в качестве структурных подразделений организаций, которые их учреждают, то есть не являются юридическими лицами. На основании изложенного могут быть выделены следующие признаки арбитража, состоящие в том, что арбитраж как правовой феномен является негосударственным юрисдикционным органом, рассматривающим и разрешающим гражданские дела, не входит в государственную судебную систему. Арбитраж не осуществляет правосудие в том смысле, как это закреплено в Конституции РМ и конституционном законе РМ «О судостроительстве», и не входит в государственную судебную систему.

Как и любое судопроизводство, арбитраж строится на ряде основополагающих начал – принципах арбитражного разбирательства. Система принципов арбитражного разбирательства впервые закреплена в ст.4 Закона РМ «Об арбитраже». Речь идет именно о системе принципов, которые создают каркас судопроизводства, осуществляемого арбитражами. Основными принципами арбитража являются: а) соблюдение прав и основных свобод человека; б) законность; в) свобода соглашений в арбитраже;

д) создание арбитража в соответствии с соглашением сторон; е) состязательность; ф) соблюдение права на защиту; г) конфиденциальность [3].

Специфика арбитража заключается в добровольности обращения в арбитраж и одновременно – в обязательности арбитражного соглашения.

Легальное определение арбитражного соглашения дано в ст.8 Закона РМ «Об арбитраже», в соответствии с которой, арбитражным соглашением является соглашение, на основе которого стороны передают в арбитраж для разрешения все или часть споров, которые возникли или могут возникнуть между ними в результате какого-либо правоотношения независимо от того, носит оно договорный характер или нет. [3]. Заключая арбитражное соглашение, стороны приобретают определенные права и одновременно принимают на себя соответствующие обязательства. Совокупность этих прав и обязанностей сводится к подчинению юрисдикции международного коммерческого арбитража в целях разрешения возникшего или могущего возникнуть в будущем спора. В арбитражном соглашении стороны должны указать порядок назначения арбитров, факт назначения арбитра уполномоченным лицом, место разрешения спора и принять арбитражные правила. Так же определено, что арбитражное соглашение должно быть заключено обязательно в письменной форме. Предметом арбитражного соглашения может быть любое имущественное право. Арбитражное соглашение, относящееся к неимущественным правам, может иметь юридические последствия в части, в которой стороны вправе заключить мировое соглашение по предмету этого спора.

Арбитражное соглашение считается заключенным в пись-

менной форме, если оно содержится в документе, подписанном сторонами, либо заключено путем обмена письмами, сообщениями по телетайпу, телеграфу или с использованием других средств электронной или иной связи, обеспечивающих фиксацию такого соглашения. Ссылка в договоре на документ, содержащий условие о передаче спора на разрешение арбитража, является арбитражным соглашением при условии, что договор заключен в письменной форме и данная ссылка такова, что делает арбитражное соглашение частью договора [9, с. 33 - 35].

Арбитражное соглашение, как отмечается в юридической литературе, является системообразующим элементом института арбитражного разбирательства и арбитражного процесса. Отсутствие арбитражного соглашения препятствует началу арбитражного разбирательства. Таким образом, заключение арбитражного соглашения является исходной точкой арбитражного процесса и предпосылкой возникновения процессуальных правоотношений между субъектами арбитражного разбирательства. [12, с. 147]

Состав арбитража образуется из арбитров. В ст. 11 закона «Об арбитраже» закреплено, что арбитром может быть любое физическое лицо, обладающее полной дееспособностью, давшее согласие судить и компетентное, по мнению сторон, разрешать спор. Стороны свободны в определении числа арбитров и порядка их назначения. Число арбитров может определяться сторонами и должно быть нечетным. Если стороны не определили число арбитров, спор разрешается тремя арбитрами, а именно: по одному от каждой из сторон, а третий – главный арбитр (председатель состава) – назначается двумя арбитрами, назначенными сторонами. Стороны или арбитры вправе установить, чтобы в качестве

главного арбитра был назначен один из арбитров, назначенных сторонами. Если существует несколько истцов или ответчиков, стороны, имеющие общие интересы, могут назначить одного арбитра. Закон также определяет, кто не может быть арбитром. Не может быть арбитром лицо, которое: а) находится под опекой или попечительством; б) имеет непогашенную судимость; в) лишено статуса судьи, адвоката, нотариуса, прокурора, офицера по уголовному преследованию или работника правоохранительных органов вследствие совершения действий, не совместимых с профессиональной деятельностью; г) не может быть выбрано (назначено) арбитром в соответствии с установленным законом составом должности. Формирование состава арбитража производится путем назначения арбитров. Назначение и замена арбитров осуществляются в соответствии с арбитражным соглашением. До исполнения своих полномочий арбитр должен дать согласие на выполнение полномочий в письменной форме. Такое согласие должно быть сообщено сторонам в течение пяти дней со дня получения предложения о назначении.

Арбитражное разбирательство возбуждается подачей арбитражного заявления. К арбитражному заявлению прилагаются выданная в соответствии с законом доверенность, подтверждающая полномочия представителя в арбитраже, копия договора, в который включена арбитражная оговорка, а в случае заключения компромисса – его копия.

Как и при рассмотрении гражданских дел в порядке искового производства в рамках гражданского судопроизводства, так и в арбитражном производстве одной из обязанностей ответчика является представления отзыва на иск. Отзыв на иск должен быть представлен в течение 30 дней со

дня получения копии арбитражного заявления, который должен содержать возражения по заявлению истца, ответ по фактам и юридическим вопросам на это заявление, доводы, приведенные в свою защиту.

Главными условиями арбитражного процесса являются: 1) беспристрастность; 2) рассмотрение арбитражных дел в практической и ускоренной манере; 3) обеспечение равного отношения к сторонам; 4) соблюдение права на защиту и принципа состязательности под угрозой недействительности арбитражного решения.

Арбитражное разбирательство осуществляется в заседании арбитража с участием сторон или их представителей, если стороны не договорились об ином относительно их участия в заседании. Данная норма прямо предусмотрена частью (1) ст. 24 Закона РМ «Об арбитраже», согласно которой стороны могут присутствовать лично на разбирательстве спора или через своих представителей, и могут сопровождаться любым лицом. [3].

Арбитраж при рассмотрении дела должен обеспечить соблюдение принципа состязательности сторон, равные возможности и свободу сторонам в предоставлении ими доказательств и в доказывании перед арбитражем их убедительности [16, с. 200].

Спор в арбитраже рассматривается, как правило, в закрытом заседании. Проведение открытого заседания допускается только с согласия обеих сторон. Разбирательство в арбитражном заседании ведется в устной форме. Представление доказательств осуществляется в ходе заседания арбитража. Арбитраж имеет право требовать от сторон представления доказательств, необходимых для полного, всестороннего и объективного разрешения спора. Если арбитраж признает необходимым получить докумен-

ты от предприятия, учреждения, организации, не являющихся участниками арбитражного разбирательства, он своим определением уполномочивает стороны или одну из сторон получить соответствующие документы и предоставить их арбитражу. Стороны должны предоставлять арбитражу доказательства в оригиналах либо надлежащим образом заверенных копиях. Все собранные письменные доказательства вместе с процессуальными документами сторон и арбитража должны храниться в деле в прошитом и пронумерованном виде [14, с.80].

С целью правильного разрешения спора арбитраж имеет право обязать стороны либо одну из сторон заказать проведение экспертизы для разъяснения вопросов, требующих специальных знаний, о чем арбитраж выносит соответствующее определение.

В соответствии с процессуальными традициями протокол судебного заседания является одним из основных, наиболее значимых процессуальных документов. Ведение протокола предусмотрено ст.26 Законом РМ «Об арбитраже», которая гласит, что судебное разбирательство фиксируется в протоколе заседания. Любое распоряжение арбитража фиксируется в протоколе заседания и мотивируется. Действующее законодательство об арбитраже не предусмотрело ведения и заполнение протокола секретарем заседания. Данные функции из смысла закона «Об арбитраже» возлагаются, скорее всего, на одного из арбитров. Но подписывают протокол все участвующие в разбирательстве арбитры.

Вопросы, переданные в арбитраж для рассмотрения по существу, должны разрешаться принятием решения. Решение арбитража излагается в письменной форме и подписывается арбитром, который единолично рассматривал дело, или арбитрами, рассматри-

вавшим дело, в том числе и арбитром, имеющим особое мнение. Арбитр, имеющий другое мнение по спору, прилагает к решению свое особое мнение с указанием соответствующих мотивов. Решение издается в письменной форме и подписывается всеми членами состава арбитража или, в зависимости от обстоятельств, единоличным арбитром с указанием причин отсутствия некоторых подписей. Решение должно быть передано сторонам не позднее чем в течение 10 дней со дня его вынесения. Арбитражное решение, переданное сторонам, обладает силой окончательного судебного решения [10, с. 91].

Арбитражное решение является обязательным. Оно должно быть исполнено стороной, против которой было принято решение, добровольно и незамедлительно или в срок, указанный в решении. В случае не исполнения решения в добровольном порядке сторона, выигравшая дело, может потребовать выдачи исполнительного листа по арбитражному решению. Определение судебной инстанции о выдаче исполнительного листа или об отказе в его выдаче должно быть вынесено в 30-дневный срок со дня подачи соответствующего заявления. Процедура выдачи исполнительного листа по арбитражным решениям регламентируется ГПК Гражданско-процессуальным кодексом Республики Молдова, далее – (ГПК РМ). Арбитражное решение, по которому был выдан исполнительный лист, исполняется в принудительном порядке в соответствии с процедурой, установленной для исполнения судебных решений. Арбитражное решение может быть оспорено одной из сторон путем подачи в компетентную судебную инстанцию заявления об отмене решения в течение трех месяцев со дня получения арбитражного решения этой стороной. Судебная

инстанция может вынести определение о полной или частичной отмене арбитражного решения или об отклонении заявления об отмене арбитражного решения в соответствии с ГПК РМ. Процедура оспаривания арбитражного решения регламентируется ГПК РМ [2].

Выводы. Проведенный в настоящей статье анализ положений действующего законодательства, регулирующего порядок деятельности арбитража, позволяет прийти к определенным выводам, связанным с правовым регулированием арбитражного разбирательства в Республике Молдова. В самом общем виде арбитраж можно определить как учреждение, избранный сторонами или назначенные ими в определенном порядке, рассматривающие и разрешающие спор, переданный на их рассмотрение по соглашению сторон в порядке, также определенном этими сторонами, и правомочными вынести решение, имеющее для сторон ту степень обязательности, которая прямо или косвенно определена в соглашении. Правовой статус арбитража четко так и не закреплен в законодательстве, однако анализ соответствующих статей позволяет сделать вывод, что самостоятельным юридическим лицом арбитраж являться не может. Не являясь государственным органом, арбитраж не осуществляют правосудие, соответственно, не входят в судебную систему Республики Молдова. Из вышеуказанных норм следует, что законодательство Республики Молдова признает арбитраж в качестве альтернативной формы защиты гражданских прав. Альтернативность арбитража заключается в том, что деятельность по их созданию и разрешению ими споров в соответствии с подведомственностью есть частная практика применения закона.

Литература:

1. Конституция Республики Молдова от 29 июля 1994 года // Официальный монитор РМ №1 от 12.08.1994г.
2. Гражданский процессуальный кодекс Республики Молдова №225-XV от 30.05.2003 года // Официальный монитор РМ № 130-134 от 21.06.2013г.
3. Закон РМ «Об арбитраже» N 23-XVI от 22.02.2008г. // Официальный монитор РМ № 88-89/314 от 20.05.2008г.
4. Закон РМ «О судостроительстве» №514-XIII от 06.07.1995г. // Официальный монитор РМ № 58, ст.641, от 19.10.1995 года.
5. Арбитражный процесс: Учебник для вузов // Под ред. М.К. Треушников - М.: Спарк, 1999.
6. Арбитражный процесс Российской Федерации // под ред. Власова А.А. – М.: Юрайт-Издат. 2004.
7. Берестнев Б.А. Некоторые вопросы организации работы судьи арбитражного суда по рассмотрению дел // ВВАС РФ. - 2000.
8. Виноградова Е.А. «К вопросу о так называемом “статусе” постоянно действующего третейского суда». «Хозяйство и право». 1994. № 3.
9. Зыков С.Р. Практические рекомендации по составлению арбитражной оговорки // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. N 11.
10. Комаров А.С. Основополагающие принципы третейского суда // Вестник Высшего арбитражного суда РФ. - 2001. - № 4.
11. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ (постатейный) // под ред. В.Ф. Яковлева, М.К. Юкова. М.: Издательство «Городец», 2003.
12. Курочкин С.А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. М.: Волтерс Клувер, 2007.
13. Маковский А.Л. Третейский суд и судебная реформа в РФ: конституционные основы // Цивилистическая практика. - 2003. №1(6).
14. Морозов М.Э. Шилов М.Г. Правовые основы третейского разбирательства. Издательство «Сибпринт». Новосибирск, 2002.
15. Тарасов В.Н. Третейский процесс. Учебное пособие. СПб., 2002.
16. Третейский суд. Законодательство. Практика. Комментарии. / Сост. и автор комментариев Е.А. Виноградова. М., 1997.

ПРИМЕНЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

А. СОСНА,
доктор права, преподаватель юридического факультета
Молдавского государственного университета, ст. научный
сотрудник Института юридических и политических
исследований АНМ
Д. ФАКИРОВ,
магистр права

SUMMARY

In the presented material authors consider topical issues of the new legislation regulating administrative responsibility for violation of the tax legislation.

The special attention is paid to changes of the tax legislation, and also collisions and contradictions of the existing rules regulating tax legal relationship of economic agents and natural persons.

Authors come to certain actual conclusions, and also make constructive proposals on improvement of the existing tax legislation.

Keywords: administrative responsibility, violation of the tax legislation, legal responsibility, economic agents, legal entities, natural person, principle of a presumption of guilt of the taxpayer, tax responsibility, tax stamp, penalty.

* * *

В представленном материале авторы рассматривают актуальные вопросы нового законодательства, регулирующего административную ответственность за нарушение налогового законодательства.

Особое внимание уделяется изменениям налогового законодательства, а также коллизиям и противоречиям действующих норм, регулирующих налоговые правоотношения экономических агентов и физических лиц.

Авторы приходят к определенным актуальным выводам, а также вносят конструктивные предложения по улучшению действующего налогового законодательства.

Ключевые слова: административная ответственность, нарушение налогового законодательства, юридическая ответственность, экономические агенты, юридические лица, физическое лицо, принцип презумпции виновности налогоплательщика, налоговая ответственность, акцизная марка, штраф.

Цель и актуальность исследуемого материала. Административная ответственность является одним из видов юридической ответственности. Эта ответственность является менее строгой, чем уголовная, и наступает в случае совершения правонарушения, обладающего меньшей степенью общественной опасности, чем преступление, которое является основанием для применения уголовной ответственности.

Постановка проблемы. Ответственность за нарушения налогового законодательства принято называть налоговой ответственностью. Налоговая ответственность представляет собой обязанность лица, виновного в совершении налогового правонарушения, претерпевать меры государственно-властного

принуждения, предусмотренные санкциями Налогового кодекса Российской Федерации, далее - (НК РФ), состоящие в возложении дополнительных юридических обязанностей имущественного характера и применяемые компетентными органами в установленном процессуальном порядке. [1]

Изложение основанного материала. Для налоговой ответственности характерно, что она:

- основана на государственном принуждении и представляет конкретную форму реализации санкций установленных финансово-правовыми нормами;
- наступает за совершение виновного противоправного деяния, содержащего признаки налогового правонарушения;

- субъектами ответственности за нарушения законодательства о налогах и сборах могут быть организации и физические лица;
- для правонарушителя налоговая ответственность выражается в определенных отрицательных последствиях имущественного характера;

- ответственность реализуется в процессуальной форме. [2]

Налоговая ответственность выполняет правосоставительную (компенсационную) и штрафную (карательную) функции.

Административная ответственность за нарушение налогового законодательства установлена Кодексом Республики Молдова о правонарушениях (далее – КоП РМ) № 218-XVI от 24 октября 2008 года [3] и Налоговым кодексом Республики Молдова, далее – (НК РМ), (Раздел V Налоговое администрирование).

Данными кодексами установлены разные принципы и порядок применения административной ответственности за нарушение налогового законодательства.

Статья 375 КоП РМ гласит: «Любое лицо, обвиняемое в совершении правонарушения, считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном настоящим кодексом порядке.

Никто не обязан доказывать свою невиновность.

Выводы о виновности лица в совершении правонарушения не могут основываться на предположениях. Все неустранимые в соответствии с настоящим кодексом сомнения в виновности толкуются в пользу лица, в отношении которого возбуждено производство о правонарушении».

А согласно пункта i) части (2) ст. 8 НК РМ № 1163-XIII от 24.04.1997 года налогоплательщик обязан при ошибочном исчислении или неправильном определении налоговыми органами суммы какого-либо налога, рента, процента или штрафа доказать это документально. [4]

Вывод. Данная норма в мягкой форме закрепляет принцип виновности налогоплательщика.

Вывод. Этот же принцип закрепляет и часть (3) ст. 267 НК РМ, согласно которой обязанность доказывания ошибочности решения, вынесенного налоговым органом, возлагается на лицо, подавшее жалобу.

Вывод. Принцип презумпции виновности налогоплательщика в определенной мере ограничивает часть (1) ст. 11 НК РМ, согласно которой все сомнения, возникающие при применении налогового законодательства, должны толковаться в пользу налогоплательщика. Однако налогоплательщику очень трудно доказать наличие сомнений.

Закон РМ № 324 от 23 декабря 2013 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты» [5] не изменил принципы и порядок применения административных наказаний за нарушение нало-

гового законодательства, а лишь расширил пределы административной ответственности.

В результате субъекты административной ответственности имели очень мало времени для ознакомления с этим законом.

Закон РМ № 324 от 23.12.2013 года:

- 1) дополнил ст. 253 НК РМ частями (6), (7), и (8);

- 2) дополнил НК РМ статьей 263¹;

- 3) изменил ст. 254 и 262 НК РМ.

Согласно части (6) ст. 253 НК РМ несвоевременное представление информации, предусмотренной частью (5) статьи 226¹¹, лицами, указанными в части (2) статьи 226¹¹, влечет наложение штрафа в размере 2 процентов суммы, указанной в несвоевременно представленной информации.

Согласно части (5) ст. 226¹¹ НК РМ информация должна содержать сведения:

- a) о зачислении/списании в течение одного налогового года денежных средств на каждый банковский счет /с каждого банковского счета и/или на банковские счета /с банковских счетов физического лица в сумме, превышающей 300 тысяч леев;

- b) о туристических услугах, приобретенных физическим лицом в течение одного налогового года, совокупный объем которых превышает сумму в 100 тысяч леев;

- c) о страховых взносах, внесенных физическим лицом в течение одного налогового года, совокупная величина которых превышает сумму в 100 тысяч леев;

- d) о сделках с ценными бумагами, совершенных в течение одного налогового года, совокупный объем которых превышает сумму в 100 тысяч леев на одно физическое лицо;

- e) о нотариально заверенных в течение одного налогового

года договорах совокупный объем которых превышает сумму в 300 тысяч леев на имя одного физического лица;

f) о реализации прав кредиторов, осуществленных в течение одного налогового года, совокупный объем которых превышает сумму в 300 тысяч леев на одно физическое лицо.

Согласно части (2) ст. 226¹¹ НК РМ во исполнение положений настоящей главы нижеперечисленные физические и/или юридические лица представляют Главной государственной налоговой инспекции следующую информацию:

1) Центр государственных информационных ресурсов "Registru":

a) информацию о персональных данных;

b) информацию о документировании транспортных средств, в том числе переданных собственниками в пользование за плату или безвозмездно;

2) финансовые учреждения – информацию о всех видах открытых банковских счетов, в том числе оборот (движение) по этим счетам;

3) Пограничная полиция – информацию о пересечении государственной границы Республики Молдова;

4) туристические компании – информацию о предоставленных туристических услугах;

5) страховые компании – информацию по договорам страхования;

6) держатели регистров владельцев ценных бумаг – информацию о сделках с ценными бумагами, совершенных в период налогового года;

7) Национальный банк Молдовы – информацию о лицах, которые согласно валютному законодательству получили разрешение на открытие счетов за рубежом, а также отчеты по открытым за рубежом счетам,

представленные в соответствии с законодательством их владельцами;

8) нотариусы и другие лица, осуществляющие нотариальную деятельность:

a) информацию о договорах купли-продажи, мены, аренды недвижимости и ценных бумаг;

b) информацию о договорах займа и дарения;

c) информацию об иных договорах по капитальным активам;

9) судебные исполнители – информацию о реализации прав кредиторов, признанных исполнительным документом, представленным для исполнения.

Вывод. А согласно части (3) ст. 226¹¹ НК РМ лица, указанные в части (2) ст. 226¹¹ НК РМ, обязаны бесплатно представлять информацию в порядке и сроки, установленные Главной государственной налоговой инспекцией.

Нарушение этой обязанности влечет административную ответственность, установленную частями (6), (7), (8) ст. 253 НК РМ.

Согласно части (7) ст. 253 НК РМ представление информации, предусмотренной частью (5) статьи 226¹¹, в недостоверном виде лицами, указанными в части (2) статьи 226¹¹, влечет наложение штрафа в размере 10 % разницы между суммой, подлежащей указанию, и суммой, указанной в информации.

Согласно части (8) ст. 253 НК РМ непредставление информации, предусмотренной частью (5) статьи 226¹¹, лицами, указанными в части (2) статьи 226¹¹, влечет наложение штрафа в размере 50 % суммы, подлежащей указанию в информации.

Согласно ст. 263¹ НК РМ срыв или повреждение, умышленно или по небрежности, законно наложенной пломбы влечет наложение штрафа в размере 40000 леев за каждый случай нарушения.

Законом РМ № 324 от 23 декабря 2013 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты» ст. 254 НК РМ принята в следующей редакции:

Неиспользование контрольно-кассовых машин/терминалов наличной оплаты. Невыдача проездных билетов.

(1) Прием наличных денежных средств при отсутствии контрольно-кассовых машин в случае, когда действующими нормативными актами предусмотрено их использование, влечет наложение штрафа в размере 10000 леев за каждый случай нарушения.

(2) Прием наличных денежных средств без выдачи кассового чека контрольно-кассовой машины влечет наложение штрафа в размере 7000 леев за каждый случай нарушения.

(3) Необеспечение выдачи контрольно-кассовой машиной кассового чека на реально принятую/полученную сумму влечет наложение штрафа в размере 7000 леев за каждый случай нарушения.

(4) Необеспечение баланса наличности в контрольно-кассовой машине, проявляющееся в образовании документально не подтвержденного излишка наличности, влечет наложение штрафа в размере 7000 леев за каждый случай нарушения. Данная санкция не применяется, если сумма излишка не превышает 20 леев.

(5) Использование неисправной контрольно-кассовой машины, проявляющееся в неактивации фискальной памяти или в невозможности идентификации установленной программы, влечет наложение штрафа в размере 10000 леев за каждый случай нарушения.

(6) Использование контрольно-кассовой машины, не опломбированной в установленном порядке налоговым органом, влечет

чет наложение штрафа в размере 10000 леев за каждый случай нарушения.

(7) Использование контрольно-кассовой машины, не зарегистрированной в установленном порядке в налоговом органе, влечет наложение штрафа в размере 10000 леев за каждый случай нарушения.

(8) Использование терминала наличной оплаты, не зарегистрированного в установленном порядке в налоговом органе, влечет наложение штрафа в размере 10000 леев за каждый случай нарушения.

(9) Использование терминала наличной оплаты без выдачи фискального документа/чека влечет наложение штрафа в размере 7000 леев за каждый случай нарушения.

(10) Осуществление транспортным агентом деятельности по перевозке пассажиров автомобильным транспортом по регулярным городским, пригородным, междугородным и международным маршрутам без приобретения и ведения учета бланков проездных билетов согласно действующему законодательству (проездной билет – кассовый чек, выданный контрольно-кассовой машиной или зарегистрированный у транспортного агента документ строгой отчетности с установленной ценой, изготовленный типографским способом в соответствии с действующими нормативными актами) и/или без выдачи водителю автотранспортного средства при выпуске на маршрут необходимого количества бланков либо перевозка транспортным агентом пассажиров по нерегулярным маршрутам, включая такси, без наличия платежных документов, подтверждающих оплату услуг получателем, в том числе кассового чека, выданного контрольно-кассовой машиной, или копии платежного поруче-

ния влечет наложение штрафа на налогоплательщика в размере 7000 леев за каждый случай нарушения.

Статья 262 НК РМ принята в следующей редакции: Отсутствие „Акцизных марок” на подакцизных товарах, подлежащих обязательной маркировке, либо использование фальсифицированных или недействительных „Акцизных марок” влечет наложение штрафа в размере 30000 леев за каждый случай в случае реализации, перевозки или хранения налогоплательщиком товаров без „Акцизных марок” либо с фальсифицированными или недействительными „Акцизными марками”.

Ранее существовавшая редакция ст. 262 НК РМ предусматривала штраф в размере 50000 леев, а в случае повторного нарушения – в размере 100 000 леев, а в случае нарушения в третий раз и более – в размере 250 000 леев.

Закон РМ № 324 от 23.12.2013 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты» дополнил КоАП РМ статьями 287² и 287³ следующего содержания,

Статья 287². Воспрепятствование деятельности в рамках принудительного исполнения таможенного обязательства

(1) Несоблюдение таможенным плательщиком обязанности предъявить к аресту все товары, включая переданные другим лицам на хранение или в пользование, отказ в представлении документов, подтверждающих право собственности на товары, влекут наложение штрафа на физических лиц в размере 100 условных единиц и на должностных лиц в размере 250 условных единиц.

(2) Воспрепятствование доступу должностного лица таможенного органа в местонахождение или помещения таможенного плательщика в целях

принудительного исполнения таможенного обязательства влечет наложение штрафа на физических лиц в размере в размере 100 условных единиц и на должностных лиц в размере 250 условных единиц или назначение в обоих случаях наказания в виде ареста за правонарушение на срок 15 дней.

(3) Необеспечение сохранности арестованного имущества, его отчуждение, замена, сокрытие, повреждение, разукрупление или использование влекут наложение штрафа на физических лиц в размере 100 условных единиц и на должностных лиц в размере 250 условных единиц.

Статья 287³. Нарушение правил о виньетке

(1) Нахождение на территории Республики Молдова не зарегистрированного в Республике Молдова транспортного средства, классифицируемого по товарной позиции 8703, и прицепа к нему, классифицируемого по товарной позиции 8716, без сертификата, подтверждающего оплату виньетки, в течение периода менее семи дней влечет наложение штрафа в размере 100 условных единиц.

(2) Нахождение на территории Республики Молдова не зарегистрированного в Республике Молдова транспортного средства, классифицируемого по товарной позиции 8703, и прицепа к нему, классифицируемого по товарной позиции 8716, без сертификата, подтверждающего оплату виньетки, в течение периода более семи дней влечет наложение штрафа в размере 130 условных единиц.

(3) Повторное совершение в течение календарного года правонарушения, предусмотренного частью (1), лицом, на которое уже наложено взыскание за такое правонарушение, влечет наложение штрафа на физических лиц

в размере 130 условных единиц и на юридических лиц в размере 200 условных единиц.

(4) Повторное совершение в течение календарного года правонарушения, предусмотренного частью (2), лицом, на которое уже наложено взыскание за такое правонарушение, влечет наложение штрафа на физических лиц в размере 150 условных единиц и на юридических лиц в размере 300 условных единиц.

Вывод. Закон РМ № 324 от 23.12.2013 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты» смягчил санкции за некоторые налоговые нарушения и установил новые санкции.

Предложения. Установленные частями (3) и (4) ст. 287³ КоП РМ повышенные санкции за повторные нарушения, по нашему мнению, противоречат принципу справедливости, установленному ст. 7 КоП РМ, и поэтому их следует отменить. Одинаковые нарушения должны влечь одинаковую ответственность.

Ранее существовавшая ст. 252 НК РМ предусматривала повышенные санкции за повторные нарушения, но закон РМ № 324 от 23.12.2013 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты» их исключил.

Библиография:

1. «Налоговое право России: Учебник для вузов», отв. ред. проф. Ю.А.Крохина, Москва, 2005, стр. 487.

2. «Налоговое право России: Учебник для вузов», отв. ред. проф. Ю.А.Крохина, Москва, 2005, стр. 479.

3. Официальный монитор РМ № 3-6 от 16 января 2009 г.

4. Официальный монитор РМ. Специальный выпуск от 08.02.2007 г.

5. Официальный монитор РМ № 320-321 от 31.12.2013 г.

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА В УКРАИНЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

В. КУЧУК,

кандидат юридических наук, научный сотрудник Центра стратегических исследований НИИППВ АНМ

SUMMARY

Authors explore to the effects in Ucraina of the suspension the process of signing the Association Agreement with the European Union, the protest actions in Kiev that led to the revolution in Ukraine, in which the state power transferred to the radical right forces.

Thei analyze arisen conflicting confrontation between new state power and right forces with civil populations of Ukraine, in special from south-eastern regions. Authors research economic process, which led to the beginning of the collapse of the country and can cause a civil war in the Ukraine. The authors consider that the armed conflict affect security in the Ukraine, in the immediate neighbors Ukraine, disrupting the balance of all the European security. In this context, authors research the impact of armed conflict from Ucraina on the economic security of Republic of Moldova.

Keywords: security, economic security, crisis, evromaydan, antimaydan, civil war, military conflict, regional threats.

Авторы рассматривают вопросы, связанные с эффектами приостановки процесса подписания Соглашения об Ассоциации с Евросоюзом, протестными акциями в Киеве, которые привели к государственному перевороту в Украине, вследствие которого власть перешла к проамериканским и проевропейским праворадикальным силам.

Проанализируя возникшее конфликтное противостояние между правыми силами, опирающиеся на государственный аппарат и гражданским населением Украины, в основном юго-восточных регионов, которые привели к началу развала страны и могут привести гражданской войне на Украине, автор выводит тезис о том, что данный вооруженный конфликт размывает безопасность не только самой Украины, но и своих непосредственных соседей, нарушая баланс общеевропейской безопасности. В данном контексте, исследуется вопрос влияния вооруженного противостояния в Украине на экономическую безопасность Молдавии.

Ключевые слова: безопасность, экономическая безопасность, кризис, евромайдан, антимайдан, гражданская война, военный конфликт, региональные угрозы.

ВВЕДЕНИЕ (политическая хронология украинского кризиса 2013-2014 гг.)

Ноябрь 2013 г. Украинское правительство (премьер-министр Н.Я.Азаров) приняло решение приостановить процесс подписания Соглашения об Ассоциации с Евросоюзом – соглашение, требующее финансовых ресурсов на расчетную сумму не менее 160 млрд евро [1], которое привело к массовым акциям протеста в центре Киева, а также в других городах Украины, получившие в социальных сетях и СМИ название «Евромайданы».

30 ноября 2013г. Для защиты Евромайдана началось формирование отрядов самообороны, которые к середине декабря со-

ставляли более 5 тысяч человек [2]. Разнородные националистические группировки составили праворадикальное экстремистское объединение «Правый сектор», рассматривавшее Евромайдан лишь как удобный повод для начала «национальной революции», которая, по словам лидера «Правого сектора» Дмитрия Яроша, должна была завершиться «полным устранением режима внутренней оккупации и получением украинского национального государства с системой всеохватывающего национального народовластия» [3].

Декабрь 2013г.–Январь 2014г. После Вильнюсского саммита (28—29 ноября 2013г.), разгона палаточного городка оппозиции в Киеве, принятия 16 января 2014г. Верховной Радой некоторых законов [4], предусматривавших ужесточение санкций за участие в массовых беспорядках, протестные акции приняли резко антипрезидентский и антиправительственный характер. В качестве основных причин такого развития событий называют социальную несправедливость, огромную поляризацию доходов и уровня жизни населения Украины и разгул коррупции, пронизывающей исполнительную и судебную власть, правоохранительные органы [5].

Январь 2014 г. Начало столкновений в Киеве радикально настроенных манифестантов с отрядами милиции, в ходе которых оппозиция требовала отставки правительства и продолжения евроинтеграции. Начало захвата зданий областных администраций вооруженными манифестантами, создание параллельных органов власти, организация неформальных силовых структур. Украина оказалась на грани введения чрезвычайного положения, утраты территориальной целостности и экономического коллапса. Переговоры между президентом

Украины В.Януковичем и лидерами парламентской оппозиции привели к уступкам со стороны властей: были отменены ряд законов от 16 января и принят закон об амнистии для участников событий ноября 2013 — января 2014 г. 28 января президент принял отставку кабинета министров. Несмотря на это, акции протеста продолжились.

12 февраля 2014г. Президент В.Янукович согласился пойти на формирование коалиционного правительства.

18 февраля 2014г. На Украине произошло резкое обострение ситуации, сопровождавшееся массовым кровопролитием.

21 февраля 2014г. Под давлением ЕС и США президент Украины В.Янукович пошел на уступки и подписал с оппозицией соглашение об урегулировании кризиса на Украине, предусматривавшее немедленный (в течение 2 суток) возврат к Конституции в редакции 2004г., конституционную реформу и проведение досрочных президентских выборов не позднее декабря 2014 г. [6]. Вечером того же дня, Янукович был вынужден покинуть Киев, в связи с проблемой обеспечения личной безопасности. На следующий день вышла в телеэфир видеозапись интервью с Януковичем, в котором он заявил, что не собирается подавать в отставку и не собирается подписывать решения Верховной Рады, которые он считает противозаконными, а происходящее в стране квалифицировал как «вандализм, бандитизм и государственный переворот» [7]. Через несколько часов, Верховная Рада сомнительным образом приняла постановление [3], в котором заявила, что Янукович «неконституционным образом самоустранился от осуществления конституционных полномочий» и не выполняет свои обязанности, а также назначила досрочные президентские вы-

боры на 25 мая 2014 года. Далее, обязанности президента Украины были возложены на председателя Верховной Рады Александра Турчинова. Новая украинская власть сразу же получила признание со стороны Евросоюза и США. Официальный представитель Еврокомиссии Оливье Байи охарактеризовал решение Верховной Рады возложить обязанности президента на Александра Турчинова как «демократическое и законное», а посол США на Украине Джеффри Пайетт заявил: «Мы отвергаем любые намёки на то, что здесь происходит переворот, и на то, что легитимность случившегося якобы находится под вопросом из-за иностранной поддержки» [9].

27 февраля 2014г. Премьер-министром Украины стал Арсений Яценюк, и он сформировал временное правительство Украины [10].

Февраль 2014г. – по настоящее время. Если в столице, в северных и западных регионах Украины новые киевские власти, заявившие о возобновлении движения в сторону евроинтеграции, пользовались определенной поддержкой населения, то на юго-востоке характер прихода к власти бывшей оппозиции, её первые решения и потворство разгулу ультранационалистических организаций вызвали недовольство и волну протестов населения с первых же дней после смены власти в Киеве [11]. Эти протестные движения имели и имеют место быть повсеместно, будучи названными в СМИ термином «Русская весна» [12]. Со 2 марта название использовалось региональными органами государственной власти, для митингов протеста в городах Юго-Восточной Украины [13].

В связи с массовыми протестами на Юго-Востоке Украины против центральной власти, в Крыму на волне общественно-

го подъёма была осуществлена смена исполнительных органов власти, которые отказались признать легитимность новой украинской власти и обратились за содействием и помощью к руководству Российской Федерации. В течение нескольких последующих недель была провозглашена независимость Крыма, проведён общекрымский референдум, по результатам которого Республика Крым присоединилась к России [14].

Также, народными движениями были задекларированы народные Республики, и юго-восточные регионы (Донецк и Луганск) взяли курс на народные референдумы, которые должны 11 мая выяснить желание граждан о государственном суверенитете обоих народных республик [15].

В ответ на это, киевские власти инициировали силовую операцию на юго-востоке страны, обозначив ее как антитеррористическая акция борьбы с сепаратизмом. Эти силовые действия всецело были поддежаны Евросоюзом и США, которые признали право украинской власти на применение силовых мер против юго-восточных регионов для «защиты суверенитета государства» [16].

Наряду с массовыми нарушениями прав человека новыми киевскими властями [17], начатые ими силовые акции привели к массовым жертвам среди мирного населения регионов Украины [18], направив страну на путь гражданской войны [19]. И если в среде специалистов доминирует мнение, что причиной начала краха украинского государства и возникновения Евромайдана стала коррупционная социально-экономическая модель Украины, в которой произошло сращение частного капитала и государственной власти, большинство населения страны, и в первую очередь граждане юго-восточных

регионов считают, что органы центральной власти в Украине являются незаконными, и политическо-военное противостояние на Украине имеет в первую очередь катастрофический отрицательный экономический эффект для нее самой [20], но также и для всеобщей европейской безопасности [21]. Как считают некоторые эксперты, такие как директор исследовательской программы Вашингтонского Центра анализа европейской политики (Center for European Policy Analysis) Питер Доран, украинский кризис – «это удар по основам мира в Европе» [22].

I. КРОТКО О ИСТОЧНИКАХ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Официальная причина кризиса: неподписание Президентом Украины г-ном В.Януковичем Соглашения об ассоциации с Европейским Союзом в Вильнюсе. **Реальная причина кризиса:** государственный переворот [23], осуществленный национальными силами правого толка [24], которые незаконным и неконституционным путем взяли власть в Украине, потому как Конституция Украины предусматривает четыре способа прекращения полномочий президента страны [25] - заявление об отставке, по состоянию здоровья, смерть и импичмент. В Украине ни один из данных указанных способов не применялся, а значит решения Верховной Рады Украины о смещении В.Януковича являются действиями антиконституционными. И на сегодняшний день, эти и другие аналогичные действия привели к созданию очага гражданского военного конфликта в Украине, а значит очага перманентной нестабильности в Центральной Европе, на восточной границе Молдавии [26].

Легальность новой власти на Украине. Международно-правовые аспекты украинских

событий стали субъектом рассмотрения Организацией Объединённых Наций, и в частности ее Совета Безопасности ООН, обладающие полной и исключительной юридической компетенцией в данного рода вопросов [27]. Притом, что ситуация на Украине была рассмотрена в рамках СБ ООН неоднократно, и в первую очередь потому, что новая власть Украины квалифицировала действия России как «агрессию» в рамках заседаний СБ ООН 28 февраля и 1 марта, заседания которые состоялись по требованию Украины [28]. Сообщив, что Россия официально отвергла предложение Украины незамедлительно провести двусторонние консультации в соответствии со статьей 7 Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Украиной и Российской Федерацией от 1997 г., украинская сторона утверждала в своих письмах, что «Российская Федерация грубо нарушает основные принципы Устава ООН, которые обязывают все государства-члены, среди прочего, воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства» [29]. Однако, в рамках рассмотрения, украинская сторона не смогла предъявить письменные предложения к России проводить какие-либо консультации, и так же не смогла подтвердить документально применение силы российской стороной по отношению к Украине. В ответ, на заседание 3 марта постоянный представитель России представил Совету Безопасности письмо президента Украины В.Януковича с просьбой о военной помощи [30], чем обозначит четко вопрос нелегитимности новых органов власти.

Вследствие обозначенных моментов, соглашаясь с мнением других исследователей данного субъекта [31], считаем, что основ-

ным правовым вопросом, связанным с новыми органами власти в Киеве, это ее легальность и легитимность. Как считают некоторые исследователи [32], легитимность власти - это положение при котором люди считают себя должными подчиняться, а власть считают имеющей право приказывать. Значит, должен присутствовать симбиоз неких обязательных факторов, таких как легальный источник полномочий и власти, признание власти населением, представительская функция власти как представитель народа обладающей авторитетом в глазах населения. А значит, легитимность [33] это согласие народа, с властью, когда народ добровольно признаёт за властью право принимать обязательные к исполнению решения. И исходя из этого, можно вывести, что чем ниже уровень легитимности власти, тем чаще эта власть будет опираться на силовое принуждение, то есть то, что на сегодняшний день наблюдается в Украине.

Потому что как считает основная масса исследователей, и среди них и Ачкасов В. А., и Ланцов С. А., и Елисеев С. М., и другие [34], для того чтобы власть была легитимна, должна присутствовать обязательная триада:

- Законное происхождение власти

- Осуществление власти и властных полномочий посредством Закона, а не насилия

- Подчиненность власти самому Закону, а не наоборот.

Основываясь на вышеобозначенных параметрах, и опираясь на разработанный западными учеными такого показателя как порог легитимности власти [35], можно заключить, что новая украинская власть является сомнительной с точки зрения ее легитимности, поскольку никто законным образом не менял действующую власть в Украине [36] и сегодня целые регионы

страны выражают недоверие новой властью, вплоть до раскола страны. А когда власть является нелегитимной в глазах широких слоев населения, возрастает вероятность противодействия этой власти, притом, что это может осуществляться путем гражданского сопротивления, но также и в вооруженных формах борьбы против нелегитимной власти. И именно такую ситуацию наблюдаем на сегодняшний день в Украине – вооруженное противостояние новой власти и населения юго-восточных регионов.

Отметим, что этот правовой вопрос является фундаментальным для оценки украинского кризиса и всех проблем, связанных с кризисом или генерируемые им.

II. ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИКИ УКРАИНЫ (по итогам I квартала 2014г.)

Хотя официальные органы Украины (НБУ, Министерство экономического развития и торговли, Правительство Украины) не обеспечивают достаточную прозрачность о состоянии развития украинской экономики в 2014 г. [37], экспертное сообщество Украины в публицистических материалах раскрывают много численные аспекты текущего состояния и динамики развития экономики Украины.

Таким образом, экономика Украины резко замедлила свою динамику после 2013 года, когда ее рост составил 5.2%. По итогам I квартала 2014 ВВП Украины уменьшился на 1,1% по сравнению с соответствующим периодом прошлого года. Наиболее значительное торможение продемонстрировали обрабатывающая промышленность - годовой рост -15.4% по сравнению с +0.5% роста в I квартале 2013-го и строительство -65.3% по сравнению с +3.3% в I квартале 2013-го. Добывающая промышленность, производство энергии, тепла и

воды, сельское хозяйство также значительно замедлили рост.

В целом, фискальный блок в официальных отчетах [38] указывает на то, что реальные доходы Сводного бюджета за январь - февраль 2014 по сравнению с январем - февралем 2013 уменьшились на 3,5 %, а Государственного - на 4,8 %. Также, дефицит Сводного бюджета только за январь - февраль 2014 вырос на 95%, а Государственного бюджета за январь - февраль 2014 вырос на 120%.

В I квартале 2014 года золотовалютные резервы Украины продолжили снижение. Их уровень находился в критической зоне и не обеспечивал трехмесячного покрытия импорта. После смены политического режима, НБУ перешел от политики валютных интервенций к жесткому регулированию валютного рынка и перекрытию каналов оттока валюты на теневой рынок. Однако, валютная политика Национального банка Украины – НБУ не привела к стабилизации курса национальной валюты к доллару США. В условиях общего оттока капитала на фоне общей экономической нестабильности, жесткая курсовая политика не привела к замедлению роста денежных агрегатов. С начала 2014 года официальный курс гривны относительно доллара США по состоянию на 01.04.2014 г. обесценился на 57% [39]. В частности, на обвал курса оказали влияние следующие факторы [40]:

1. Внутривалютная нестабильность и панические настроения населения и бизнеса.

2. Финансовые махинации и вывод валютных средств.

3. Валютные спекуляции некоторыми банковскими учреждениями.

4. Эмиссионная активность НБУ и сохранение высокой его ликвидности.

5. Отказ НБУ от активного

участия на межбанке с валютными интервенциями и переход на гибкое курсообразование.

6. Отток депозитных вкладов с банковского сектора и их перевод в наличную валюту. Отток депозитов физических лиц только в марте месяце 2014г. составил 6.7 млрд гривен, и еще 532 млн гривен ушло с депозитов юридических лиц.

Поэтому, за январь - март 2014 зафиксирован рост наличных вне банков на 13,0 % (в прошлом году - на 1,4 %), денежной массы (МЗ) - на 3,9 % (в прошлом году - на 3,6 %) , денежной базы - на 7,1 % (в прошлом году - на 0,3 %). Уровень монетизации национальной экономики на конец марта 2014 составил 58,8 %. Задолженность по кредитам, предоставленным в экономику Украины с начала 2014 г. увеличилась на 10,0 % и составила на конец марта 2014 г. 1001,5 млрд.грн. Объем кредитов, предоставленных в национальной валюте, сократился на 3,0%, в то же время в иностранной валюте - увеличился на 35,2 %. Отметим, что только за один месяц (март 2014г.) инфляция выросла на 2,2% - самый большой показатель за последние три года. По итогам марта годовой рост индекса потребительских цен достиг 29.2%. Цены растут из-за высоких инфляционных ожиданий, роста акцизов на табак и алкоголь, падения гривны и связанного с этим подорожания импорта. Из-за роста цен продажи техники только в марте упали на 40%. Премьер-министр А.Яценюк прогнозирует 14% уровень годовой инфляции [41].

Внешний баланс Украины не демонстрирует признаков улучшения: дефицит счета текущих операций увеличился до \$15212 млн 42.8% ВВП по сравнению с \$1340 млн в I квартале прошлого года. Ухудшение баланса финансового счета в связи с оттоком капитала привело к тому, что общее сальдо

платежного баланса украинской экономики находилось в отрицательной области - центральный банк терял международные резервы, которые составили \$35.5 млрд на конец марта по сравнению с \$31.2 млрд годом ранее. Рост кредитования экономики банковским сектором показывает отрицательные величины по сравнению с прошлым годом на фоне оттока капитала из страны и связанного с ним снижения темпов роста денежного предложения: объем кредитов, выданных банками, по итогам марта уменьшился на 58.2% по сравнению с тем же месяцем прошлого года. Показатели устойчивости банковской системы резко изменились по сравнению с последним кварталом прошлого года - по всей видимости, политическая и экономическая ситуации в стране прервали консолидацию финансового сектора, остановили кредитную экспансию, отражая значительное замедление роста кредитования в Украине. Падение темпов роста экономики Украины по итогам I квартала этого года на 1,1% продемонстрировало ее уязвимость по отношению к влиянию негативных внутренних шоков. Это означает, что неопределенность в отношении перспектив стабилизации и экономического роста в стране в течение оставшейся части года также является повышенной, что предполагает существенное замедление роста украинской экономики по сравнению с предыдущим 2013 годом. Еще нужно подчеркнуть, что Правительство Украины имеет внутреннюю задолженность более 8 млрд.долл, так как зарплаты бюджетников по всей стране были задержаны на более чем один месяц. Кроме того, по официальной статистике украинская социальная сфера в 2014 г. содержит 20 млн. активного населения, 13,7 млн. пенсионеров , 2,7 млн. людей с

ограниченными возможностями (в том числе детей-инвалидов 167тыс.), 2,1 млн. ветеранов Чернобыля, 1,6 миллионов безработных , около 100тыс. детей-сирот, 1,3 млн. семей, получающих помощь в виде соцпакета за коммунальные услуги. Сумируя, можно отметить, что суммы, необходимые для выплаты социальных нужд на Украине, превышают 3 млрд. евро/год.

Объем денежной массы Украины на текущий момент – около 900 млрд. гривен. Это в долларах примерно 90 млрд. До конца 2015 года Украине потребуются финансовая помощь в размере 35 млрд долларов, или в размере примерно трети денежной массы [42], (доходная часть бюджета Украины на 2014г. – 501,7 млрд. гривен), или в размере годового дохода бюджета. И выполнить запланируемый бюджет будет сложно даже при антикризисных поправках в госбюджет на 2014 г. [43], в которых замораживается рост минимальной заработной платы в течение 2014 г. для трудоспособного населения и уменьшается сумма средств, направляемых в Пенсионный фонд Украины на выплату пенсий. Таким образом возникает расчетная сумма дефицита бюджета в более чем 150 млрд.грн., хотя дефицит государственного бюджета на 2014 год, согласно принятому 16 января закону о государственном бюджете Украины, составляет 71,6 млрд грн, или 4,3% ВВП (отметим, что министр финансов Украины Александр Шлапак заявил, что помимо официального дефицита, в бюджете еще есть и скрытый дефицит в размере более 50 млрд грн) [44].

Таким образом, страна столкнулась с инфляцией, которая может оказаться устойчивой, особенно в случае воздействия на экономику дополнительных негативных внутренних шоков в течение второй половины года.

Сохранение темпов роста цен на нулевом или отрицательном уровне в течение длительного времени может оказать деструктивное влияние на экономику страны, поставив ее на грани банкротства.

Нулевой или отрицательный рост ВВП, нежелательный сам по себе, является источником дополнительных рисков в контексте устойчивого внешнего дисбаланса экономики страны, где конечным результатом может стать существенная девальвация национальной валюты. На ее фоне последует новый всплеск инфляции, перечеркивающий достижения властей в деле установления ценовой стабильности в экономике.

В международном рейтинговом агентстве Standard & Poor's (S&P) также полагают, что сложившаяся в экономике Украины ситуация может завершиться дефолтом страны. "Ухудшение политической ситуации на Украине подвергает способность правительства по погашению и обслуживанию долговых обязательств все возрастающим рискам. В настоящий момент мы полагаем, что в отсутствие значительных позитивных изменений (которых мы не ожидаем в настоящий момент) вполне вероятен дефолт Украины", - говорится в сообщении агентства S&P [45].

Данный краткий обзор является далеко не полным, потому что не учитывает состояние различных аспектов экономики Украины, такие как финансовые рынки, долговая ситуация, тренд валютного рынка и колебания курса валют, оценка доходной части бюджета и собираемости налогов, сезонные колебания исполнения бюджета 2014, траты на проведение преобразований по результатам выдачи кредитов Европейского Союза, Мирового Банка и Международного Валютного Фонда, другие аспекты финансо-

вой деятельности государственных центральных органов власти и местных администраций, в том числе в условиях начавшегося развала страны и неподчинения Киеву юго-восточных регионов. Но даже с учетом каких-то возможных позитивных факторов, финансовая ситуация Украины (и не только) на сегодняшний день весьма сложна. И не только для самой Украины, но и для ее стран соседей, в первую очередь для Молдовы.

III. ЭФФЕКТЫ ДОМИНО И РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА

Первый квартал 2014г. позволил оценить обширное негативное влияние украинского кризиса на экономику и рынки Молдовы. Так, от украинского кризиса серьезно пострадал молдавский экспорт на российский рынок, который снизился в первые три месяца этого года на 38% по сравнению с предыдущим годом, в то время как экспорт в Украине снизился на 4,6%. И соответственно, импорт из России и Украины резко сократились на 8,9% и 9,9% [46].

Вместе с тем, необходимо отметить, что на границе Молдовы, в непосредственной близости (Одесская и Ивано-Франковская области), возник постоянный очаг военного конфликта, затрагивающий экономические интересы Молдовы или содержит угрозу ее целостности. Ясно, что любой нестабильный регион теряет свой положительный имидж перед инвесторами, что отражается соответствующими рейтинговыми агентствами понижающие рейтинг страны - Standart&Poog понизило рейтинг страны в "ССС +", Moody's понизило рейтинг Укр к "СAA2", Fitch ухудшил рейтинг Украины до "ССС". Массовый вывод капитала в таких случаях наблюдается не только в самой стране с внутренней нестабиль-

ной ситуацией, но и в близлежащих регионах. Данное явление не приобрело еще существенный масштаб, но молдавский рынок реагирует уже [47]. Молдова имеет общую границу с Украиной протяженность которой достигает 1222км. Возможный гуманитарный кризис в Украине может создать беспрецедентные потоки беженцев. Поэтому, Молдова как и другие страны региона должна быть готова справиться с потоками беженцев, тем более что такого рода процессы являются критическими и необратимыми выполняя и роль прессинга или давления на экономические показатели страны. Также, нужно учитывать что миграционные проблемы могут быть и другого вида, потому что, если экономическая ситуация ухудшается в стране, это может генерировать проблемные ситуации связанные с организованной преступностью, но и с контрабандной торговлей. И нужно учитывать что:

- Украина сегодня находится в предефолтном состоянии, а экономический трэнд указывает на резкое снижение доходов населения Украины, соответственно на снижение доходов украинского государственного бюджета, возможно генерирующие гиперинфляцию и неконтролируемые цены.
- Украинский кризис оказывает одновременно прямое воздействие на работу предприятий и на социальную среду создавая системные трудности и объективный характер экономической рецессии украинской экономики, влияя на все внутренние рынки и на интенсивность циркуляции финансовых потоков, влияющие на передвижение как людей, так и товаров, и капиталов.
- возможность военного конфликта, его разрастания увеличивает объем и возможности влияния происходящих на Украине

процессов на экономическую (и не только) ситуацию в Молдове, повышая экономическую взаимозависимость с Украиной и снижая экономическую безопасность Республики Молдова. Хорошо известно, что «безопасность является относительный недостаток войны ...» [48], или, «... способность нации успешно продвигать свои национальные интересы» [49], или, «... обеспечения будущего благополучия ее граждан» [50]. Кроме того, из определения, данного Арнольдом Вольферс, который гласит, что: «Безопасность, в объективном смысле, измеряет отсутствие угроз приобретенным ценностям и субъективное ощущение, отсутствие страха, что такие значения будут атакованы» [51], получим, что экономическая безопасность Молдовы, которая является одним из важнейших компонентов национальной безопасности, как следствие украинского кризиса, подвергается существенной угрозе, где национальная экономика республики может потерять существенно баланс мощности и ритмы развития. Тенденции, выделенные украинским кризисом, влияют и будут влиять как на финансово-экономические отношения между Молдовой и Украиной, так и на развитие ситуации в самой Молдове.

На данный момент, украинский кризис оказывает непосредственное влияние на экономическую ситуацию в республике, затрагивая всю линейку существующих компонентов, составляющих понятие безопасность страны, а именно: энергетическую безопасность, промышленную и финансовую, сельскохозяйственную и продовольственную безопасность, коммерческую и банковскую безопасность, а также любые другие формы безопасности Республики Молдова. Очевидно, что тема влияния

украинского кризиса на экономическую безопасность Молдовы нуждается в мониторинге различных компонентных факторов, в анализе причин, которые подрывают или способны повлиять на экономическую безопасность Республики.

И конечно же, необходимо вмешательство компетентных органов для принятия соответствующих мер по предотвращению эффектов существующих угроз, применяя соответствующие полномочия дисциплинарно-административного и процессуально-уголовного характера. Возможно нужны действенные меры законодательного регулирования для защиты экономического и финансового суверенитета Республики Молдова.

Потому как на сегодняшний день:

- в Молдавии зарегистрированы 759 молдавско-украинских совместных предприятий с общим капиталом в 175 миллионов леев.

- Украина занимает третье место среди торговых партнеров Молдавии, после России и Румынии.

- Наибольший удельный вес в экспорте молдавских товаров в Украину составляют расходные материалы, вино, семечки и лекарства. Из Украины импортируется электричество, нефтепродукты, сигареты, продукты питания, и многое другое.

- Молдавские экспортеры и импортеры уже столкнулись с трудностями в осуществление платежей от своих партнеров, с необходимостью делать авансовые платежи, нести расходы по обязательному страхованию товаров, услуг и сделок, при условии что имеет место безусловный существенный рост цен.

- У Молдавии всегда был отрицательный торговый баланс с Украиной достигающий в 2013г. в совокупности более 1,3 млрд. долларов, что составляет более

18% всей международной торговли осуществляемой молдавскими экономическими агентами.

- Необходимо отметить, что путь к российскому или белорусскому рынку, как и к всему СНГ, проходит через украинскую территорию, и наличие нестабильности и угроз в этой области будет влиять или уже влияет на весь спектр деловых отношений, особенно учитывая необходимость повышения транспортных и страховых расходов, а также другие возможные риски, связанные с украинским кризисом. Как считают некоторые исследователи, украинский кризис создал неблагоприятные последствия для международной торговли, и вследствие этого, поток товаров и услуг не только уменьшится, но и в зависимости от развития событий на Украине в сторону расширения военного конфликта, - может полностью нарушить сложившиеся коммерческие отношения молдавских экономических агентов со своими партнерами как в Украине, так и в странах СНГ;

- разрыв экономических отношений приведет к издержкам и убыткам, понесенными компаниями в стране, которые будут обращены на потребителей, или приведет к банкротству экспортеров и импортеров;

- появятся жизненная необходимость выхода на другие рынки, но сам выход на другие рынки имеет свой стоимостной компонент – маркетинг и инвестиции в иностранные рынки товаров и услуг, поиск партнеров и налаживании связей, изучение и цена выполнения правил соответствующего рынка соответствующей страны, обеспечение безопасности поставок и расчетов, и т.д.;

- приведет к потере традиционных рынков для молдавских экономических агентов - снижение интенсивности международной торговли Молдовы

с другими странами, в первую очередь со странами СНГ, будет существенно влиять на торговый баланс Республики Молдова. Возрастут угроз финансовой безопасности Молдовы, которая подтверждена как внутренним, так и внешним влиянием. Проблемы, связанные с финансовыми потоками внутри страны и с внешними партнерами, будут влиять и искажать и фискальную реальность страны, так как любые негативные изменения в экономике будут иметь влияние на торговый баланс и обслуживание государством своих долговых обязательств, на доходную часть государства, на способность Молдовы выполнять свои обязательства перед кредиторами на финансовом рынке внутренних и внешних заимствований. Потеря макроэкономической стабильности в стране приведет к искажению стабильности цен и соответственно к росту инфляционных показателей. А прямым следствием этих процессов будет применение государственными органами необходимых инструментов денежной политики с тем, чтобы стабилизировать чрезмерные колебания инфляционных процессов или генерировать соответствующую экономическую активность в Молдове.

Необходимо иметь в виду, что вследствие возможного экономического давления украинского кризиса возможно будет изменена и налогово-бюджетная политика страны, для того чтобы устранить возможные дисбалансы на финансовых рынках. Кроме того, через создание фискальных стимулов, налоговая политика в Молдове может стимулировать экспорт и производственные процессы экономической деятельности в целом, увеличивая способность государства для минимизации негативных последствий влияния украинского кризиса. Необходимо иметь в виду, что

возможные жесткие меры, необходимые для макроэкономической стабилизации, могут привести к остановке экономического роста, к отрицательным отклонением от необходимого роста ВВП, могут создать другую качественную модель молдавской экономики, с рынками другого качества, касательно в том числе и рынка капиталов, кредитных и депозитных рынков, валютного и недвижимости, и так далее, которые могут поставить под угрозу финансовую устойчивость платежного баланса Молдовы. Украинский кризис может стать началом геополитической катастрофы в регионе. Это связано в первую очередь с поставками природного газа. Серьезной проблемой для экономики страны будет прекращение поставок природного газа в страну и транзит газа в Европу – угроза, которая сегодня вырисовывается четко, вследствие неоплаченных долгов Киевом за полученный и использованный газ.

Такая же проблема присутствует при уменьшении (прекращения) объемов поставок электроэнергии, необходимой для жизнеобеспечения республики, ее граждан и ее экономики.

Обозначенные угрозы становятся доминантными, если учитывать, что у Молдовы нет альтернативных источников по поставке газа и электроэнергии. Однако, даже если поставки будут осуществляться бесперебойно, но нестабильность в регионе продлится, высказываем уверенность, что это в любом случае будет влиять на экономические параметры развития страны.

Таким образом, одной из среднесрочной цели и стратегической задачей, которые стоят перед Республикой Молдова, является повышение ее энергетической независимости от одного единственного источника. Необходимо отметить, что не-

которые исследователи считают, что в случае подписания Молдовой Соглашения об ассоциации с Европейским Союзом, угрозы экономической безопасности Молдове только возрастут, потому как это противоречит национальным интересам страны, может привести к насилию и хаосу в Молдове, утвердит нарушенную целостность страны, разрушит суверенитет Молдовы и ее экономику, приведет к обнищанию экономических агентов и граждан Молдовы, обусловит экономическую деградацию и дестабилизацию в стране.

Урок украинского кризиса, порожденного неподписания соглашения с ЕС, в этом контексте, заключается в следующем. Известно, что расходная цена подписания Соглашения об ассоциации между ЕС и Украиной оценивалось экспертами в более чем 160 млрд. евро.

По аналогии, мы можем отметить, что цена вопроса внедрения и дальнейшего обеспечения соблюдения Соглашения об ассоциации с ЕС на сегодня никем не подсчитана, как никем не подсчитывалась и цена экономических последствий подписания данного соглашения, а также цена возрастания угроз экономической безопасности государства, общества и граждан Республики Молдова. В частности, мы считаем что расходы на осуществление Соглашения об ассоциации Республики Молдовы с Евросоюзом должны лечь на сам Евросоюз, а текст Соглашения об ассоциации должен содержать обязанность ЕС по финансовому покрытию расходов Молдовы на внедрение данного соглашения.

Также, предлагаем применить комплексный подход к проблемам безопасности, так как для полноты исследования, рассмотрение влияния украинского кризиса на экономическую безопасность Республики Мол-

дова необходимо осуществить посредством нескольких научно-исследовательских измерений: военного, политического, социального, культурного и экологического. Дальнейшее исследование данной области позволит изучить взаимозависимость всех обозначенных параметров, а значит дополнит ряд выводов и предложений для обеспечения безопасного развития Республики Молдова, стабильности молдавского общества, дальнейшего повышения благосостояния граждан Республики Молдова.

Список использованных источников и литературы

1. 21 ноября 2013 года, за несколько дней до саммита «Восточное партнерство» в Вильнюсе, намеченного на 28—29 ноября 2013, основным событием которого должно было стать подписание Украиной Соглашения об ассоциации с Евросоюзом, правительство Украины заявило о приостановлении подготовки к заключению этого соглашения. Распоряжение об этом было официально обнародовано Премьер-министром Украины Н.Я.Азаровым.
2. По словам Азарова, выступавшего 22 ноября в Верховной раде во время очередного «правительственного часа», «последней каплей» для правительства послужило письмо Международного Валютного Фонда от 20 ноября, в котором Украине для получения кредита предписывалось повысить тарифы на газ и отопление на 40 %, заморозить зарплаты и сократить бюджетные расходы. Кроме того, Азаров отметил, что в результате евроинтеграции многие украинские предприятия могут быть закрыты, а 400 тысяч украинцев окажутся без работы.
3. Понад 5 тисяч осіб записалися до загонів самооборони на Євромайдані – Парубій – Радіо Свобода, 17.12.2013. <http://www.radiosvoboda.org/content/article/25203452.html>
4. Правый сектор» недоволен соглашением с Януковичем. <http://euromaidan.rbc.ua/rus/-pravyy-sektor-nazval-soglashenie-s-yanukovichem-ocherednym-21022014160600>
5. Законы 16 января. Киевский центр политических исследований и конфликтологии. 20.01.2014. <http://www.analitik.org.ua/current-comment/int/52dd1706970dc/>
6. Алла Ярошинская. От Майдана до войны с Россией. // Росбалт, 22/01/2014. <http://www.rosbalt.ru/blogs/2014/01/22/1223971.html>
7. Обнародован текст Соглашения об урегулировании кризиса в Украине. <http://www.unian.net/politics/887869-obnarodovan-tekst-soglasheniya-oburegulirovani-krizisa-v-ukraine.html>
8. Янукович назвал происходящее в Украине государственным переворотом. <http://euromaidan.rbc.ua/rus/yanukovich-nazval-proishodyashchee-v-ukrainegosudarstvennym-22022014155900>
9. <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/757-VII>
10. <http://www.newsru.com/world/24feb2014/euoukra.html>
11. Премьер-министром Украины стал Арсений Яценюк. <http://lenta.ru/news/2014/02/27/yatsenuk/>
12. http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B2%D0%B5%D1%81%D0%BD%D0%B0
13. Русская весна. <http://svpressa.ru/politic/article/82769/?rss=1>, <http://holmogor.livejournal.com/6161827.html>
14. «Русская весна» восточной Украины. <http://svpressa.ru/politic/article/83145/> В Крыму началась «русская весна». <http://www.business-gazeta.ru/photo/46541/>; Путин и «Русская весна» Или насколько плохой мир лучше хорошей войны? <http://nvdaily.ru/info/21810.html>
15. Крымский кризис. http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%81
16. Референдумы о статусе регионов проходят в Донецкой и Луганской областях Украины. Жителям Донбасса предлагается ответить на вопрос «Поддерживаете ли вы акт о провозглашении государственной самостоятельности Донецкой народной республики?». В Луганской области также ставится вопрос о создании независимой «народной республики».
17. США о сепаратистах на востоке Украины: Это террористические действия. http://censor.net.ua/news/280184/ssha_o_separatistah_na_vostoke_ukrainy_eto_terroristicheskie_deystviya. ЕС признает право Украины на антитеррористическую операцию на востоке страны. <http://ru.krymr.com/content/article/25361433.html>
18. Белая Книга нарушений прав человека и принципа верховенства права на Украине. [http://www.mid.ru/bdcomp/Ns-dgpch.nsf/0/38fa8597760acc2144257ccf002beeb8/\\$FILE/Belaya%20Kniga.pdf](http://www.mid.ru/bdcomp/Ns-dgpch.nsf/0/38fa8597760acc2144257ccf002beeb8/$FILE/Belaya%20Kniga.pdf)
19. <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1178581>
20. The Financial Times: Украину лучше разделить, чем встать на путь гражданской войны <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/entry1008210644.html>; Восток Украины. Гражданская война. Хроника событий http://kavpolit.com/articles/vostok_ukrainy_shturm_v_slavjanske_hronika_sobytij-3951/
21. Мнения и взгляды жителей юго-востока Украины: апрель 2014. <http://zn.ua/UKRAINE/mneniya-i-vzglyady-zhiteley-yugo-vostoka-ukrainy-aprel-2014-143598.html>
22. Крис Доелли. Европейская безопасность: новые вызовы и новые ответы. <http://magazines.russ.ru/vestnik/2003/9/don.html>
23. Уильям Миллер и Питер Доран (Center for European Policy Analysis). Украинский кризис и европейская безопасность. <http://www.golos-ameriki.ru/content/miller-ukraine/1864277.html>
24. Мигель Гуаглианоне. «Государственный переворот на Украине был совершен четко по учебникам». http://rus.ruvr.ru/2014_03_06/Gosudarstvennij-perevorot-na-Ukraine-bil-sovershen-chetko-po-uchebnikam-4341/; Александр МЕЗЯ-ЕВ. О легальности власти на Украине и о преступности государственного переворота. <http://www.fondsk.ru/news/2014/03/07/o-legalnosti-vlasti-na-ukraine-i-o-prestupnosti-gosudarstvennogo-perevorota-26233.html>; Выступлению В.И.Чуркина на заседании СБ ООН 3 марта 2014 г. http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/

D8E8DFFE7B0E60FE44257C91002D3CFA. Позднее данный текст был распространён в качестве документа СБ ООН и доступен в этой форме на официальном сайте ООН

24. Нео (нэ) (от греч. neos - новый). Первая часть составных слов в знач.: в новой, видоизмененной и чаще всего ухудшенной форме, напр. неовитализм, неодарвинизм, неокантианство, неомальтузианство, неоклассицизм, неоромантизм и т. д.

25. Конституция Украины. Ст.111. Официальное толкование части первой статьи 111 см. в Решении Конституционного Суда № 19-рп/2003 от 10.12.2003г. <http://iportal.rada.gov.ua/uploads/documents/27396.pdf>

26. Госпереговор на Украине. http://ruxpert.ru/%D0%93%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%82_%D0%BD%D0%B0_%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D0%B5

27. 1) Украина является членом ООН. <http://www.un.org/ru/documents/charter/index.shtml>. 2) Полномочия СБ ООН базируется на ст.24 Устава ООН.

28. Официальное письмо Украины в СБ ООН от 28.02.14г. <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/249/78/PDF/N1424978.pdf?OpenElement>; Официальное письмо Украины в СБ ООН от 01.03.14. <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/249/78/PDF/N1424978.pdf?OpenElement>

29. См. стенограмму заседания СБ ООН № 7124 от 1 марта 2014 года // Документ ООН: S/PV. 7124 - <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/250/32/PDF/N1425032.pdf?OpenElement>

30. Выступление В.И.Чуркина на заседании СБ ООН 3 марта 2014 г. // http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/D8E8DFFE7B0E60FE44257C91002D3CFA.

31. Н.Стариков. Легитимна ли новая власть Украины. <http://nstarikov.ru/blog/36877>; А.Левченков. Власть вне права: правовая демагогия или политическая реальность? *Jurisprudencija.Mokslo darbai.*, 2007., 12(102); стр.54–58.

32. О.А. Красненко. Концепция власти М.Вебера в исследовании политической культуры Великобрита-

нии и России. Стр.181. http://ecsocman.hse.ru/data/2010/06/21/1212534454/Krasnenko_N3_fin.indd-11.pdf; Вебер Марианна. Жизнь и творчество Макса Вебера. М., 2007, 656 стр.

33. От латинского «legitimus» — согласный с законами, законный, правомерный. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Легитимность>

34. Ачкасов В. А., Елисеев С. М., Ланцов С. А. Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе. — М.: Аспект Пресс, 1996. Стр.125; Савин Сергей. Легитимность власти как фактор стабильности современного российского общества. СПб., “Телескоп”: No 2, 2003.

35. Морозова О.С. Порог явки на выборах как элемент избирательной культуры. Политические науки. М., стр.185

36. Конституции Украины. Ст.111.

37. Национальный Банк Украины. Макроэкономические показатели. http://www.bank.gov.ua/control/uk/publish/category?cat_id=57896; Министерство экономического развития и торговли. Основні показники економічного та соціального розвитку України

38. Министерство экономического развития и торговли. Основні показники економічного та соціального розвитку України (29.04.2014). <file:///C:/Users/%D0%92%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B9/Downloads/Golovne2904.pdf>

39. Андрей Яницкий. Девальвация доверия. http://economics.lb.ua/state/2014/04/12/262915_devalvatsiya_doveriya.html

40. ИЦ УАК. Дефолта не будет. <http://astpso.sumy.ua/1675/>

41. Цены в марте выросли больше, чем за два предыдущие года. http://economics.lb.ua/state/2014/04/07/262167_inflyatsiya_marte_stala_rekordnoy.html

42. Маргарита Лютова. Украине нужно \$35 млрд финансовой помощи. <http://www.vedomosti.ru/politics/news/23182181/ukraina-ocenila-nuzhnyj-obem-pomoschi-sozyvaet-konferenciyu>

43. Рада приняла антикризисные поправки в госбюджет на 2014 год. http://lb.ua/news/2014/03/27/261033_rada_prinyala_antikrizisnie_popravki.html

44. Яценюк обещает сократить де-

фицит бюджета вдвое. http://economics.lb.ua/finances/2014/03/11/258906_yatsenyuk_obeshchaet_sokratit_defitsit.html

45. <http://top.rbc.ru/economics/25/02/2014/907059.shtml>

46. TREND NEGATIV: Criza ruso-ucraineană a afectat dramatic EXPORTURILE moldovenesti. <http://www.24h.md/ro/news/trend-negativ-criza-ruso-ucrainean-a-a-afectat-dramatic-exporturile-moldovenesti-pe-piata-rusa-care-se-afla-intr-o-cadere-libera-141418/>

47. Анатолий Кина. Отток капитала из Украины называют беспрецедентным. <http://minprom.ua/news/146118.html>. ; Агентство Fitch спрогнозировало бегство капитала из Украины на фоне протестов. http://zn.ua/ECONOMICS/agentstvo-fitch-sprognozirovalo-begstvo-kapitala-iz-ukrainy-na-fone-protestov-135179_.html

48. Ian Bellany. Insuring Security. *Political Studies*. December 1996. Volume 44, Issue 5, pp. 872–887.

49. Penelope Hartland-Thunberg. *National Economic Security: Interdependence and Vulnerability*. John F.Kennedy Institute. 1982. p.50.

50. Martin Lourence. *National security in a New World Order*. Royal Institute of International Affairs. 1992. www.jstor.org/discover/10.2307/40396374?uid=3738528&uid=2&uid=4&sid=21103780253251

51. Arnold Wolfers, “‘National Security’ as an Ambiguous Symbol,” *Political Science Quarterly*, Vol. 67, No. 4, December 1952, p. 485. cited in “Безопасность на базе сотрудничества: новые перспективы международного порядка” Р.Козна и М.Михалка. Публикаций Центра им. Маршалла. 2001. <http://www.marshallcenter.org>

СОЦИАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Гумбатов Эльнур Акиф Оглы,
Санкт-Петербургский государственный университет, юридический факультет,
аспирант 3 курса кафедры теории и истории государства и права

SUMMARY

This article analyzes the social and legal basis of the rights and freedoms of the individual. The author emphasizes that the rights and freedoms of man and citizen are not arbitrary setting of the state, and a natural product of social development. They have a number of important social and legal prerequisites.

Keywords: law, freedom, social and legal reasons, the person, subject of the law.

Статья посвящена анализу социальных и юридических оснований прав и свобод человека. Автор подчеркивает, что права и свободы человека и гражданина представляют собой не произвольное установление государства, а закономерный продукт социального развития. Они имеют целый ряд важных социальных и юридических предпосылок.

Ключевые слова: права, свободы, социально-юридические основания, человек, субъект права.

Постановка проблемы. В современных условиях права и свободы человека и гражданина занимают важное место в системе правовых явлений, обеспечивая безусловный приоритет человеческой личности, ее интересов в обществе и государстве и создавая условия для реализации свободы индивида, автономии его воли и личной неприкосновенности.

Человек как носитель неотъемлемых и неотчуждаемых прав выступает в качестве основы социальной и политической организации общества, являясь той первичной клеточкой, совокупность которых в их сложных и многообразных взаимоотношениях и взаимодействиях образуют ткань, материю этого общества, которые, следовательно, может рассматриваться в качестве упорядоченного множества индивидов.

Сказанное со всей очевидностью проявило себя в эпоху Нового времени, когда, по признанию целого ряда как российских, так и зарубежных мыслителей, окончательно сформировалась человеческая индивидуальность как социальный и ментально-культурный феномен [1]. Не случайно именно в эту эпоху возникают права и свободы личности как её неотъемлемое свойство, не зависящее от признания или непризнания таковых государством [2], хотя отдельные попытки законодательного закрепления тех или иных свобод, имевших, как правило, сословный характер, предпринимались еще в Древнем и средневековом мире [3].

риала. Формирование системы основных прав и свобод человека и гражданина в праве Нового времени непосредственно совпадает с формированием в западноевропейской культуре феномена человеческой личности во всей полноте ее личностных качеств, предполагающих, в числе всего прочего, осознание индивидом комплекса жизненно важных потребностей и интересов, неразрывно присущих каждому конкретному человеку и вытекающих из его биосоциальной природы, духовной сущности, а также из положения, занимаемого человеком в политической системе и гражданском обществе. Иными словами, подлинным источником основных прав и свобод выступает не государство и даже не абстрактно понимаемые закономерности общественного развития, а сам человек во всей полноте его личностных характеристик и проявлений.

Указанное обстоятельство дает основание для признания этих прав и свобод субъективными правами, составляющими основу субъективными правами, причем особого рода [4]. В силу своей универсальности, общезначимости они образуют основу

Целью данной публикации является аргументирование идеи, что права и свободы человека и гражданина представляют собой не произвольное установление государства, а за-

кономерный продукт социального развития. Следовательно, они имеют целый ряд важных социальных и юридических предпосылок.

Изложение основного мате-

правового статуса личности, причем как общеюридического, так и целого ряда специальных статусов, выступая предпосылкой для наличия иных субъективных прав, возникающих в рамках конкретных правовых отношений. Принадлежит каждому обладателю от рождения, они, на наш взгляд, не зависят от признания или непризнания со стороны государства. Вместе с тем объективная логика функционирования механизма правового регулирования (и, в частности, необходимость в нормативной регламентации правовых отношений, складывающихся в обществе), в конечном счете, ведет к позитивации, то есть нормативному закреплению основных прав и свобод человека и гражданина [5].

Как и всякие иные субъективные права, основные права и свободы человека находятся в тесной взаимосвязи и «глубоком единстве с интересами» [6]. При этом хотелось бы отметить, что, применительно к основным правам и свободам, утрачивает свое значение и без того достаточно схоластичная и теоретически малопродуктивная дихотомия «юридических» vs. «законных» интересов, получившая распространение в отечественной правовой науке. А именно ряд теоретиков, различая законные интересы и юридические интересы, полагали, что первые находят свою реализацию в субъективных правах, складывающихся в рамках общих правоотношений, в то время как вторые реализуются в субъективных правах, формируемых в рамках конкретных правоотношений [7].

Логика подобного рода рассуждений представляется вполне очевидной и даже весьма последовательной в контексте позитивистского правопонимания (в его как этатистской, так и социологической версиях). В самом деле, осуществляя нормотворческую

деятельность, государство устанавливает лишь общую меру, или общий масштаб, дозволенного, запрещенного или обязательного поведения участников регулируемых общественных отношений, а это, в свою очередь, предполагает учет и закрепление в юридических нормах лишь наиболее значимых, с социальной точки зрения, наиболее стабильных интересов, которые впоследствии находят свою реализацию в субъективных правах, существующих в рамках общерегулятивных правоотношений: именно такие интересы и являются законными. Как отмечал С.С. Алексеев: «Управомоченному предоставляется мера дозволенного поведения для удовлетворения его интересов. И, хотя интерес не входит в содержание субъективного права, момент интереса необходим для самого существования этого права» [8].

В то же время конкретные интересы конкретной личности (а не абстрактного «субъекта права» или «члена общества») далеко не всегда поддаются законодательному учету и выражению, но также требуют своего юридического оформления в субъективных правах. Именно такие («юридические») интересы закрепляются в тех субъективных правах, которые реализуются в специальных правоотношениях, особенно гражданских, семейных и иных частноправовых.

Представляется, что сказанное не вполне применимо к тем интересам, которые закрепляются в основных правах и свободах человека. Ведь, с одной стороны, в силу своей всеобщности, они принадлежат вообще «человеку как таковому». Без их реализации само человеческое существование является немислимым, поскольку они обеспечивают его базовые условия, способствуя удовлетворению тех фундаментальных жизненных потребностей, о

которых шла речь выше. Поэтому такие интересы можно отнести к категории «законных».

Вместе с тем считать эти интересы «законными» было бы не совсем правильно, учитывая, что в своем словарном значении данный термин означает не только «согласующийся с законом» (что вполне справедливо), но и «основанный на законе» [9], что представляется сомнительным. Ведь, как мы видели, связанные с основными правами и свободами базовые интересы не столько основываются на законе, сколько сами выступают его основой. Закон, не считающийся с этими интересами и лежащими в их основе потребностями, обречен на нежизнеспособность, а общество, игнорирующее их, на нестабильность развития. Вот почему потребности и интересы человеческой личности, находящие свое выражение в основных правах и свободах можно считать подлинной первоосновой правового – а, в конечном счете, также и социального – бытия, его, если угодно, глубинным слоем. Эти потребности и интересы пронизывают собой весь комплекс правовых отношений, причем как общих, так и специальных, выступая первоисточником регулирующих эти отношения норм права.

Данный вывод является следствием другого, более общего, теоретического постулата, в соответствии с которым именно человек выступает подлинным творцом и носителем правовых качеств, а само право является средством максимально полного и бесконфликтного удовлетворения жизненных потребностей людей. Эта идея получила особенно широкое распространение в западной юриспруденции второй половины XX в., на которую значительное влияние оказали идеи феноменологической философии и экзистенциализма, которые (в противовес господствовавшему

ранее позитивизму) всячески акцентировали центральное положение, занимаемое человеком в социальной реальности [10].

Эти идеи нашли отклик у целого ряда теоретиков и философов права, рассматривавших в качестве субъекта прав (в том числе и основных прав и свобод) не абстрактную юридическую личность, а конкретное человеческое существо [11]. Согласно их мнению: «...человек не может быть “как таковым”, он – партнер и только в общении способен быть самим собой и осуществлять себя... Основное право индивида – в любом партнерстве рассматриваться не только в качестве партнера, в типичной социальной роли, но и в качестве личности, т.е. в своей “самости”. Это означает требование всеобщего признания того, что реализация человеческого бытия есть не только осуществление общности, но и действительность каждого человека “для себя”» [12].

Естественно, что человек, будучи существом социальным, получает максимально полное развитие именно в обществе, и было бы ошибкой рассматривать развитие и реализацию конкретной человеческой личности вне социального контекста. Представляется, что диалектика отношений, складывающихся между личностью и обществом, в том именно и состоит, что социальное целое, складываясь из индивидов и связей между ними, на более высоком качественном уровне воспроизводит, редуцирует индивидуальные качества, являясь своеобразной «коллективной личностью» (хотя термин этот, разумеется, следует употреблять со значительной долей осторожности).

С другой же стороны, и социальное целое рекурсивно определяет сущность образующих его индивидов, точно так же, как и само образуется ими [13]. Соот-

ветственно развитие общества обуславливает формирование новых потребностей его членов и, как следствие, появление целого ряда новых субъективных прав, а это, в свою очередь, является определяющим условием стабильного общественного развития. Сказанное с особой наглядностью проявляет себя в исторической динамике прав человека, отражающей расширение социально значимых потребностей и интересов человеческой личности, оказывающее воздействие на динамику общества и государства.

Последняя, в частности, выражается, в новых типах социально-политического общения, в рамках которых становится возможным появление новых прав и свобод, способствующих удовлетворению вновь возникающих потребностей и интересов. Результатом этой динамики, в конечном счете, становится, пользуясь терминологией французского социолога П. Бурдьё, *трансформация социального пространства*, его расширение, обусловленное появлением все новых полей, организующихся вокруг индивидов и их групп, наделенных соответствующими потребностями и интересами, юридически выражаемыми и закрепляемыми в виде основных прав и свобод [14]. Так, по словам социолога: «Социальное пространство – абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.), которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала; оно может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как средства и цели борьбы в различных полях» [15].

Так, с появлением в XVII – XVIII столетиях (сначала в теории, а затем и в законодательствах

различных стран) прав человека «первого поколения», т.е. естественных и политических прав, в тех странах, где они появились, завершается формирование политических сообществ граждан и возникает современное правовое демократическое государство [16]. Во второй половине XIX в., с возникновением прав и свобод «второго поколения» (социально-экономических прав), складывается гражданское общество и соответствующее ему социальное государство [17]. Наконец, появление в середине XX столетия прав человека «третьего поколения», получивших своё юридическое закрепление во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., стало мощнейшим импульсом к возникновению новых форм социальной и политической организации (таких, например, как Европейское экономическое сообщество – Евросоюз и т.п.).

«Характерно, – пишет Е.А. Лукашева, – что каждый этап развития общественных процессов выдвигал своё “поколение” прав человека, призванное преодолеть неустойчивость ситуации и стабилизировать развитие. Так, права человека “первого поколения” – политические и личные – были реакцией на авторитарный характер власти, вторгавшейся во все сферы жизни подданного, опутавшего его поведение тысячами правил, установлений, приказов, подавляющих инициативу и самостоятельность гражданина. Они ограничили власть государства и создали простор для проявления индивидуальности человека и свободы его выбора. Правовое государство, признающее устойчивость правового статуса индивида, его уверенности в предсказуемости действия властей, оказало влияние на все процессы развития. Однако практически полное отстранение государства от воздействия на экономические отношения породило... идею со-

циального государства, задача которого – обеспечение для всех прав «второго поколения» – экономических и социальных, призванных сохранить устойчивое развитие общества» [18].

Рассматриваемые процессы получили свое дальнейшее развитие в XX в., когда возникают «коллективные права “третьего поколения” – на мир, на развитие, на самоопределение, на здоровую окружающую среду и др. Современное международное право и права “третьего поколения” -- ответ на новый вызов исторического развития, когда войны приносят неисчислимые бедствия человечеству, разрушают устойчивое развитие и международного сообщества, и государства» [19].

Следовательно, свобода и благополучие общества напрямую зависят от свободы каждого из его членов, а значит, права человека следует рассматривать в качестве одного из наиболее важных факторов социального развития. Как справедливо отмечает в этой связи Е.А. Лукашева, «обеспечение прав человека – решающий компонент стратегии устойчивого развития. Игнорирование основных прав личности неизбежно ведет к дестабилизации общественной жизни, возрастанию социальной напряженности, непредсказуемым последствиям» [20]. Таким образом, права и свободы так называемого «третьего поколения» выступают основой международного правопорядка, точно также как права и свободы первых двух поколений являлись (и продолжают являться) основой правопорядков национальных. Более того, появление последнего поколения прав человека, на наш взгляд, повлекло за собой известное переосмысление прав и свобод старших поколений (в том числе и права на свободу передвижения), способствовав их углубленному доктринальному пониманию и более широкому

закреплению в законодательстве, а также применению в судебной практике.

Таким образом, поскольку права и свободы человека и гражданина способствуют реализации его важнейших жизненных потребностей (биосоциальных, политических, экономических, культурных и др.), то формирование системы гарантий реализации этих прав и свобод, с одной стороны, обеспечивает полноценное удовлетворение уже имеющихся потребностей, а с другой стороны, возможно, приведет к появлению новых потребностей, необходимых для перехода индивидов (а вслед за ними и общества в целом) на новую ступень исторического развития.

Вместе с тем, на наш взгляд, было бы неверно рассматривать человека просто как обезличенную социальную величину, обладающую набором «химически чистых» потребностей и интересов, реализуемых в различных сферах социального бытия, независимо от иных потребностей и интересов, присущих человеческой личности (наподобие миллевского *homo economicus*, руководствующегося в своем поведении исключительно соображениями экономической рациональности) [21].

На практике все они образуют сложный комплекс, элементы которого обуславливают друг друга, выступая равно необходимыми предпосылками свободного, гармоничного и всестороннего развития индивида в обществе себе подобных. Учитывая сказанное, становится очевидным, что все без исключения права и свободы человека и гражданина взаимосвязаны, в силу чего игнорирование в законодательстве и политической практике одних составляющих конституционно-правового статуса (например, политических прав) в интересах других (например, прав социаль-

ных или экономических) с неизбежностью приводит к умалению статуса личности в целом.

Данное обстоятельство неоднократно отмечалось в специальной литературе. Так, по словам С.А. Авакьяна: «Человек – это прежде всего индивид со своей жизнью, достоинством, естественными и духовными потребностями. Из таких людей с их сложным миром, бытием и складывается общество. Отсюда и само общество, и служащее его интересам государство призваны своей первейшей функцией считать заботу о человеке, создавать условия нормального существования, соблюдать пределы вмешательства в его частную жизнь» [22]. Таким образом, основные права и свободы человека, способствуя удовлетворению важнейших жизненных потребностей человека как биосоциального, политического, экономического и духовного существа, выступают необходимыми предпосылками его всестороннего и полноценного развития, тем самым способствуя прогрессивному развитию всего общества в целом [23].

Вместе с тем, рассматривая человека в качестве носителя основных прав и свобод как *конкретную* личность, обладающую набором *конкретных* жизненных потребностей и интересов, обеспечивать осуществление которых эти права и свободы призваны, мы не должны забывать и о том, что с этими конкретными проявлениями личностного начала в праве тесно связаны и абстрактные (формально-юридические) предпосылки, без которых говорить об участии лица в правовых отношениях было бы невозможным. Иными словами, человек как реальное биологическое или социальное существо и человек как субъект права являются, хотя и совпадающими, но далеко не во всем тождественными категориями.

Указанное обстоятельство со всей определенностью проявило себя еще в рабовладельческом античном обществе. Так, в частности, в Древнем Риме, где рабы, не являясь субъектами прав и будучи по своему положению приравнены к вещам (так называемым говорящим орудиям, или *instrumentum vocale* [24]), ставятся, согласно известному высказыванию К. Маркса, «в качестве неорганического условия производства в один ряд с прочими существами природы, рядом со скотом, или является придатком к земле» [25].

Однако рабовладельцы, относясь к рабу как к орудию, вовсе не отрицали его чисто человеческих, физических (и даже нравственно-психологических) качеств, от реализации которых напрямую зависели и производительность рабского труда и, как следствие, его экономическая эффективность. Не случайно в латинском языке слово *homo*, «человек», использовалось применительно как к рабам, так и к свободным людям [26]. Более того, в эпоху Римской империи, когда в результате прекращения завоевательной политики приток рабов в частные хозяйства резко сократился, а сам рабский труд становится все более дорогостоящим и нерентабельным, стали раздаваться голоса о необходимости гуманного обращения с рабами и даже уважения их человеческого достоинства (что, по мысли ряда философов и юристов, призвано было примирить рабов со своим положением) [27].

Так, уже в середине I в. н.э. Сенека, говоря о рабах, заключал: «Они рабы? Нет, люди. Они рабы? Нет, твои соседи по дому. Они рабы? Нет, твои смиренные друзья» [28]. Известно также, какое огромное значение придавал гуманному обращению с рабами в хорошо налаженном хозяйстве Плиний Младший,

активно воплощавший на практике те гуманистические идеи, которые Сенекой высказывались лишь в теории [29]. К середине III в. эти идеи проникают и в римскую юриспруденцию; так, Дигесты Юстиниана (D. 1. 5. 4. 1) сохранили для нас высказывание Флорентина, согласно которому: «Рабство есть установление права народов, в силу которого лицо подчинено чужому владению вопреки природе (*Servitus est constitution uiris gentio, quia quis dominio alieno contra natura subicitur*)» [30].

Таким образом, уже в недрах рабовладельческого общества складываются известные предпосылки для формирования правовых взаимоотношений между господином и рабом, в котором раб выступает не только как вещь, но и как полноценная человеческая личность, обладающая в силу этого некоторыми правами, предполагающими признание со стороны господина (в частности, правом на гуманное обращение).

Более того, в римском праве классического периода появляются и первые признаки признания за рабом элементов правосубъектности, а именно делкоспособности. Об этом свидетельствует, в частности, юридическая сила сделок, совершенных рабом, назначенных господином приказчиком в торговом предприятии (*institor*) или капитаном торгового судна (*nautus*), причем хозяин такого раба «отвечает по сделкам, относящимся согласно общепринятым взглядам к кругу деятельности данного приказчика и т.п. Например, если раб-приказчик закупил товар для предприятия и не расплатился за него, господин несет ответственность по *actio institoria*, в размере стоимости товара» [31].

Однако, несмотря на все вышеуказанные тенденции, проистекающие из активизации конкретно-личностного отноше-

ния к рабам в позднеантичном обществе, условий для формирования их правосубъектности как абстрактно-всеобщей предпосылки для наличия субъективных прав в полной мере так и не появилось. Именно поэтому требование гуманного отношения к рабам в классическом и постклассическом римском праве имело в большей степени моральный, а не юридический, характер и может быть сопоставлено с аналогичными требованиями гуманного отношения к животным, содержащееся в некоторых современных законодательных актах (например, в § 90а Германского гражданского уложения или в ст. 137 ГК РФ).

Иными словами, человеку, как конкретному носителю основных прав и свобод, с необходимостью предшествует и с ним тесно связан – как в логическом, так и в формально-юридическом смыслах – человек как абстрактный правовой субъект. Осознание этого диалектического единства абстрактного и конкретного аспектов правовых явлений, на наш взгляд, было характерно для юридической науки в лице лучших ее представителей [32].

Такого мнения придерживался, в частности, И.А. Покровский, по словам которого: «...юридическая реальность есть вообще некоторая особая реальность: самый физический человек, превращаясь в юридического субъекта прав, утрачивает в значительной мере свою реальность естественную... В особенности в сфере имущественного оборота право мыслит людей прежде всего в качестве некоторых абстрактных центров хозяйственной жизни. Понятие субъекта прав, таким образом, есть вообще некоторое техническое, условное понятие, которое как таковое вполне применимо и к лицам юридическим» [33].

Выводы. Из всего сказанно-

го напрашивается следующий вывод, а именно права и свободы человека и гражданина представляют собой не произвольное установление государства, а закономерный продукт социального развития. Они, следовательно, имеют целый ряд важных социальных и юридических предпосылок. К числу социальных предпосылок, обуславливающих значение основных прав и свобод, относятся базовые биосоциальные, политические, социально-экономические и духовные потребности, присущие человеческой личности во всей полноте её проявлений. Находя своё преломление в сознании конкретного индивида на фоне определяющих его поведение в обществе конкретных жизненных обстоятельств [34], эти потребности трансформируются в интересы, юридически оформляемые в виде прав и свобод человека.

Вот почему мы полагаем, что носителем прав и свобод в социальном плане выступает конкретная личность, основу правового статуса которой эти права и свободы формируют. С другой стороны, необходимой юридической предпосылкой обладания правовым статусом выступает наличие абстрактной юридической личности, позволяющей субъекту быть носителем прав и обязанностей, т.е. правоспособность. Одновременно нельзя не отметить, что образуя фундамент правового статуса личности, основные права и свободы (в том числе право на свободу передвижения) в целом ряде отношений существенно отличаются от иных субъективных прав, которые входят в состав правового статуса, поскольку имеют не специальный – отраслевой, – а общеправовой характер.

Библиографические сноски:

1. См. подробнее: Вебер А. Третий или четвертый человек. О смысле исторического существования // Вебер А.

Избранное. Кризис европейской культуры. СПб., 1999; Баткин Л.М. Европейский человек наедине с собой. Очерк о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М., 2000; Рено А. Эра индивида. К истории субъективности. СПб., 2002; Разуваев Н.В. Традиционное государство: Правовая природа, сущность и типология. СПб., 2008.

2. См.: Мамут Л.С. Этатизм и анархизм как типы политического сознания. М., 1989. С. 67-70.

3. См., в частности: Права человека накануне XXI века. М., 1994. С. 271; Общая теория прав человека / Под ред. Е.А. Лукашевой. М., 1996. С. 6 и след.; История государства и права зарубежных стран / Под ред. О.А. Жидкова и Н.А. Крашенинниковой. Часть I. М., 1998. С. 21 и др.

4. См. об этом: Мюллерсон Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М., 1991. С. 10 – 11.

5. О структуре механизма правового регулирования и её элементах см. подробнее: Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в Советском государстве. М., 1966; Он же. Общая теория права. М., 2008. С. 267 и след.; Шабалин В.А. Системный анализ механизма правового регулирования // Советское государство и право. 1969. № 10. С. 124-125; Казимирчук В.П. Социальный механизм действия права // Советское государство и право. 1970. № 10. С. 37-44; Он же. Право и социология. М., 1973. С. 69 и след.

6. Алексеев С.С. Общая теория права. С. 358.

7. Такой точки зрения придерживались, в частности, В.М. Чхиквадзе, Н.С. Мален, Н.А. Шайкенов и ряд других авторов. См.: Чхиквадзе В.М. Государство, демократия, законность. Ленинские идеи и современность. М., 1967; Мален Н.С. Охраняемый законом интерес // Советское государство и право. 1980. № 1. С. 32; Шайкенов Н.А. Категория интереса в советском праве. Автореф. дисс. ... к. ю. н. Свердловск, 1980. С. 13-17.

8. Алексеев С.С. Общая теория права. С. 358.

9. См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. М., 1988. С. 169.

10. См. подробнее: Четвернин В.А. Современные концепции естественного права. М., 1988.

11. См., в частности: Müller M. Die ontologische Problematik des Naturrechts // Die ontologische Begründung des Rechts. Bad Homburg, 1965. S. 463-484.

12. Четвернин В.А. Указ. соч. С. 74.

13. На что в свое время обратили внимание Г. Хакен и его последователи. См.:

Хакен Г. Принципы работы головного мозга: синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. М., 2001. С. 16 и след.

14. См. об этом подробнее: Бурдьё П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб., 2005. С. 53-54.

15. Там же.

16. О правовом государстве см. подробнее: Егоров В.Е. К вопросу о задачах гражданско-правового образования в построении правового государства // Юридический мир. 2007. № 4; Авдеев Д.А. Форма и содержание государства как политико-правовая гармония // Вестник Пермского университета. 2012. № 4; Ефремов И.А. Что нужно для того, чтобы Россия стала правовым государством // Законодательство и экономика. 2012. № 2; Баренбойм П.Д. Разграничение, конвергенция или замена доктрин правового государства и верховенства права? // Законодательство и экономика. 2013. № 4; Колюшин Е.И. Российское государство: вопросы конституционно-правового и фактического статуса // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11.

17. Теоретическое осмысление категории гражданского общества предпринимал ещё в начале XIX в. Г.В. Гегель (см.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 227-228), однако из соответствующего раздела гегелевской «Философии права» явствует, что гражданское общество для Гегеля (так же, как и для Дж. Локка, впервые обратившегося к данной проблематике в своих трудах) представляет собой скорее умозрительную конструкцию, чем реально существующий социально-юридический феномен. Лишь в произведениях К. Маркса (см., например: Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 219-368) гражданское общество получает свое конкретное социально-экономическое рассмотрение. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что именно к середине XIX столетия происходит его формирование.

18. Права человека как фактор устойчивого развития / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2000. С. 20-21.

19. Права человека как фактор устойчивого развития. С. 22.

20. Там же. С. IV.

21. См.: Mill J.S. On the Definition of Political Economy, and on the Method of Investigation Proper to It // Mill J.S. Essays on Some Unsettled Questions of Political Economy. London, 1948.

22. Авакьян С.А. Конституционное право России. В 2 т. Изд. 4-е, перераб. и доп. Т. 1. М., 2010. С. 580.

23. О прогрессе как необходимом

факторе социальной эволюции и его антропологических предпосылках см. подробнее: Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М., 2003. ВС. 6-7.

24. См.: Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. М., 2000. С. 46.

25. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. 1. С. 276.

26. Данное обстоятельство проявляется и в латинских юридических текстах. Так, Гай (II в. н.э.) в «Институциях» пишет: «Главное разделение в праве лиц состоит в том, что все люди – или свободные, или рабы (summa divisio de iure personarum haec est, quod omnes homines aut liberi sunt, aut servi)» (Гай. Институции. М., 1996. С. 20-21).

27. См.: Виппер Р.Ю. Моральная философия Авла Гелия // Вестник древней истории. 1948. № 2. С. 58-64.

28. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. Трагедии. М., 1986. С. 97.

29. См. подробнее об этом: Кузицин В.И. Хозяйство Плиния Младшего (Развитие латифундий и характер хозяйства крупного землевладельца в Италии в конце I в.н.э.) // Вестник древней истории. 1962. № 2. С. 27-55.

30. Дигесты Юстиниана. В 8 т. Т. 1. М., 2002. С. 116-117.

31. Новицкий И.Б. Указ. соч. С. 54.

32. См. об этом, в частности: Денисов Ю.А., Спиридонов Л.И. Абстрактное и конкретное в советском правоведении. Л., 1987.

33. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001. С. 147. См. также: Покровский И.А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права // Вестник гражданского права. 1913. № 4.

34. Представляется необходимым, что под «обстоятельствами» в данном случае мы понимаем не только типизированные юридические факты, но и те экзистенциальные обстоятельства, которые, по мнению Х. Ортеги-и-Гассета наполняют конкретным содержанием жизненный мир всякого индивида. См.: Ортега-и-Гассет Х. Размышления о «Дон Кихоте» // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 113-151.

«ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО» КАК ЧАСТЬ «ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ»

Т. ПЫНЗАНУ,

докторант Института правовых и политических исследований
Академии наук Молдовы

Р. СУЛТАНОВ,

докторант Института правовых и политических исследований
Академии наук Молдовы

SUMMARY

The article contains definitions of terms «e-democracy» and «e-government». These phenomena reveal the meaning of democracy in information society with its own unique features.

Key words: e-government, e-democracy, information society.

Статья представляет собой введение в системное определение терминов «электронная демократия» и «электронное правительство»; раскрывается суть демократии в информационном обществе, обладающей характерными специфическими чертами.

Ключевые слова: электронное правительство, электронная демократия, информационное общество.

Постановка проблемы. При определении степени зрелости любой национальной демократии одним из базовых показателей является уровень развития общественного диалога и проявления гражданского участия. Американский политолог Ральф Кэтчам, используя данный показатель в своей работе «Индивидуализм и общественная жизнь» [5], впервые предложил анализ различий между т.н. «экспрессивной» демократией и демократией развитого общественного диалога («интерактивной» демократией). Кэтчам утверждает, что при доминировании в политике экспрессивных форм содержание общественной жизни определяется лишь механической совокупностью разнообразных организаций и фракций, преследующих свои цели. При этом экспрессивная демократия признает необходимость предоставления людям возможности заявлять о своих интересах и участвовать в открытых выборах.

Такие характеристики, с одной стороны, типичны для незрелых и транзитивных политических систем, с другой стороны, могут свидетельствовать о системном кризисе развитой демократии. Напротив, демократия развитого гражданского диалога подчеркивает качество общественного взаимодействия и способствует созданию соответствующих условий для совместных гражданских действий, предпо-

лагает наличие у граждан чувства моральной ответственности за состояние общества, расширение возможностей отдельной личности. Таким образом, интерактивная демократия подразумевает взаимовыгодное интенсивное сотрудничество граждан и государственной власти и представляет собой труднодостижимый политический идеал, поэтому значение приобретает скорее возможность последовательного

движения к нему, признание его политической и коммуникативной ценности [9, с. 73].

По мнению американских исследователей, задача построения информационного общества в отдельно взятом государстве – не просто «дань моде», но и необходимое условие его развития и повышения конкурентоспособности в мире. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) призваны служить инструментом эффективной реализации административной реформы, организации межуровневого взаимодействия властей, оценки результативности деятельности органов власти, сокращения государственных издержек, своевременного реагирования на общественные потребности [2].

В то же время, важнейшей особенностью ИКТ является то, что их применение носит инструментальный, а потому нейтральный характер. ИКТ – лишь средство, инструмент достижения политических, экономических целей, которые являются приоритетными для государственного руководства.

Цель этой статьи является исследование в общих чертах феномена «электронная демократия» и определение значимости «электронного правительства» для современной демократизации Республики Молдова.

Изложение основного материала исследования. В современной юридической литературе отмечается, что понятия «электронная демократия» и «информационное общество» (частью которых является «электронное правительство») находятся в процессе быстрого становления, поэтому в настоящее время их содержание не совсем четко определено и постоянно изменяется [10, с. 226].

Теоретические основы концепции «электронной демократии» заложены рядом исследова-

телей. Так, И. Масуда предложил идею формирования демократии участия на основе информационных технологий и этики совместного использования сообщений. По его мнению, массовым производством информации и знаний усиливается роль регулятивной деятельности людей, в ходе которой устанавливаются и контролируются необходимые для общественного развития социальные связи, соединяющие воедино людей, вещи и символические объекты. При этом возрастает значение как коммуникационной деятельности, так и социального управления.

Далее автор подчеркивает, что если в индустриальном обществе прогрессивной формой правления была представительная демократия, то в информационном – демократия участия. Исследователь выделил ее следующие базисные принципы. Обеспечиваются синергия (добровольное участие граждан в решении общих проблем) и взаимопомощь (их готовность жертвовать своими интересами) как основа выработки политических решений и доступность информации широким массам населения. Полученная выгода и доходы должны распределяться между всеми людьми; решение политических вопросов следует искать путем убеждения и достижения общего согласия, которое отражается в совместных действиях, сотрудничестве. Таким образом, будет создано гражданское общество, в котором радикально трансформируется право человека на личную тайну [6, с. 95].

По мнению Е. Стырина, термином «электронная демократия» (e-democracy) обозначают процесс вовлечения граждан в деятельность органов власти всех уровней с целью улучшения качества принимаемых решений, а также решения сложных проблем, на которые

властям не хватает внутренних ресурсов [14, с. 82].

Что касается непосредственно «электронного правительства» («e-government») – термин активно используется для описания процесса предоставления государственных услуг, политического участия граждан и управления при помощи современных информационных технологий. На сегодняшний день он успел утратить чисто академический характер, выступая в качестве системообразующего элемента в разнообразных правительственных документах (стратегиях, концепциях, целевых программах и т.п.) и в законодательстве [11, с. 317].

Автор Ф.Р. Джантуева считает, что электронная демократия и связанное с ней электронное правительство включают две основные составляющие [10, с. 226-227]:

– Во-первых, возможность для всякого члена общества (гражданина государства, жителя муниципального образования) легко получить любую информацию, касающуюся его жизни и интересов в этом обществе, с помощью электронных средств (главным образом, посредством сети Интернет).

– Во-вторых, электронная демократия предусматривает возможность участия в принятии социально значимых решений при помощи интерактивных сетевых средств. То есть, современные средства сетевого взаимодействия людей вполне позволяют организовывать совместное обсуждение проблем и принятие решений методом удаленного голосования большим количеством людей, вплоть до большинства членов данного сообщества.

В свою очередь, Д. Гарсон выделяет шесть составляющих в деятельности государства, которую подразумевает термин «электронная демократия» [4].

1. *Электронное участие (e-participation)*. Подразумевает выработку и принятие решений госструктурами совместно с гражданами. Интернет становится пространством, мобилизующим и концентрирующим интеллектуальный потенциал граждан для участия в уточнении и формулировании новых решений.

2. *Электронная гражданственность (e-civics)*. Подразумевает повышение уровня информированности граждан о ключевых событиях, процессах, проектах госструктур. Иными словами, предполагается обеспечение равного доступа граждан к государственному информационным ресурсам.

3. *Электронное законотворчество (e-legislating)*. Предполагает участие граждан в обсуждении изменений и подготовке новых законов, нормативных актов для последующего их утверждения законодательной властью как реакции на объективные изменения, происходящие в масштабах некоторой территории (имеется ввиду привязка новых законов к уровню государственного или муниципального управления).

4. *Электронное голосование (e-voting)*. Подразумевает создание прозрачных и защищенных механизмов по реализации законного права граждан избирать. Основными проблемами в данном процессе являются обеспечение доступа к Интернету, идентификация голосующих, верификация получаемых результатов. Еще одним уровнем понимания данного процесса является организация опросов общественного мнения по тем или иным вопросам, имеющая неформальный статус. Подобные голосования носят рекомендательный характер и не требуют больших вложений в их организацию.

5. *Электронная кампания (e-campaign)*. Предполагает организацию в Интернете комплекса

мероприятий, направленных на продвижение некоторой политической идеи, события или цели.

6. *Электронный активизм (e-activism)*. Отличается от электронной кампании тем, что не преследует политических целей, а скорее мобилизует с помощью Интернета, социальных сетей граждан на участие в благотворительной деятельности, социальных мероприятиях (экология, искусство, другие сферы, в которых функционирует госструктура) [4].

Средой действия электронной демократии являются политические сети, в состав которых входят органы власти, общественные и коммерческие организации, граждане и иные, отличные от госструктур всех ветвей власти субъекты, взаимодействие которых направлено на гармонизацию развития общества, взаимный учет целей и интересов, совместное участие в принятии политических решений и осуществлении государственных функций и услуг. Концепция, рассматривающая государство как участника политической сети взаимодействия, получила название *governance*, что в литературе трактуется как «руководство» [13]. Исходя из вышеизложенного, Е. Стырин определяет *процесс виртуализации политического взаимодействия гражданского общества и государства посредством использования Интернета электронной демократией* [14, с. 83].

По мнению А.В. Антироико, концепция электронной демократии проистекает из концепции государственного руководства (*governance*), трансформирующейся под влиянием ИКТ в *electronic governance (e-governance)*, предполагающей формирование на базе Интернет сетевых сообществ или партнерств между гражданами, коммерческими и государственными

структурами, вырабатывающими приемлемые решения на основе консенсусного принципа [1, с. 22-51].

С другой точки зрения электронная демократия рассматривается как возможность для граждан быть всецело информированными о решениях лидера, получившего это право в условиях сформированной представительской демократии. Электронная демократия – это существующая в виртуальной среде площадка для выражения общественного мнения, с которым считаются государственные лидеры всех уровней власти. В самом широком контексте электронная демократия – это способ на основе все более широкого использования ИКТ трансформировать и укрепить гражданское общество, обеспечивающее общественный контроль над принимаемыми политическими решениями [3].

Важно подчеркнуть, что электронная демократия возможна только в условиях информационного общества. Это потому, что информационное общество возводит в ранг приоритетов такие несомненные общественные блага, как правосудие, включение граждан в общественную жизнь, права человека, прозрачность, подотчетность, равенство и участие в жизни государства. В свою очередь, информационно-коммуникационные технологии усиливают эффект качественного государственного управления путем усиления позиций партнерств между государством, бизнесом и гражданским обществом.

Развитая система политического информирования граждан, несомненно, способствует увеличению капитала общественного доверия, так необходимого для эффективного функционирования власти. Для формирования устойчивой обратной связи важно то, что Интернет предоставляет возможность интерактивного

взаимодействия. Не только граждане получают достаточно полную информацию о деятельности правительства, но и у правительства появляется дополнительный канал получения информации, добровольно предоставляемой гражданами, что ведет к наращиванию той формы социального капитала, которую некоторые исследователи называют «моральными ресурсами» – т. е. ресурсами, объемы которых в процессе использования не столько сокращаются, сколько нарастают, а исчерпание наступает только в том случае, если ими не пользуются. Чем больше люди и власть узнают о деятельности и нуждах друг друга, тем выше степень взаимного доверия [10, с. 229].

Рассматривая «электронное правительство» как часть «электронной демократии», отметим, что существуют разные подходы к описанию этого феномена. В первую очередь, оно рассматривается с точки зрения того, какие субъекты оказываются вовлечены в процесс получения государственных услуг в электронном формате. В модели «электронного правительства» обычно выделяют четыре четко выраженные сферы взаимоотношений [11, с. 317-318]:

– между государственными службами и гражданами (G2C government-to-citizen);

– между государством и частными компаниями (G2B – government-to-business),

– внутри государственных организаций между их сотрудниками (G2E – government-to-employee);

– между различными государственными органами и уровнями государственного управления (G2G – government-to-government).

В то же время этот феномен рассматривается как многоэтапный процесс трансформации существующей системы управленческих отношений. Например, Д.

Веста выделяет четыре основных этапа построения «электронного правительства» [8].

1. Пассивная презентация официальных данных, то есть создание «электронного справочника» о работе государственного учреждения, что облегчает потенциальное взаимодействие с ним.

2. Предоставление информации по требованию пользователя, включая инструкции по получению государственных услуг, правила оформления запросов, их заполнение и отправку в государственное учреждение.

3. Предоставление государственных услуг в интерактивном режиме, включая получение необходимых документов в электронном виде.

4. Перевод всех традиционных правительственных функций в электронный формат.

В итоге государство должно трансформироваться в сервисную структуру, предоставляющую услуги по принципу: «24 часа в сутки и 7 дней в неделю». Таким образом, начав с описания технологических процедур, Д. Вест переходит к описанию «идеального государства», вездесущего и всеприсутствующего, но при этом сохраняющего служебную роль по отношению к гражданам [11, с. 318].

Ф.Р. Джантуева считает, что «электронное правительство» представляет собой использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для преобразования правительства с целью сделать его более доступным для граждан, более эффективным и более подотчетным. Из этого определения, подчеркивает автор, вовсе не следует, что переход к «электронному правительству» ознаменуется ростом числа компьютеров в кабинетах чиновников. Скорее всего, согласно определению, он будет касаться взаимоотношений между государственными служа-

щими и остальными гражданами. «Электронное правительство» включает в себя [10, с. 227]:

– обеспечение более полного доступа к информации (законы, законопроекты, другие нормативно-правовые акты, формы необходимых документов, а также экономические или научные данные) через Интернет;

– содействие гражданскому участию в государственной жизни путем создания возможностей для более удобного взаимодействия с чиновниками через электронные каналы;

– повышение подотчетности правительства путем повышения прозрачности его операций, что снижает риски коррупции;

– поддержку выполнения целей развития путем уменьшения времени и материальных затрат, которые субъекты малого бизнеса несут в связи с общением с государственными структурами, а также путем обеспечения сельских и других периферийных общин информационно-коммуникационной инфраструктурой.

Итак, «электронное правительство» обладает потенциалом вовлечения граждан в процесс управления государством путем обеспечения их взаимодействия с политиками на протяжении всего цикла выработки государственной политики и на всех уровнях власти.

Повышение степени гражданского участия помогает строить общественное доверие к правительству. Интерактивное электронное правительство предполагает двусторонние коммуникации, начиная с таких базовых действий, как публикация адресов электронной почты государственных служащих или форм для обратной связи, позволяющих гражданам давать свои комментарии по проектам законодательных актов или другим предложениям в области

государственной политики [10, с. 228].

По своей сущности «электронное правительство» призвано обеспечить переход от бюрократического управления с жесткими иерархиями, обязательными правилами и стандартизированными процедурами к «мягкому сетевому управлению», основанному на горизонтальных связях между государственными структурами и институтами гражданского общества, фрагментации центров принятия решений и выработке совместной, скоординированной позиции. Иными словами, «электронное правительство» понимается как способ преодолеть отчуждение между государством и гражданами и перейти к подлинной демократии. Оно жестко вписано в западную демократическую традицию «правительства, созданного народом, из народа и для народа». Если «информационное общество» есть общество, лишенное недостатков существующих социальных систем, то «электронное правительство» – правительство, лишенное социальных ограничений, которые накладываются на демократическое управление с момента его появления [11, с. 320].

«Электронное правительство» представляется как способ облегчить доступ к информации и коммуникации новым группам влияния, усиливая плюрализм, одновременно уменьшая затраты и повышая эффективность работы государственного сектора [7, с. 4-5]. В условиях, когда конкуренция между группами элиты и институты гражданского общества слабы и подчинены государству, «электронное правительство» способствует демократизации, делая государственное управление более прозрачным и содействуя его переводу в «нормальное», конкурентное состояние [11, с. 320].

В рамках теории «репрезен-

тативной демократии» основной упор делается на выборы как на основной механизм воздействия граждан на государственное управление. Соответственно, необходимо, чтобы граждане научились делать «рациональный выбор», основанный на четком понимании собственных интересов и умении оценивать действия властей. Для этого они должны быть максимально полно информированы об этих действиях, и задача «электронного правительства» состоит в том, чтобы донести до них эту информацию через широкую сеть информационных ресурсов как официально, так и неофициального плана. Одновременно компьютерные технологии позволяют перейти к «электронному голосованию», что снижает затраты на выборы, гарантирует от фальсификаций и, облегчая гражданам участие в голосовании, позволяет бороться с электоральным абсентеизмом [7, с. 6].

Выводы. Диалог, ведущийся в виртуальном пространстве, приближает трансформацию той или иной общественно-политической системы. Однако преобразовать ее и создать фундамент «электронной демократии» способны не информационные технологии, лишь создающие условия для конкуренции идей, концепций и упрощающие роль избирателя, а люди высокой культуры, представляющие разные социальные группы, образованные и зрело мыслящие, способные к самоорганизации и совместным действиям ради удовлетворения общественно значимых интересов [12, с. 7]. Естественно, с этой точки зрения, «электронная демократия» зависит полностью от уровня политической, юридической и гражданской культуры населения страны в целом и отдельных граждан, в частности, от интен-сивности гражданской активно-

сти в реализации прочных гражданских позиций.

Библиография:

1. Antiroikko A-V. Introduction to democratic E-governance. E-transformation in Governance: new directions in government and politics, Idea Group Publishing, 2004.
2. Bellamy C. Taylor J. Governing in the Information Age. Cambridge: Open University Press, 1998.
3. Corac-Kakabadse A., Corac-Kakabadse N. Information technology's impact on the quality of democracy: reinventing the «democratic vessel» // Reinventing government in the information age, L.: Routledge, 1999.
4. G. David Garson. Public Information Technology and E-Governance: Managing the Virtual State, Jones and Bartlet's Inc., 2006.
5. Ketcham R. Individualism and Public Life: A Modern Dilemma. Wiley, John & Sons, Incorporated, 1991.
6. Masuda, Y. The Information Society as Post-Industrial Society [Text]/ Y. Masuda. Washington: World Future Society, 1981.
7. Norris P. Deepening Democracy via E-Governance. Draft Chapter for the UN World Public Sector Report // Harvard Univ., 2004. p. 1-37 [Электронный ресурс]. <http://www.publics.net/e-government>.
8. West D. Assessing E-Government: The Internet, Democracy, and Service Delivery by State and Federal Governments // Providence. RI. Brown University, 2000. 151 p. [Электронный ресурс]. <http://www.inside-politics.org/egovtreport00.html>.
9. Венедиктов С. В., Дороти Дж. От экспрессивной к интерактивной демократии: проблемы гражданского участия в Республике Беларусь. В: ВІСНИК Київського національного університету імені Тараса Шевченка, ФІЛОСОФІЯ. ПОЛІТОЛОГІЯ, 2012, №106.
10. Джантуева Ф.Р. Доступ к информации – лучший индикатор развития гражданского общества («электронное правительство КБР»). В: Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки», 2011, №2.
11. Дьякова Е. Г. «Электронное правительство» как элемент этатистского дискурса информационного общества. В: Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2009. Вып. 9.
12. Евдокимов В.А. Интернет как фактор становления «электронной демократии». В: Наука о человеке: гуманитарные исследования, 2011, № 1 (7).
13. Купряшин Г.Л. Соловьев А.И. Государственный менеджмент. М., 2004.
14. Стырин Е. Электронная демократия. Перспективы развития России. В: Управление мегаполисом, 2010, №2.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ УВОЛЬНЕНИЯ В СВЯЗИ С СОКРАЩЕНИЕМ ЧИСЛЕННОСТИ ИЛИ ШТАТА ПРЕДПРИЯТИЯ

В. САНДУ,

магистр права, выпускник Национального института юстиции Молдовы

SUMMARY

In the presented material authors consider legal regulation of dismissal in connection with reduction of number or the staff of the enterprise.

The special attention is paid to collisions, contradictions of the current legislation regulating legal aspects of dismissal in connection with reduction of number or staff of the enterprise.

Keywords: reduction, dismissal, number, staff, worker, employer, vacant place, reorganization, merge, accession, division.

В представленном материале авторами рассматривается правовое регулирование увольнения в связи с сокращением численности или штата предприятия.

Особое внимание уделяется коллизиям, противоречиям действующего законодательства, регулирующего правовые аспекты увольнения в связи с сокращением численности или штата предприятия.

Ключевые слова: сокращение, увольнение, численность, штат, работник, работодатель, вакантное место, реорганизация, слияние, присоединение, разделение.

Целью данной статьи является анализ правового регулирования деятельности руководства предприятия при увольнении работников в связи с сокращением численности или штата предприятия.

Актуальность темы. Под увольнением принято понимать прекращение индивидуального трудового договора по инициативе работника либо по инициативе работодателя, либо по согласованию сторон индивидуального трудового договора.

Одним из оснований увольнения по инициативе работодателя является увольнение в связи с сокращением численности или штата работников предприятия (пункт с) части (1) ст. 86 Трудового кодекса Республики Молдова, далее - (ТК РМ) № 154-XV от 28.03.2003 года.[1]

Увольнение в связи с сокращением численности или штата работников предприятия должно производиться с соблюдением требований части (2) ст. 86, ст. 87, 88, 183, 184, 186, части (4) ст. 388 ТК РМ.

В случае неиздания приказа (распоряжения, решения, поста-

новления) об увольнении работника по истечении двухмесячного срока после предварительного извещения эта процедура не может быть повторена в течение того же календарного года. В двухмесячный срок не включаются периоды нахождения работника в ежегодном оплачиваемом отпуске, учебном и медицинском отпуске.

Изложение основного материала. Сокращенное рабочее место не может быть восстановлено в штате предприятия в течение календарного года, в котором имело место увольнение работника, его занимавшего.

В случае ликвидации предприятия работодатель обязан соблюдать условия процедуры увольнения, предусмотренные пунктами а), б), ф), г) и и) части (1).

Статья 88 ТК РМ содержит неустрашимые противоречия.

Она предписывает сократить все вакантные должности и в то же время письменно предложить работнику, должность которого сокращена, другое место работы.

Очевидно, что, сократив, причем в первую очередь, вакантные должности, работодатель лишает себя возможности перевести работника с его согласия согласно ст. 68 и 74 ТК РМ на другую работу. Никто не сможет оспаривать утверждение, что нельзя перевести работника на должность, которая сокращена. Поэтому пункт d) части (1) ст. 88 ТК РМ должен быть исключен.

Увольнение в связи с сокращением численности или штата работников предприятия производится в следующем порядке.

Вначале издается приказ о сокращении определенного количества определенных штатных единиц и вносятся соответствующие изменения в штатное расписание предприятия.

После этого администрация предприятия определяет работников из числа тех, должности которых сокращены, которые подлежат увольнению в связи с сокращением численности или

штата работников предприятия. При решении этого вопроса необходимо учитывать требования ст. 251 ТК РМ, согласно которой запрещается увольнение беременных женщин, женщин, имеющих детей в возрасте до шести лет, и лиц, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, предусмотренном статьями 124, 126 и 127, за исключением случаев, предусмотренных пунктами b), g) – k) части (1) статьи 86, и требования части (4) ст. 388 ТК РМ, согласно которой увольнение работников, избранных в состав профсоюзных органов, как освобожденных, так и не освобожденных от основной работы, не допускается в течение двух лет со дня истечения срока их полномочий, за исключением случаев ликвидации предприятия или совершения этими работниками виновных действий, за которые действующим законодательством предусмотрена возможность увольнения. В таких случаях увольнение осуществляется на общих основаниях.

Увольнение вышеуказанных лиц по пункту с) части (1) ст. 86 ТК РМ будет признано незаконным.

При увольнении в связи с сокращением численности или штата работников работодатель обязан учитывать требования ст. 183 ТК РМ

Согласно части (1) ст. 183 ТК РМ в случае сокращения численности или штата работников преимущественное право на оставление на работе предоставляется работникам, имеющим более высокую квалификацию и производительность труда.

Нарушение этот принципа влечет признание увольнения по п. с) части (1) ст. 83 ТК РМ незаконным.

Например, Т., работавший инженером-электриком I катего-

рии, был уволен по сокращению штата. Он обратился в суд с иском о восстановлении на работе и взыскании материального и морального ущерба, причиненного незаконным увольнением, ссылаясь на нарушение его преимущественного права на оставление на работе. Суд Рышкань мун. Кишинев рассмотрел иск Т., и, установив, что в нарушение части (1) ст. 183 ТК РМ на работе были оставлены менее квалифицированные, чем Т., работники инженеры-электрики, не имеющие категории, удовлетворил иск Т.

Определив работников, подлежащих увольнению, работодатель приказом (решением, распоряжением, постановлением) извещает под расписку работников, подлежащих увольнению, о предстоящем через 2 месяца увольнении. Одновременно работодатель в письменной форме предлагает работнику перевод на другую должность (другое рабочее место) на данном предприятии. Работодатель обязан информировать агентство занятости населения за 2 месяца до увольнения работника. Если нет возможности перевести работника с его согласия на другую должность (другое рабочее место) на данном предприятии из-за отсутствия вакантных должностей (рабочих мест) на данном предприятии, либо если работник отказался от перевода, работник, должность которого сокращена, подлежит увольнению через 2 месяца после его извещения об увольнении. Если работник является членом профсоюза, работодатель обязан получить письменное согласие профсоюзного органа (профсоюзного организатора) предприятия на увольнение работника.

Согласно части (1) ст. 87 ТК РМ увольнение работников –

членов профсоюза в случаях, предусмотренных пунктами с), d), e), g) и h) части (1) статьи 86, допускается только с предварительного письменного согласия профсоюзного органа (профсоюзного организатора) предприятия. В остальных случаях увольнение допускается после предварительной консультации с профсоюзным органом (профсоюзным организатором) предприятия.

Согласно части (2) ст. 87 ТК РМ увольнение лица, избранного в профсоюзный орган и не освобожденного от основной работы, допускается с соблюдением общего порядка и только с предварительного согласия профсоюзного органа, членом которого является данное лицо.

Согласно части (3) ст. 87 ТК РМ руководители первичной профсоюзной организации (профсоюзные организаторы), не освобожденные от основной работы, не могут быть уволены без предварительного согласия вышестоящего профсоюзного органа.

Согласно части (4) ст. 87 ТК РМ профсоюзные органы (профсоюзные организаторы), указанные в частях (1) – (3), обязаны сообщить работодателю в течение 10 рабочих дней со дня его обращения о своем согласии или несогласии (консультативное мнение) с увольнением работника. В случае неполучения работодателем ответа в указанный срок согласие (консультативное мнение) соответствующего органа подразумевается.

Определенные особенности имеет увольнение в связи с сокращением численности или штата работников предприятия в случае реорганизации предприятий путем слияния.

При слиянии (объединении), когда вместо двух или более

предприятий создается одно предприятие, сокращение численности или штата работников нового предприятия неизбежно. Естественно, что в новом предприятии, созданном на основе 2-х или 3-х предприятий, будет только один руководитель, только один главный бухгалтер и т.д.

На практике нередко возникает вопрос, когда проводить сокращение штата: - до создания нового предприятия, созданного на базе 2-х и более предприятий, или после его создания. Отдельные авторы утверждают, что сокращение штата должно производиться до создания нового предприятия, что в трудовые книжки работников, которые продолжают трудовую деятельность на вновь созданном предприятии, вносится запись о факте реорганизации. Они также утверждают, что в процессе реорганизации издается приказ о предстоящей реорганизации с оповещением всех работников под расписку, а при необходимости издается приказ с уведомлением работников, которые попадают под сокращение численности и штата работников на предприятиях, участвующих в реорганизации. [2] Данное утверждение не бесспорно. Согласно части (1) ст. 70 Гражданского кодекса Республики Молдова, далее - (ГК РМ) от 06.06.2002 года № 1107-XV при слиянии юридических лиц права и обязанности каждого из них переходят к вновь возникшему юридическому лицу в соответствии с передаточным актом. [3] В соответствии с частью (3) ст. 64 ТК РМ при реорганизации или смене собственника предприятия к правопреемнику переходят все существующие на момент реорганизации или смены собственника права и обязанности, вытекающие из коллективного и индивидуальных трудовых дого-

воров. Увольнение работников в этих случаях допускается только при условии сокращения численности или штата работников предприятия.

При реорганизации предприятия работники, отказавшиеся продолжать работу в связи с реорганизацией предприятия, подлежат увольнению по п. v) части (1) ст. 86 ТК РМ. Работники, желающие продолжать работу, должны быть по прямому смыслу части (3) ст. 64 ТК РМ переведены во вновь созданное предприятие. Такой перевод, по нашему мнению, должен быть произведен путем увольнения из реорганизуемых предприятий в порядке перевода во вновь созданное предприятие, а затем путем их приема на работу во вновь созданное предприятие по переводу из реорганизованного предприятия. Полагаем уместным применить в этом случае по аналогии п. n) части (1) ст. 86 ТК РМ.

Во вновь созданном предприятии после его регистрации в Государственной регистрационной палате составляется и утверждается новое штатное расписание.

После этого производится сокращение определенных штатных единиц и осуществляется процесс увольнения в соответствии со ст. ст. 86, 87, 88, 183, 184, 186, 251, 257, 388 ТК РМ.

В обоснование данной, конечно же, небесспорной, точки зрения приведем следующие аргументы.

1. Работник одного предприятия может стать работником другого предприятия только после увольнения с одного предприятия и приема на работу в другое предприятие, что оформляется соответствующими записями в трудовых книжках.

Только в случае реорганизации путем преобразования в трудовых книжках работников про-

изводится запись: «Предприятие такое-то с «__»__«__» года преобразовано в предприятие такое-то».

2. Реорганизация не является основанием для увольнения, процесс реорганизации путем слияния предприятий длится около 4 месяцев. Всё это время предприятия, подлежащие слиянию, работают в нормальном режиме. И лишь после создания нового предприятия появляются лишние штатные единицы.

Получив предварительное письменное согласие профсоюзного органа, работодатель издает приказ (распоряжение, решение, постановление) об увольнении работника.

Согласно ст. 257 ТК РМ увольнение работников в возрасте до восемнадцати лет, за исключением случая ликвидации предприятия, допускается только с письменного согласия территориального агентства занятости населения с соблюдением общих условий увольнения, предусмотренных ТК РМ.

Уволенный работник вправе обжаловать свое увольнение в суд первой инстанции по месту нахождения организации или её органа управления согласно части (2) ст. 38 ГПК РМ.

Согласно части (2) ст. 39 ГПК РМ иск к юридическому лицу или иной организации может быть предъявлен также в судебную инстанцию по месту нахождения их имущества.

Согласно части (3) 39 ГПК РМ иск, вытекающий из деятельности филиала или представительства юридического лица или иной организации, может быть предъявлен также в судебную инстанцию по месту нахождения филиала или представительства.

Иск следует предъявить с учетом 3-месячного срока исковой

давности, установленного пунктом а) части (1) ст. 355 ТК РМ.

Согласно ст. 353 ТК РМ работники или их представители, обратившиеся в судебные инстанции с заявлениями о разрешении споров и конфликтов, вытекающих из отношений, предусмотренных статьей 348, в том числе для обжалования судебных решений (определений) по данным спорам и конфликтам, освобождаются от уплаты судебных расходов (государственной пошлины и расходов, связанных с рассмотрением дела).

Согласно ст. 82 ГПК РМ судебные расходы состоят из государственной пошлины и издержек, связанных с рассмотрением дела. [4]

Согласно ст. 90 ГПК РМ к издержкам, связанным с рассмотрением дела, относятся:

а) суммы, подлежащие выплате свидетелям, переводчику, экспертам и специалистам;

б) расходы по производству осмотра на месте;

в) расходы по извещению и вызову сторон в суд;

г) расходы по проезду и проживанию, понесенные сторонами и другими участниками процесса в связи с явкой в судебную инстанцию;

д) расходы по оплате услуг переводчика, понесенные иностранными гражданами и лицами без гражданства, если международными договорами, одной из сторон которых является Республика Молдова, не предусмотрено иное;

е) расходы по розыску ответчика;

ж) расходы по производству экспертизы;

з) расходы по исполнению судебных актов;

и) расходы по предоставлению юридической помощи;

й) расходы по объявлению не состоятельности;

к) возмещения за потерю рабочего времени;

л) прочие необходимые расходы, понесенные судебной инстанцией и участниками процесса.

Согласно части (1) ст. 94 ГПК РМ, если вышестоящая судебная инстанция, не возвращая дело на новое рассмотрение, изменила обжалуемое решение или вынесла новое решение, то она вправе соответственно изменить распределение судебных расходов.

ГПК РМ (пункт а) части (1) ст. 85 ГПК РМ) освобождает работников – истцов по искам, вытекающим из трудовых отношений, от уплаты государственной пошлины, но не освобождает их от уплаты издержек, связанных с рассмотрением дела. Однако ст. 353 ТК РМ освобождает их от оплаты издержек, связанных с рассмотрением дела.

Согласно части (3) ст. 6 закона РМ «О законодательных актах» № 780-XV от 27.12.2001 года в случае противоречия между нормой общего законодательного акта и нормой специального законодательного акта, имеющих равную юридическую силу, применяется норма специального законодательного акта. [5]

Следовательно, работник должен быть освобожден от уплаты издержек, связанных с рассмотрением дела.

И в случае отказа в удовлетворении иска судебные расходы, в том числе и издержки, связанные с рассмотрением дела, не могут быть взысканы с работника. В данном случае следует применить часть (2) ст. 98 ГПК РМ, согласно которой при отклонении иска издержки, понесенные судебной инстанцией в связи с рассмотрением дела, а также государственная пошлина взыски-

ваются в бюджет с истца, если он не освобожден от уплаты судебных расходов.

По нашему мнению, ст. 90 ГПК РМ следует дополнить частью (2), дублирующей текст ст. 353 ТК РМ.

Согласно части (4) ст. 355 ТК РМ судебная инстанция рассматривает заявление о разрешении индивидуального трудового спора в срок, не превышающий 30 рабочих дней со дня его регистрации, и выносит решение, которое может быть обжаловано в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом.

При рассмотрении исков о восстановлении на работе суды обязаны руководствоваться не частью (1) ст. 118 ГПК РМ, согласно которой истец обязан доказать обоснованность своих исковых требований, а частью (2) ст. 89 ТК РМ, согласно которой при рассмотрении индивидуального трудового спора судебной инстанцией работодатель обязан доказать законность и привести основания перевода или освобождения работника.

При рассмотрении исков работников, уволенных в связи с сокращением численности или штата работников предприятия, суды должны истребовать штатные расписания до и после увольнения, приказы об увольнении, изданные в период со дня извещения об увольнении до дня издания приказа об увольнении истца. Если в этот период в связи с увольнением других работников появились вакантные места, но работодатель не принял меры к переводу работника с его согласия на освободившееся рабочее место, увольнение будет признано незаконным. Увольнение должно быть признано незаконным и в случае, если работодатель не представил документы, подтверждающие законность

увольнения (приказы об увольнении, протокол заседания профсоюзного органа, подтверждающий предварительное письменное согласие на увольнение и др.).

В случае нарушения части (2) ст. 86 ТК РМ, - увольнения работника в период медицинского или ежегодного оплачиваемого отпуска, одни судебные инстанции признают такие увольнения незаконными только по этому основанию. Другие судебные инстанции в таких случаях признают увольнения законными, но переносят даты увольнений с оплатой средней заработной платы за период со дня увольнения по день окончания отпуска.

По нашему мнению, нарушение части (2) ст. 86 ТК РМ должно влечь признание такого увольнения незаконным. И следует издать соответствующее постановление Пленума Высшей судебной палаты или внести соответствующее дополнение в постановление Пленума Высшей судебной палаты № 12 от 3 октября 2005 года «О судебной практике рассмотрения споров, возникающих в процессе заключения, изменения и прекращения индивидуального трудового договора». [6]

В случае признания увольнения незаконным наступают последствия, предусмотренные частью (1) ст. 89 и ст. 90 ТК РМ.

Работник, незаконно переведенный на другую работу или незаконно освобожденный от работы, может быть восстановлен на работе посредством прямых переговоров с работодателем, а в случае спора – решением судебной инстанции.

При восстановлении на работе работника, незаконно переведенного на другую работу или незаконно освобожденного от работы, работодатель обязан возместить ему нанесенный ущерб.

Размер суммы возмещения морального ущерба определяется судебной инстанцией с учетом оценки действий работодателя, но не может быть меньше среднемесячной заработной платы работника.

Вместо восстановления на работе стороны могут заключить мировое соглашение, а в случае спора судебная инстанция может взыскать с работодателя в пользу работника с его согласия дополнительную компенсацию, помимо сумм, указанных в части (2), в размере не менее трех его средних месячных заработных плат.

При определении размера причитающейся работнику средней заработной платы за время вынужденного отсутствия на работе судебные инстанции производят зачет средней месячной заработной платы, выплаченной работнику в соответствии с частью (1) ст. 186 ТК РМ (выходное пособие и сохраняемый средний заработок за 2-й и 3-й месяцы трудоустройства), поскольку за этот период вынужденного отсутствия на работе работнику была выплачена средняя заработная плата.

На практике иногда встречаются ситуации, когда уволенный в связи с сокращением численности или штата работников предприятия работник в период вынужденного отсутствия на работе работал на другом предприятии. В таких случаях одни судебные инстанции производят зачет полученной на другом предприятии заработной платы, а другие не производят.

По нашему мнению, зачет заработной платы, полученной работником на другом предприятии, не должен производиться, т.к. законом такой зачет не предусмотрен. Кроме того, такой зачет частично освобождает работодателя от ответственности за

незаконное увольнение, что противоречит общепринятой юридической практике.

Недопустим, по нашему мнению, и зачет пособия по безработице, полученного работником в период рассмотрения трудового спора, в случае восстановления его на работе и взыскании в его пользу среднего заработка за время вынужденного отсутствия на работе. Если за один и тот же период времени работнику выплачено и пособие по безработице агентством занятости населения, и средний заработок работодателем на основании решения суда, то пособие по безработице может быть взыскано по иску агентства занятости населения как неосновательное обогащение.

Библиография

1. Официальный монитор РМ № 159-162 от 29.07.2003 г.
2. Тостоган П. Реорганизация предприятия: юридические, бухгалтерские и налоговые аспекты», Кишинэу, Contabilitate și audit, № 11, 2011, стр. 21
3. Официальный монитор РМ № 82-86 от 22.06.2002 г.
4. Официальный монитор РМ № 130-134 от 21.06.2013 г.
5. Официальный монитор РМ № 36-38 от 14.03.2002 г.
6. Трудовые книжки. Комментарий к законодательству, справочное пособие. Научные редакторы Сосна Б.И., Сосна А.Б., Мыца О.Д., Кишинев, 2012, стр. 392.

КАК НАДО ЗАЩИЩАТЬ СВОИ ПРАВА

А. КОВАЛЬСКИЙ,
В. ФЛОРЯ

Целью данной статьи являются конкретные предложения и рекомендации, которые помогут гражданам Республики Молдова более эффективно отстаивать свои права в судебных инстанциях. Важным моментом является факт анализа, „разумного срока” при рассмотрении дел в судебных инстанциях.

Изложение основного материала. В связи с участвовавшими случаями обращения граждан Молдовы в поисках справедливости в Европейский суд по правам человека и взысканием с нашей республики в пользу истцов значительных сумм в возмещение морального и материального ущерба, Парламент Республики Молдова 21 апреля 2011 г. принял закон № 87 «О возмещении государством вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного решения в разумный срок».

В тот же день был принят Закон № 88 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты».

Цель закона № 87 сформулирована в статье 1: (1) Целью настоящего закона является создание в Республике Молдова эффективного внутригосударственного средства защиты права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного решения в разумный срок. Оба эти закона призваны сократить поток жалоб граждан в ЕСПЧ. Часть 3 ст.2 закона № 87 предусматривает, что вред возмещается независимо от вины судебной инстанции, органа уголовного преследования, органа, ответственного за исполнение судебных решений, или государственного учреждения - должника.

Часть 7 этой же статьи устанавливает, что (7) Органом, представляющим государство в судебной инстанции по данной категории дел, является Министерство финансов.

Важной является часть 4 ст.4 закона № 87, которая предусматривает, что «(4) Исковое заявление рассматривается соответствующей судебной инстанцией в срок, не превышающий трех месяцев со дня его подачи». Важной потому, что обычно суды занимают волокитой годами рассмотрением гражданских дел, ссылаясь на положение закона о разумном сроке - понятии весьма растяжимом.

Статья 192 часть 1 ГПК РМ в редакции закона № 88 предписывает, что «Критериями разумного срока являются сложность дела, поведение участников процесса, поведение судебной инстанции и соответствующих органов, а также значимость процесса для заинтересованного лица».

Отдельные суды Республики Молдова на основании законов 87 и 88 уже вынесли решения в пользу истцов за неисполнение судебного решения в разумный срок.

Вот одно из таких дел. К.Л. обратилась с иском к Министерству финансов в суд сектора Рышкань г. Кишинёва с требованием возмещения морального ущерба. В исковом заявлении указала, что 30 апреля 2011 г.

она обратилась в ЕСПЧ в связи с гибелью 1 января 2008 г. её 29-летней беременной дочери Т.Ц. Считает, что ее дочь погибла по вине врачей. 6 февраля 2008 г. она обратилась с заявлением к директору больницы Яловенского района для выяснения обстоятельств гибели её дочери. В установленный законом срок ей не ответили, в связи с чем К.Л. 28 марта 2008 г. обратилась в суд. И только 3 декабря 2008 г. Кишинёвская Апелляционная Палата признала нарушение права на информацию со стороны администрации Яловенской больницы и в возмещении морального ущерба взыскала с её директора Л.Х. в пользу К.Л. 25 000 лей. 5 февраля 2003 г. обжаловала решение первой инстанции в кассационном порядке. 1 апреля 2009 г. Высшая судебная палата отменила решение Апелляционной палаты от 3 декабря 2008 г. и направила дело на новое рассмотрение в Апелляционную палату, которое длилось больше года.

21 мая 2010 г. при новом рассмотрении Апелляционная палата отклонила иск К.Л. 5 августа 2010 г. истец обжаловала это решение в Высшей судебной палате. 10 ноября 2010 г. ВСП взыскала в пользу К.Л. с Министерства здравоохранения и Яловенской больницы по 5 000 леев в возмещении морального ущерба.

Истец требовала обязать Министерство финансов выплатить ей в качестве компенсации морального ущерба 100 тысяч леев. Представитель Министерства финансов признал эти требования К.Л. необоснованными.

Выслушав стороны, изучив материалы дела, суд сектора Рышкань пришел к выводу, что

заявление К.Л. частично обоснованно и подлежит удовлетворению.

В обоснование своего решения суд подробно изложил содержание закона № 87 и пришел к выводу, что имело место неисполнение решения ВСП от 10 ноября 2010 г. в разумный срок. К моменту рассмотрения дела 7 февраля 2012 г. Министерство здравоохранения не перечислило К.Л. 5 000 лей, и ей не предоставили информацию об обстоятельствах гибели ее дочери. Суд посчитал справедливой сумму в 16 000 лей в возмещение морального ущерба, причиненного К.Л. неисполнением судебного решения ВСП от 10 ноября 2010 г. в разумный срок. А требование истца о выплате ей 100 000 лей оценил как чрезмерное и необоснованное.

Указанное решение суда сектора Рышкань от 7 февраля 2012 г. **свидетельствует** о том, что при проявленной настойчивости истца К.Л., матери погибшей пациентки, при оказании бесплатной юридической помощи со стороны Общественной Ассоциации «Центра по защите прав пациентов и инвалидов» (Основатель и многолетний руководитель Ковальский Александр Леонидович), при соблюдении судом основных принципов гражданского судопроизводства, в судах Республики **Молдова**, только большой нервотрепкой, можно добиться справедливости.

Литература:

1. Закон 87/21.04.2011 о возмещении государством вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного решения в разумный срок // *Мониторул Официал* 107-109/282, 01.07.2011
2. Закон 88/21.04.2011 о внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты // *Мониторул Официал* 107-109/284, 01.07.2011
3. Решение суда сектора Рышкань г. Кишинева от 7 февраля 2012 г. по делу № 2- 5568/2011

FUNDAMENTE ȘI PRINCIPII ALE STATUTULUI JURIDIC AL PERSOANEI

Octavian MARIAN,
doctorand, Universitatea de Stat din Moldova

SUMMARY

This article includes a study of the principles of the legal status of the person to specify their special significance for respect and the practical realization of human rights and freedoms in the activity of state and society.

Keywords: legal status of the person, principles of law, the principle of human rights, the principle of human dignity, the principle of the free development of personality, principle of constitutional protection of personality, the principle of legality, the principle of equity and justice

Articolul cuprinde un studiu asupra principiilor statutului juridic al persoanei în vederea precizării semnificației deosebite a acestora pentru respectarea și realizarea practică a drepturilor și libertăților omului în activitatea statului și a societății.

Cuvinte-cheie: statut juridic al persoanei, principii de drept, principiul drepturilor omului, principiul demnității umane, principiul liberei dezvoltări a personalității, principiul protecției constituționale a personalității, principiul legalității, principiul echității și justiției

Introducere. În determinarea statutului juridic al persoanei, pe lângă volumul real al drepturilor, libertăților și îndatoririlor consacrate în legislație, un rol determinant îl au acele fundamente în baza cărora are loc fondarea, promovarea, garantarea și asigurarea acestora. Nivelul de protecție și gradul de realizare a statutului juridic al persoanei depind crucial de natura acestor fundamente: ele pot conduce la o limitare sau, dimpotrivă, la o extindere în beneficierea de drepturile persoanei. Astfel, impactul lor asupra statutului juridic al persoanei are multiple fațete. Acestea determină măsura în care se realizează starea de egalitate și se asigură drepturile și libertățile persoanei, gradul de recunoaștere de către stat a acelor drepturi care corespund nivelului actual de dezvoltare socială, activitățile statului în respectarea și protejarea persoanei, limitele de utilizare a drepturilor și libertăților, mecanismele legale existente de protecție a drepturilor persoanei. Aceste fundamente sînt caracterizate ca principii ale statutului juridic al persoanei.

Scopul prezentului studiu rezidă în elucidarea semnificației deosebite a principiilor statutului juridic al persoanei pentru realizarea practică a acestuia în activitatea statului și a societății. Actualitatea unui asemenea demers este justificată de necesitatea crescîndă, în noile condiții democratice, de a garanta, realiza și respecta statutul juridic al persoanei

ca dimensiune indispensabilă unui stat de drept real și viabil.

Rezultate obținute și discuții. Termenul *principiu* provine de la latinescul „*principium*”, care înseamnă *început*. În filosofie, principiul este considerat element fundamental, idee, lege de bază pe care se întemeiază o teorie științifică, un sistem politic, juridic, o normă de conduită [1]. Principiul ca atare

este o idee sau o lege fundamentală, de maximă generalitate, ce stă la baza celorlalte idei, legi și reguli dintr-un domeniu al cunoașterii. În sens logic, principiul este un concept central, care servește ca fundament al sistemului și reprezintă difuzarea unei generalizări asupra tuturor fenomenelor în domeniu. El este o condiție necesară a gândirii abstracte, criteriu fundamental prin care distingem între corect și incorect, e un reper pentru alte forme și condiții de raționalitate [2].

La rîndul lor, principiile generale ale dreptului reprezintă fundamente etico-morale diriguitoare și sistematizatoare, comune și universale, norme-etalon. Așa cum s-a subliniat în literatura juridică, principiile fundamentale ale dreptului reprezintă acele orientări generale cărora le sînt subordonate atît structura, cît și dezvoltarea sistemului dreptului. Ele sintetizează și promovează valorile esențiale ale societății, conținînd judecăți asupra fenomenelor juridice [3]. Astfel, ele reprezintă rezultatul experienței sociale și asigură unitatea, omogenitatea, coerența și capacitatea de dezvoltare a sistemului de drept, trasînd liniile directe pentru întregul sistem juridic și exercitînd o acțiune constructivă, orientînd activitatea legiuitorului.

Principiile dreptului sînt reflectate și, de regulă, consacrate în legislație. Dar, indiferent de acest fapt, ele de facto capătă un caracter normativ și exercită o influență regulatoare asupra relațiilor sociale și comportamentului uman. Ca urmare, principiile generale au un important rol în administrarea justiției, deoarece condiționează certitudinea garanției dreptului împotriva impredictibilității normelor coercitive și asigură concordanța legilor și oportunitatea lor, avînd rolul de a

asigura echilibrul sistemului juridic cu evoluția socială [4].

Principiile fundamentale ale dreptului sînt reguli de maximă generalitate, care sintetizează experiența socială și asigură echilibrul dintre respectarea drepturilor și îndeplinirea obligațiilor [5]. Ele sînt idei diriguitoare care se conturează ca urmare a raportului dintre legea fundamentală și celelalte legi și care își găsesc reflectare în întregul sistem de drept. Acestea sînt elemente fundamentale, idei cu un grad ridicat de generalitate, ce pot fi regăsite în orice sistem de drept și care călăuzesc, pe o durată de timp relativ îndelungată, atît elaborarea, evoluția și interpretarea, cît și aplicarea normelor de drept [6].

Principiile generale ale dreptului sînt în fapt rezultatul recunoașterii unor valori ce trebuie să fie protejate. Un principiu general de drept este rezultatul unei experiențe sociale și o reflectare a unor cerințe obiective ale evoluției sociale, ale conviețuirii sociale, ale asigurării aceluși echilibru necesar între drepturile unora și obligațiile altora. Astfel, pot fi apreciate caracteristici comune ale principiilor dreptului: o) determinismul social; b) conținutul lor generalizator; c) exprimarea în dreptul pozitiv; g) influența lor asupra dezvoltării fenomenelor juridice; d) respectarea obligatorie de către toți subiecții de drept [7].

Principiile dreptului formează axa teoretico-metodologică și juridică a statutului juridic al persoanei. Ele determină principalele caracteristici ale statutului juridic al persoanei, se răsfrîng asupra tuturor drepturilor și îndatoririlor acesteia, indiferent de ramura dreptului în care sînt fixate, unind într-un întreg complexul de elemente structurale ale poziției juri-

dice ale persoanei, fundamentînd justificarea lor filosofică și ideologică. Ele pot fi înțelese ca idei originare, recunoscute și protejate de lege și stat, în baza cărora persoana își realizează drepturile și libertățile și își îndeplinește responsabilitățile, devenind astfel principii ale statutului juridic al persoanei.

Pentru caracterizarea principiilor statutului juridic al persoanei sînt deosebit de relevante prevederile constituției, inclusiv cele care stabilesc principiile sistemului constituțional, deoarece acesta influențează direct poziția persoanei în diferitele sale manifestări. Constituția consacră principiile de bază ce determină statutul juridic al persoanei, în general, precum și principii speciale ce se aplică unor elemente particulare ale statutului juridic al persoanei. Din constituție pot fi desprinse următoarele principii generale pentru aplicarea și interpretarea normelor ce țin de drepturile omului: superioritatea normelor internaționale în domeniul drepturilor omului asupra celor naționale; universalitatea drepturilor și libertăților; egalitatea; nediscriminarea; accesul liber la justiție; prezumția de nevinovăție; neretroactivitatea legii; dreptul fiecărui om de a-și cunoaște drepturile și îndatoririle etc. Formularea acestor principii postulează înțelegerea clară a faptului că valoarea supremă este individul însuși.

Principiile statutului juridic al persoanei acționează direct în situații de conflict și în cazul unor lacune legislative. Ele ajută judecătorul la aplicarea legii și la selectarea opțiunilor legale ce corespund în cea mai mare măsură principiului juridic, căci interpretarea și aplicarea legii nu este doar o simplă operație logico-deductivă, de tehnică juridică, ci și o operați-

une culturală și socială complexă [8, p. 47]. De multe ori, conținutul principiilor juridice constituie un argument juridic suplimentar în luarea deciziilor de către organele de ocrotire a dreptului în cazuri specifice. Astfel, principiile dreptului reprezintă un „nucleu dur” pe care se fundamentează statutul juridic al persoanei.

Baza indispensabilă a unei societăți libere o constituie principiul drepturilor omului. Aceasta este o noțiune care ține de domeniul moralei; este conceptul ce furnizează tranziția logică între principiile care ghidează activitățile individului și cele care ghidează relațiile acestuia cu alții, este conceptul care protejează morala individuală într-un context social, e legătura dintre codul moral al individului și codul legal al societății, între etică și politică. Drepturile individuale constituie mijlocul prin care societatea este subordonată legii morale [9]. Principiul drepturilor omului reprezintă extinderea moralei asupra sistemului social, el formează un baraj în calea puterilor statului, o apărare a individului împotriva forței brutale a mulțimii, o subordonare a puterii față de drept. Ca urmare, recunoașterea și garantarea drepturilor omului nu este doar un principiu juridic, ci și o valoare socială considerată esențială, un scop ultim al oricărei organizări democratice și, în același timp, o legitimizare pentru orice guvernare, o finalitate a întregii activități statale. Existența statului de drept, democratic este imposibilă fără o minimă garantare a acestor atribuții esențiale ale ființei umane.

Principiul drepturilor omului definește și consfințește libertatea de acțiune a individului în context social. Drepturile omului nu impun altora nicio obligație, cu excepția uneia de natură negativă:

de a se abține de la violarea drepturilor lui. A viola drepturile omului înseamnă a-l forța să acționeze împotriva propriei sale judecăți sau a-i confisca valorile. Există, în esență, o singură cale de a o face: prin folosirea forței fizice. Există doar doi potențiali violatori ai drepturilor omului: criminalii și statul. Marea realizare a statelor occidentale a fost să marcheze net distincția dintre cei doi, interzicându-i celui de al doilea să practice o versiune legalizată a activităților celui dintâi [9].

Respectarea drepturilor omului a fost recunoscută ca un principiu fundamental al procesului penal, care își află expresia în statutul juridico-procesual al persoanei: persoana în această sferă este întotdeauna un subiect ce dispune de drepturi, realizarea cărora trebuie garantată. Principiul respectării persoanei se exprimă prin așa momente ca: toate deciziile luate în proces de natură să aducă atingere drepturilor și libertăților persoanei trebuie să fie legale și justificate, în caz contrar trebuie anulate; exercitarea competențelor de putere este încredințată doar persoanelor cu funcții de răspundere, obiective și necointerestate în rezultatul procesului [10, p. 310].

Cu regret, în societățile contemporane, chiar și în condițiile principiului respectării drepturilor și libertăților omului, rămâne loc înjosirii, umilirii și violenței instituționalizate. Între reglementări, drept și justiție rămân diferențe ce trebuie trecute cu pricepere și răspundere. Astfel, se simte nevoia de a însoți punerea în aplicare a drepturilor și libertăților persoanei cu o cultură mai cuprinzătoare, care să conștientizeze sensul prevederilor lor în constituții [11]. Este vorba de a așeza o „neliniște etică” în însăși punerea în aplicare a preve-

derilor de drept, care să împiedice oarecum dinăuntru soluțiile juridice convenționale și nedrepte; de a efectua tranziția de la „just society” la o „decent society”, întemeiată pe demnitatea umană [12].

Astfel, este nevoie ca drepturile și libertățile fundamentale ale omului, care formează, logic, nucleul oricărei constituții moderne, să fie bazate pe principiul demnității umane, care rămîne, în condiții normale, un principiu constituțional de o exigență etică [13].

Importanța deosebită a demnității umane este unanim recunoscută în literatura de specialitate, ea fiind calificată ca „cel mai de seamă principiu al dreptului obiectiv” [14, p. 6], „cea mai înaltă valoare a constituției” [14, p. 7], „principiul constituțional cel mai valoros” [15, p. 387], „un etalon în potopul discursului constituțional” [15, p. 393], „o valoare supremă a statului de drept” [16]. Demnitatea umană este un atribut inalienabil al persoanei umane, este o valoare creștină, alături de libera dezvoltare a personalității umane și de dreptate, iar drepturi precum dreptul la viață și la integritatea fizică și psihică, dreptul la ocrotirea sănătății, dreptul la un mediu sănătos și cel la un nivel de trai decent țin de sacralitatea vieții umane [17, p. 7-11].

Se apreciază că, datorită faptului că demnitatea umană este izvorul drepturilor fundamentale, ea însăși este drept fundamental [18], recunoscut la nivel internațional. Carta Organizației Națiunilor Unite [19], Declarația Universală a Drepturilor Omului [20], precum și Pactul internațional privind drepturile civile și police [21] tratează demnitatea umană ca valoare centrală, iar respectarea acesteia ca un principiu primordial. De asemenea, și obligațiile de natură constituțională sînt intrinsec legate de

demnitatea umană, tocmai pentru că în stabilirea acestora legiuitorul constituant a luat în calcul caracterul uman al individului. Anume în baza principiului demnității umane individul este subiect de drept, și nu un simplu obiect, drepturile și îndatoririle fundamentale înscrise în constituție fiind condiționate de natura sa umană. Esența omului este condiționată de demnitatea sa. Datorită demnității sale, trebuie să i se asigure dezvoltarea personalității la cel mai înalt nivel.

Fiind în relație strânsă cu demnitatea umană, **principiul liberei dezvoltări a personalității**, garantat de art. 1 alin. (3) din Constituția Republicii Moldova, deține un loc de frunte între principiile statutului juridic al persoanei. Astfel, „drepturile și libertățile fundamentale ale cetățeanului sînt valori constituționale ce se întemeiază pe demnitatea umană și libera dezvoltare a personalității umane” [22]. Libera dezvoltare a personalității cunoaște o latură pasivă (aspectele de apărare și protejare a drepturilor), care este în legătură directă cu demnitatea umană, și anume drepturile generale ale personalității, dar și o latură activă, respectiv libertatea generală de acțiune a persoanei (spre exemplu, libertatea economică), latură care nu este acoperită de demnitatea umană [18]. În timp ce principiul demnității umane apără spiritul – morala personalității, principiul liberei dezvoltări a personalității apără și integritatea fizică a persoanei, și libertatea individuală a acesteia. Întrucît noțiunea de „dezvoltare” înseamnă mai mult decît apărarea elementelor pasive ale personalității, acest principiu apără „întreaga personalitate, respectiv plenitudinea existenței umane în fiecare aspect al vieții”, vizînd astfel atît elementele active, cît și

cele pasive ce compun noțiunea de dezvoltare a personalității umane [23, p. 53].

Din coroborarea celor două principii constituționale, se ajunge la fundamentarea **principiului general al protecției constituționale a personalității**, din care sînt desprinse numeroase drepturi ce țin de personalitate. Spre exemplu, dreptul la apărarea onoarei, a reputației sau dreptul la propria imagine sînt expresii specifice ale principiului general al protecției constituționale a personalității. În funcție de spațiul extern sau intern la care se raportează sfera personalității, poate fi distins dreptul persoanei de a-și crea o sferă privată, în care statul nu se poate amesteca și care nu poate fi limitată nici în cazul unui interes general presant, neexistînd loc pentru examenul de necesitate-proporționalitate; și dreptul acesteia la reprezentarea de sine, mai exact dreptul de a dispune de informațiile despre sine [23, p. 51]. Datorită caracterului său deschis și suplu, principiul protecției personalității permite ca protecția constituțională a personalității să țină pasul cu provocările condiționate de dezvoltarea științei și tehnicii [18, p. 50].

Așadar, statutul juridic al persoanei își găsește fundamentare în două principii constituționale: libera dezvoltare a personalității și principiul demnității umane. Acestea sînt valori supreme, inviolabile și inalienabile, izvor al drepturilor, libertăților și îndatoririlor fundamentale constituționale. Totodată, caracterul lor normativ nu poate fi contestat, întrucît Constituția prevede garantarea lor de către stat, astfel încît ele capătă o forță juridică obligatorie. O consecință sînt obligațiile negative ale membrilor societății, precum și obligațiile pozitive și negative ale statului.

Plasarea drepturilor omu-

lui printre valorile supreme ale societăților democratice contemporane a avut drept consecință instituirea **imperativului protecției lor de către stat** ca principiu fundamental al statutului juridic al persoanei în statul de drept și democratic. Astfel, are loc trecerea de la consacrarea supremației persoanei umane ca simplă declarație de principiu, la crearea unor mecanisme funcționale pentru protecția statutului său juridic. Deci, recunoscînd drepturile omului ca valori fundamentale ale societății, statul este obligat să confere substanță protecției propriu-zise a acestor drepturi, prin crearea unor mecanisme eficiente în acest sens. Ca urmare, în completare vin alte principii ale statutului juridic al persoanei.

Astfel, **principiul legalității**, considerat un pilon esențial al statutului de drept [24, p. 219-220], este apreciat ca garanție a statutului juridic al persoanei. În cazul statutului de drept, democratic, bazat pe separația și echilibrul puterilor în stat și pe respectul drepturilor și libertăților fundamentale ale omului, asigurarea supremației principiului legalității constituie centrul de maxim interes în asigurarea statutului juridic al persoanei. Principiul legalității poate fi definit ca ideea directoare ce asigură existența legală a statului de drept, a tuturor instituțiilor sale, precum și ca fundament legal pentru respectarea drepturilor și libertăților fundamentale. În conformitate cu acest principiu, existența statului și a instituțiilor sale, acțiunile desfășurate de acestea, funcțiile și competențele lor, drepturile și obligațiile persoanei, orice interacțiune cu relevanță juridică între stat și persoană orice proces și orice pedeapsă, trebuie să se întemeieze pe lege.

Principiul legalității în înfăptu-

irea justiției poate fi circumscris la următoarele cerințe [10, p. 38; 57]: procesul este desfășurat de către organele instituite de lege, în forma și cu competențele prevăzute de lege; participanții la proces trebuie să acționeze doar în limitele legii; organele judiciare vor acționa cu respectarea strictă a drepturilor procesuale ale participanților și cu asigurarea executării acestor drepturi. Principiul legalității în procesul penal se manifestă prin următoarele caracteristici [10, p. 71]: înființarea prin lege a instanțelor judecătorești, a procuraturii și a organelor de urmărire penală, precum și desfășurarea activității acestora în limitele competenței acordate de lege; respectarea legii de către subiecții procesului penal, pe tot parcursul procesului; respectarea integrală a drepturilor procesuale ale participanților și utilizarea numai a mijloacelor și metodelor admise de lege; efectuarea fiecărui act procesual în conținutul și formele stabilite de lege.

În strânsă legătură cu principiul legalității este și prezumția nevinovăției. Funcționalitatea prezumției nevinovăției se manifestă în câteva direcții principale [10, p. 55-56]: ea garantează protecția persoanelor în procesul penal împotriva arbitrariului în stabilirea vinovăției și tragerea la răspundere penală; ea stă la baza tuturor garanțiilor procesuale legate de protecția persoanei în procesul penal; ea este strâns legată de aflarea adevărului și dovedirea corectă a împrejurărilor de fapt ale cauzei, în așa fel încât vinovăția să fie stabilită cu certitudine.

Deci, pentru instanță principiul legalității implică verificarea modului în care este respectată legalitatea de către participanții la proces; verificarea conformității normelor juridice interne cu cele

internaționale; luarea în considerație a dispozițiilor constituționale în materie, a hotărârilor Curții Constituționale și a hotărârilor Curții Supreme de Justiție, a hotărârilor definitive ale CEDO; aplicarea directă a normelor internaționale și a constituției.

Principiul egalității este elementul determinant pentru statutul juridic al persoanei. Punerea în aplicare a acestui principiu depinde de respectarea elementelor constitutive ale noțiunii de lege, care trebuie să se bucure de previzibilitate, accesibilitate și calitate. Cu regret, noțiunea de lege, la fel ca și alte noțiuni juridice, apare astăzi ca fiind mult prea abstractă pentru a atrage automat recunoașterea ei socială, pentru a asigura respectarea ei. Chiar recunoașterea legalității la nivel de principiu nu este suficientă pentru a asigura respectarea legii, dacă prin norme nu sînt consacrate valori sociale a căror importanță nu poate fi negată. Legea însăși poate fi injustă. Ca urmare, idealul de legalitate include și ideea de echitate și justiție. *Or lex injusta non est lex.*

Principiul echității și justiției este nu doar o normă etică, ci un principiu de drept. El presupune soluții bazate pe dreptate, egalitate, corectitudine, atât în procesul de creare a dreptului, cât și în cel de aplicare. Justiția și echitatea reflectă starea generală ideală a societății, ce se realizează prin asigurarea satisfacerii drepturilor și intereselor legitime ale indivizilor. Acest principiu are rădăcini istorice, avînd de-a lungul timpului sensul de valoare originară și incontestabilă a dreptului.

Termenul de *justiție* a fost definit diferit. Giorgio del Vechio afirma că justiția este o conformare la legea juridică; Lalande considera că justiția „este proprietatea a ceea

ce este drept”; Montesquieu afirma că, „justiția este o luptă”; E. Kant considera ideea de justiție ca fiind „un scop în sine”; M. Djuvara consideră că justiția reprezintă „reglementarea echitabilă pe cale rațională și obiectivă a relațiilor juridice individuale” [26, p. 33-108]. „Fără dreptate, adică fără justiție și fără echitate, dreptul nu poate să aibă înțeles, este numai un mijloc de tortură al oamenilor, iar nu un mijloc de conviețuire pașnică între ei” [27, p. 114]. Astfel, noțiunea se poate subsuma inclusiv moralei și ideii de moralitate [28, p. 18-44].

Semnificațiile atribuite acestui principiu, fundamentat din cele mai vechi timpuri, sînt în general corespunzătoare ideii de dreptate, corectitudine, respectare a drepturilor tuturor, egalitate în fața justiției și soluționare echidistantă a diferendelor de către judecător. Deci, din punct de vedere juridic, putem vorbi despre două fațete ale principiului: unul de fond, care ține de calitatea legilor, și unul procedural, ce ține de modalitatea în care instanța soluționează un diferend.

Principiul echității și justiției este un principiu fundamental de drept, ce presupune, pe de o parte, moderațiunea legiuitorului în procesul elaborării dreptului, iar pe de altă parte, imparțialitatea organelor de aplicare a dreptului. În înțelesul modern al cuvîntului, principiul echității se aplică atât în activitatea de elaborare, cât și în cea de interpretare și aplicare a dreptului, cei chemați să facă și să aplice legea fiind obligați să ia în considerație așa valori etico-morale ca dreptatea, corectitudinea, adevărul, bunătatea, umanismul etc. Cunoscuții jurisconșulți romani (Paul, Ulpian, Papinian, Modestinus) considerau că echitatea îl

obligă pe cel ce aplică dreptul la nepărtinire, deoarece „grave ar fi urmările, dacă am judeca cu părtinire” [28]. Noțiunea de *echitate* se suprapune sau se confundă uneori cu alte noțiuni similare: dreptate, justețe, egalitate, discuțiile derulându-se pe toate aceste paliere.

Echitatea este rezultatul unei interpretări, prin natura sa subiectivă, dar care este esențială în momentul în care nu există prevederile legale care să reglementeze în mod concret și direct problema dedusă judecății, deși scopul legii este și trebuie să fie tocmai atingerea echității. Aceasta este rațiunea finală a legii și trebuie subliniată necesitatea de a se găsi echilibrul între necesitățile practice ale vieții și noțiunea de echitate [26, p. 285]. În epoca contemporană, acest principiu depășește granițele filosofiei și ale avântului politic, pentru a dobândi o reală valoare juridică, avînd rangul unui principiu de bază al dreptului, care trebuie respectat ca atare.

Pentru ca realizarea justiției să fie echitabilă, este nevoie să fie examinată cît mai amănunțit fiecare situație, să se identifice cît mai exact limitele drepturilor și obligațiilor, fără nicio favoare specială pentru cineva. Echitatea și justiția presupun ca toți indivizii să fie tratați la fel, în situații similare, dar și să fie tratați diferit în cazul în care există diferențe relevante pentru situația în care se află. Astfel, ideea de echitate și justiție este în strînsă legătură cu ideea de egalitate rațională care trebuie să existe între persoane libere.

Egalitatea în drepturi reprezintă principiul constituțional potrivit căruia cetățenii statului, fără deosebire de rasă, naționalitate, origine etnică, limbă, religie, sex, opinie sau apartenență politică, avere sau origine socială, sînt tra-

tați în mod egal, atît de către autoritățile publice, cît și de către ceilalți cetățeni, pot beneficia în mod egal de toate drepturile prevăzute de constituție și legi, pot participa în egală măsură la viața politică, economică, socială și culturală, fără privilegii și fără discriminări. Acest principiu este consacrat prin art. 16 alin. 2 din Constituția R. Moldova.

Trebuie subliniat faptul că egalitatea este una abstractă și juridică, nu una concretă și materială. Principiul egalității admite ca o lege să stabilească reguli diferite în raport cu persoane care se găsesc în situații diferite. Uneori se poate face diferență și între persoane ce se află în situații analoge, dacă această diferență de tratament își găsește justificare obiectivă și rezonabilă [29, p. 128]. Astfel, noțiunea de egalitate este un concept comparativ, care cere o evaluare a situației unor subiecți de drept cu situația altora într-un context sociopolitic dat. Or nu orice diferență de tratament contravine principiului egalității, așa cum un tratament identic poate conduce la o gravă inegalitate. Principalul criteriu de apreciere a problemelor de egalitate este efectul legii asupra individului: legea nu trebuie să aibă un efect mai constrîngător pentru unii decît pentru alții [30, p. 949].

Analiza statutului juridic al persoanei permite concluzia referitoare la existența unei strînse și indisolubile conexiuni a acestuia cu principiul egalității. Astfel, la această etapă a dezvoltării societății este evidentă imensitatea valorii pe care a dobîndit-o egalitatea în drepturi pentru fiecare persoană. Astăzi egalitatea are un impact determinant asupra aplicării legislației în toate statele occidentale, unde se constată că

practic toate instituțiile dreptului se bazează pe acest principiu, cu excepțiile specifice ramurilor de drept public [31], egalitatea concretizându-se în așa valori social-juridice precum dreptul fiecăruia la protecție juridică identică pentru toți, la egalitatea libertăților și răspunderii tuturor, la atitudine identică, justă și respectuoasă din partea organelor competente față de partea vătămată, bănuît, învinuit și condamnat. Extinderea principiului egalității în fața legii a jucat un rol major în supunerea statului suveranității legii. Din această perspectivă, limitarea prin lege a puterii statului a constituit primul pas spre o garanție efectivă a libertății persoanei [32].

Procesul evolutiv al dezvoltării principiilor statutului juridic al persoanei conduce la transformarea drepturilor omului într-o valoare general umană, de nivel internațional, astfel încît **protecția lor internațională** devine principiu al statutului juridic al individului, trecîndu-se de la consacrarea sa prin simple declarații de principiu la crearea unor mecanisme efective pentru garantarea și protecția drepturilor și libertăților persoanei. Drept consecință, valorile constituționale comune ale statelor europene și acțiunile instituțiilor comunitare și ale statelor-membre au fost ajustate prin raportare la drepturile fundamentale, identificate în documentele internaționale în domeniu, ceea ce a condus la un demers eficace în domeniul protecției drepturilor omului. Totodată, în condițiile în care statele-membre ale Uniunii Europene împărtășesc un anumit număr de valori universale, precum respectul demnității umane, libertatea, democrația, egalitatea, statul de drept, ca și respectarea drepturilor, inclusiv ale persoane-

lor aparținând minorităților naționale, stabilirea conținutului lor și semnificației lor juridice a reprezentat soclul comun al apartenenței la Uniunea Europeană [33].

Mecanismele juridice instituite la nivel european au, însă, un caracter subsidiar prin raportare la sistemele naționale de garantare a drepturilor omului, conform principiului subsidiarității consacării și garantării internaționale a drepturilor omului față de consacarea și garantarea lor la nivel intern [4, p. 11], dar atunci când acestea intervin, deciziile instanțelor se impun forurilor jurisdicționale interne și influențează activitatea acestora.

Constituția Republicii Moldova exprimă într-o viziune modernă corelația dintre dreptul internațional și dreptul intern. Conform art. 20 al Constituției, interpretarea și aplicarea dispozițiilor privind drepturile și libertățile cetățenești au loc în concordanță cu prevederile tratatelor internaționale la care Republica Moldova este parte. Constituția acordă prioritate reglementărilor internaționale cuprinse în tratatele ratificate de statul nostru în situația în care apar neconcordanțe între ele și reglementările interne, cu excepția cazului în care Constituția sau legile interne conțin dispoziții mai favorabile. Această prioritate este acordată numai reglementărilor din domeniul drepturilor omului, nefiind aplicabilă altor domenii. În consecință, legiuitorul este ținut să verifice dacă proiectele de legi pe care le discută și le adoptă se corelează cu tratatele internaționale la care RM este parte, iar autoritățile publice competente să negocieze, să încheie și să ratifice tratatele internaționale vor trebui să manifeste o atenție sporită în observarea și realizarea acestor corelații.

Totodată, Constituția stabilește competența Curții Constituționale de a controla constituționalitatea tratatelor și a altor acorduri internaționale, evident anterior ratificării acestora.

Un alt principiu fundamental, ce se află în strânsă legătură cu statutul juridic al persoanei, determinându-l esențial, este **principiul responsabilității**. Responsabilitatea este fenomenul social care exprimă asumarea răspunderii persoanei pentru rezultatul acțiunilor sale sociale. Ea presupune respectarea de către indivizi a întregului sistem de valori instituit de societate în ansamblul său. Responsabilitatea este strâns legată de acțiunea omului, este o coordonată intrinsecă a comportamentului uman, cu rol hotărâtor în realizarea liberă și conștientă a dispozițiilor juridice și în prevenirea încălcării lor.

Responsabilitatea însoțește libertatea. Concepând responsabilitatea ca o asumare a răspunderii față de rezultatele acțiunii sociale ale persoanei, se admite faptul că societatea este cadrul nemijlocit de manifestare a responsabilității și că libertatea este o condiție fundamentală a responsabilității. Fiind strâns legată de acțiunea omului, responsabilitatea apare ca fiind intim corelată cu sistemul normativ. Nivelul și măsura responsabilității sînt apreciate în funcție de gradul și conținutul procesului de transpunere conștientă în practică a prevederilor normelor sociale.

Condiția fundamentală a responsabilității o constituie legalitatea, între cele două fenomene existînd o strînsă interdependență, în sensul că gradul de responsabilitate a individului indică starea legalității și este strâns legată de progresul general al societății. Ca principiu general de drept, respon-

sabilitatea implică: promovarea valorilor sociale și umane prin intermediul normelor juridice și acțiunea conștientă de apărare a acestor valori, în procesul de elaborare și de realizare a dreptului. Principiul responsabilității se regăsește deopotrivă în procesul elaborării legilor și în procesul complex al realizării dreptului.

Concluzii. Transformarea principiilor statutului juridic al persoanei din perceptive filosofice în mecanisme de protecție cu eficiență concretă, reprezintă o abordare progresistă în domeniul dreptului, care nu poate decît să releve o afirmare a progreselor de cultură și civilizație statală. Prin esență, garantarea și asigurarea reală a statutului juridic al persoanei constituie un scop final, un rezultat al activității statului de drept. Privit astfel, este incontestabil că una din obligațiile fundamentale ale unui stat de drept [10, p. 26] constă în recunoașterea, garantarea, respectarea și protejarea drepturilor și libertăților omului [10, p. 53; 28], pentru aceasta fiind indispensabilă o politică coerentă și eficientă, bazată pe principiile fundamentale ale statutului juridic al persoanei.

Referințe bibliografice

1. DEX. <http://dexonline.ro/definitie/principiu>.
2. *Principiile logice*, Blog de jurisprudență. <http://sublustrum.wordpress.com/jurisprudenta/cursuri-universitare/logica-juridica/principiile-logice/>.
3. Note de curs la disciplina *Protecția juridică a drepturilor omului*. <http://www.scribd.com/doc/23794243/note-de-curs-protectia-juridica-a-drepturilor-omului>.
4. Popescu Nicolae. *Nondiscriminarea prin prisma principiului fundamental de drept al egalității*. Teza de doctor în drept, Chișinău, 2010.

5. Baran Nicolae. *Teoria generală a dreptului*. <http://www.svedu.ro/curs/tgd/c3.html>.
6. Alexandru Florin Măgureanu. *Principiile generale ale dreptului*. Referat la teza de doctor în drept, Braşov, 2011. http://www.icj.ro/Magureanu_teza.pdf.
7. Витрук Н.В. *Общая теория правового положения личности*. М: НОРМА, 2008, 210 с.
8. Valerio Onida. *La Costituzione*. Bologna: Mulino, 2008, 78 p.
9. Ayn Rand. *Obiectivismul, filosofia raţiunii*. <http://ayn-ro.blogspot.com/2008/12/drepturile-omului.html>.
10. Chetruş Ulian. *Garantarea drepturilor şi libertăţilor constituţionale în procesul aplicării măsurilor de constrângere juridică*. Teză de doctor în drept. http://www.cnaa.md/files/theses/2013/25416/ulian_chetrus_thesis.pdf.
11. Marga Andrei. *Demnitatea umană ca principiu*, Cotidianul.ro; <http://www.cotidianul.ro/demnitatea-umana-ca-principiu-220390/>.
12. Avishai Margalit. *The Decent Society*. Harvard: Harvard University Press, 2009, 318 p.
13. Conor O'Mahony. *There is no such thing as a right to dignity*. În: *International Journal of Constitutional Law*, vol. 10, nr. 2, 2012, Oxford University Press, 2012, p. 560-565.
14. Günter Dürig în Theodor Maunz, Günter Dürig (coord.). *Grundgesetz Kommentar*, vol. I, München: C.H. Beck, 1958, 487 p.
15. Klaus Stern. Art. 1. În: Klaus Stern (coord.): *Das Staatsrecht der Bundesrepublik Deutschland*, vol. IV, München: C.H. Beck, 2006, 231 p.
16. Decizia Curţii Constituţionale a României nr. 841 din 2 octombrie 2007. În *Monitorul Oficial al României, Partea I*, nr. 723 din 25 octombrie 2007.
17. Puskás V.Z. *Valorile creştine consacrate în Constituţia României*. În: *Buletinul Curţii Constituţionale*, an XIII, nr. 2, 2011, p. 7-11. <http://www.ccr.ro/ccrold/publications/buletin/13/BCC%20iunie%20ROM-FR-EN-GL%202%202011.pdf>.
18. Zakariás Kinga, Benke Károly. *Demnitatea umană în jurisprudenţa instanţelor constituţionale din Germania, Ungaria şi România*, http://www.ccr.ro/uploads/zakarias_benke.pdf.
19. Carta Organizaţiei Naţiunilor Unite. <https://www.google.md>.
20. *Declaraţia Universală a Drepturilor Omului*. <https://www.google.md>
21. *Pactul internaţional privind drepturile civile şi police din 16.12.1966*. În: *Tratate internaţionale*, vol. 1, p. 30, 1998.
22. Decizia Curţii Constituţionale din România nr. 1.109 din 8 septembrie 2009. În: *Monitorul Oficial al României nr. 678 din 9 octombrie 2009*.
23. Walter Schmi Glaeser. § 129 *Schutz der Privatsphäre in Josef Isensee, Paul Kirchhof (Hrsg.), Handbuch des Staatsrechts der Bundesrepublik Deutschlands (HStR), Vol. VI, Freiheitsrechte*, Heidelberg: C.F. Müller Juristischer, 2000, 420 p.
24. Jurgen Schwarze. *Droit administratif européen*, vol. I, Office des publications officielles des Communautés Européennes, Bruylant, 1994, 719 p.
25. Dumitru Mazilu. *Echitate şi Justiţie*, Bucureşti: Ed. Ştiinţifică, 1972, 290 p.
26. Mircea Djuvara. *Teoria generală a dreptului*. Bucureşti: All, 1995, 516 p.
27. Elena Mihaela Fodor. *Norma juridică – parte integrantă a normelor sociale*. Cluj-Napoca: Argonaut, 2003, 208 p.
28. Lucreţia Dogaru. *Teoria generală a dreptului (curs 4)*. http://studentladrept.blogspot.com/2009/01/lucreia-dogaru-teoria-general-dreptului_5946.html.
29. Gomien Donna. *Introducere în Convenţia Europeană pentru Drepturile Omului*. Bucureşti: All, 1996, 186 p.
30. Henri Brun, Guy Tremblay. *Droit constitutionnel*. Canada, Montréal: Yvon Blais, 1990, 1232 p.
31. Florea Adelina. *Principiul egalităţii în construcţia normativă de drept a răspunderii juridice*. Teza de doctor în drept, specialitatea 551.01. http://www.cnaa.md/files/theses/2013/25321/adelina_florea_thesis.pdf.
32. Rădulescu Crina Ramona.

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию Москаленко Виталия Федоровича, ректора Национального медицинского университета им. А.А. Богомольца (Киев), вице-президента, академика НАМН Украины, профессора, ученого с мировым именем «Концептуальные подходы к формированию современной профилактической стратегии в здравоохранении: от профилактики медицинской к профилактике социальной» Москва, Издательская группа «ГЭОТАР-Медиа» 2011 г., 240 с.

Хотя эта монография предназначена в основном для врачей, медицинских работников, она имеет большое значение и для юристов-ученых и практических работников, так как ее содержание, выводы и рекомендации во многом сопрягаются с профилактикой преступлений. Рекомендуются она и всем сотрудникам профилактических подразделений МВД стран СНГ. Автор определяет профилактику в здравоохранении как совокупность мер по укреплению здоровья, предупреждению и устранению причин заболеваний людей, а также как обеспечение всестороннего развития их физических и духовных сил (с.23).

В криминологии общесоциальное предупреждение преступности определяется как «система мер по устранению процессов детерминации и причинности преступности, воздействующих на все население или его группы, выделяемые по общим экономическим, социальным и иным критериям, создающих вероятность преступного поведения практически всех представителей этих социальных групп»¹.

Известный украинский криминолог А.П. Закалюк определяет социальную профилактику как «целенаправленную деятельность по предупреждению нарушений любых социальных норм, устранение причин, порождающих эти нарушения»².

В первой главе «Актуальность проблемы профилактики и предупреждение заболеваний в современных условиях (с.29-41) автор приводит высказывание Л.В.Громашевского, который подчеркивал: «Когда врач излечивает 10-15 больных, его готовы прославлять; но тот, кто спас от заболевания тысячи и сотни тысяч человек, остается незаметным, ибо, как оценить то, что не произошло».

Приводятся интересные данные о реализации ряда национальных профилактических программ в богатых европейских демократических странах: 25 программ по преодолению табакокурения, 17 – по борьбе со злоупотреблением алкоголем, 29 – диабета, 20 – болезней сердца и др. (с.40).

Автор приходит к выводу, что «Наиболее оптимальным путем сохранения и укрепления здоровья является профилактика, которая ... обходится обществу дешевле, чем лечение» (с.41).

Во второй главе «Эволюция развития профилактического направления в здравоохранении» (с.43-51) приводится таблица трансформации понятия «профилактика» на разных этапах истории человечества, в зависимости от условий общественного строя, господствующего мировоззрения, уровня развития науки (с.45). Создание Всемирной организации здравоохранения (1946 г.) сыграло неоценимую

роль в утверждении профилактического направления в охране здоровья (с.49).

В третьей главе (с.53-67) «Профилактика, ее виды и уровни» приводятся различные определения профилактики, содержащиеся в научных работах, справочниках, словарях, энциклопедиях, в которых принято деление профилактики на первичную, вторичную и третичную (с.62-64).

Первичная профилактика включает меры, предупреждающие возникновение болезней, или программы здорового образа жизни.

Вторичная профилактика – это выявление и эффективное лечение больных на ранних стадиях болезни для предупреждения ее развития и возникновения серьезных осложнений.

Третичная профилактика заключается в предупреждении осложнений и инвалидности, других нежелательных последствий, восстановлении оптимальных функций организма после заболеваний (С23).

В.Ф. Москаленко предлагает распределить профилактические стратегии по следующим уровням: профилактика: медицинская, социальная, государственная, региональная, глобальная, что даст возможность использовать наиболее адекватные инструменты и механизмы профилактического влияния на каждом из уровней (с.65).

Глава четвертая «Ведущие факторы риска, возникновения болезней, их вклад в формирование глобального бремени нездоровья» (с.69-81).

Автор определяет факторы риска как «потенциально опасные для здоровья факторы поведенческого, биологического, генетического, экологического, социального характера, окружающей и производственной среды, повышающие вероятность развития заболеваний, их прогрессирования и неблагоприятного результата (с.70).

В Украине (думаем, что и в Молдове тоже – В.Ф.) ведущими факторами риска, формирующими глобальное бремя болезней у мужчин являются: курение (20,2%), злоупотребление алкоголем (18,3%), повышенное кровяное давление (13,9%), высокий уровень холестерина (12,7%) и другие.

С некоторыми небольшими различиями, такими же являются факторы риска и для женщин (с.79).

В современных условиях глобальное бремя нездоровья формируется под воздействием 10 ведущих факторов риска, из которых 5 в экономически развитых странах и 5 – в бедных (с.81).

Глава пятая «Медико-социальное значение отдельных факторов риска возникновения болезней и связанные с ними социально-экономические убытки» (с.83-129).

В монографии подробно анализируются следующие 10 факторов риска:

1. Повышенное артериальное давление;
2. Табакокурение;
3. Злоупотребление алкоголем;
4. Высокое содержание холестерина в крови;
5. Ожирение;
6. Недостаточная физическая активность;
7. Небезопасный секс;
8. Небезопасная питьевая вода и неудовлетворительные санитарно-гигиенические условия;
9. Дым внутри помещений;
10. Недостаточное питание и железодефицитная анемия.

Из вышеперечисленных факторов риска останемся подробнее на злоупотреблении алкоголем, так как пьянство, алкоголизм являются и причиной совершения многих тяжких преступлений. Уголовные кодексы РМ, Украины, России (статьи 24, 21, 23) предусматривают, что лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, вызванного алкоголем или другими веществами, не освобождается от уголовной ответственности.

Уголовные кодексы Республики Молдова и УК Украины с некоторыми оговорками оценивают совершение преступления в состоянии опьянения как обстоятельство, отягчающее ответственность (наказание) ст.77 УК РМ, ст.67 УК Украины).

В.Ф. Москаленко приводит пугающие цифры опасных последствий злоупотреблений алкоголем. Повторяем, злоупотребления, а не просто потребления, умеренного потребления спиртных напитков. Ранее мы высказали мнение, которое считаем правильным и сейчас: «Умеренное употребление спиртных напитков взрослыми здоровыми людьми в общепринятых для этого случаях (свадьбы, именины и другие торжества) и в надлежащих условиях является многовековой традицией, вошло в быт многих народов и не осуждается ни правом, ни моралью, поскольку оно не причиняет никакого вреда ни индивиду, ни обществу.³

В целом в мире от злоупотребления алкоголем ежегодно умирает 2,3 миллиона человек, что составляет 3,7% глобальной смертности и 4,4% *глобального бремени болезней*. В мире каждый из 3-4 мужчин и каждая из 10 женщин употребляют алкоголь (злоупотребляет алкоголем), 140 млн. страдает от алкогольной зависимости (от алкоголизма как болезни, от пьянства и алкоголизма). Алкоголь (алкоголизм – В.Ф.) является главным фактором риска для здоровья среди молодежи (с.96).

Социально-экономический ущерб от злоупотребления алкоголем достигает в мире 2-5% ВВП и оставляет 210-665 млрд. долл. США (с.98).

Реализация мероприятий антиалкогольной политики будет способствовать сокращению распространности злоупотребления спиртными напитками и предотвращению обусловленных ими нарушений здоровья и, от себя добавим, сокращению числа тяжких преступлений, совершаемых на почве пьянства и алкоголизма (с.191).⁴

Мы не будем останавливаться на подробный

анализ остальных глав монографии, ограничимся лишь их перечислением.

Глава 6. Социально-экономические детерминанты здоровья.

Глава 7. Вертикальные и горизонтальные профилактические программы в здравоохранении.

Глава 8. Мировой и европейский опыт внедрения профилактических программ в здравоохранении.

Глава 9. Профилактические программы и технологии в здравоохранении Украины.

Глава 10. Обоснование концептуальных подходов к формированию профилактической стратегии в здравоохранении.

Выводы (с.215-223).

Список литературы (с.224-238) включает 161 монографию, национальных и международных нормативных актов, выступлений Генерального директора ВОЗ Маргарет Чен на различных международных форумах.

С особой душевной теплотой В.Ф. Москаленко посвящает монографию своим родителям, которые подарили ему жизнь; жене Людмиле, которая подарила ему целую жизнь; сыновьям Максиму и Виталию, внукам Марии и Елизавете, которые наполнили его жизнь радостью, смыслом и приятными заботами; своим Учителям, которые передали ему свои знания и опыт; светлой памяти Дедушки и Бабушки, которые научили его принимать верные решения в жизни.

Монография тиражом в 1000 экземпляров подарена всем участникам международной научно-практической конференции, посвященной Всемирному дню здоровья под девизом «Привыкание к противомикробным препаратам и его глобального распространения», состоявшейся в Киеве, в Национальном медицинском университете им. А.А. Богомольца 7-8 апреля 2011 года.

Выражаю сердечную благодарность Виталию Федоровичу Москаленко, Татьяне Степановне Грузевой за приглашение на конференцию, предоставленную возможность выступить перед ее участниками, за гостеприимство и прекрасную культурную программу.

В. ФЛОРЯ,
доктор права, доцент,
Академия МВД Республики Молдова

1. Российская криминологическая энциклопедия. Редактор А.И. Долгова. Изд-во «Норма», М., 2000, 808 с., с.538.

2. Закалюк А.П. Курс сучасної української криминології. Издательский Дом «Ін Юре», 2007, с.323.

3. Флоря В. Ответственность за совершение преступления в состоянии опьянения. Автореферат канд. дисс. Москва, 1974, с.6.

4. Российская криминологическая энциклопедия, с.23-24.